

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Сиринъ

Возвращение Чорба

Im Werden Verlag
München
2007

Оглавление.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА.....	4
ПОРТЪ.....	11
ЗВОНОКЪ.....	16
ПИСЬМО ВЪ РОССИЮ.....	25
СКАЗКА.....	28
РОЖДЕСТВО.....	39
ГРОЗА.....	44
БАХМАНЪ.....	47
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БЕРЛИНУ.....	55
ПОДЛЕЦЪ.....	59
ПАССАЖИРЪ.....	81
КАТАСТРОФА.....	86
БЛАГОСТЬ.....	92
КАРТОФЕЛЬНЫЙ ЭЛЬФЪ.....	96
УЖАСЪ.....	115

© 1929 by Vladimir Nabokov

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2007, 2008.

Старая орфография восстановлена Александром Свиринымъ
по репринтному изданию: Ardis, Ann Arbor, 1976.

Оригинальное издание: «Слово», Берлинъ, 1930.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА

Супруги Келлеръ вышли изъ театра поздно. Въ этомъ спокойномъ германскомъ городѣ, гдѣ воздухъ былъ чуть матовый, и на рѣкѣ вотъ уже восьмой вѣкъ поперечная зыбь слегка тушевала отраженный соборъ, Вагнера давали съ прохладцей, со вкусомъ, музыкой накармливали до отвалу. Изъ театра Келлеръ повезъ жену въ нарядный кабачекъ, который славился своимъ бѣлымъ виномъ, и только во второмъ часу ночи автомобиль, легкомысленно освѣщенный изнутри, примчалъ ихъ по мертвымъ улицамъ къ желѣзной калиткѣ степеннаго особняка. Келлеръ, старый коренастый нѣмецъ, очень похожій на президента Крюгера, первый сошелъ на панель, гдѣ при сѣромъ свѣтѣ фонаря шевелились петлистыя тѣни листьевъ. Свѣтъ на мгновеніе выхватилъ крахмальную грудь Келлера и капли стекляруса на платѣ его жены, которая, выпроставъ полную ногу, въ свой чередъ лѣзла изъ автомобиля. Въ прихожей ихъ встрѣтила горничная и, съ разбѣгу, испуганнымъ шопотомъ сообщила имъ о посѣщеніи Чорба. Пухлое, еще свѣжее лицо Варвары Климовны Келлеръ задрожало и покраснѣло отъ волненія: {5}

— Онъ вамъ сказалъ, что она больна?

Горничная зашептала еще шибче. Келлеръ толстой ладонью погладилъ себя по сѣдому бобрику, и его большое, нѣсколько обезьянье лицо, съ длиннымъ надгубьемъ и съ глубокими морщинами, по-старчески насупилось.

— Не могу же я ждать до завтра. Мы сію минуту поѣдемъ туда, — тряся головой, забормотала Варвара Климовна и грузно покружилась на мѣстѣ, ловя конецъ вуали, которой былъ покрытъ ея русый парикъ, — Господи Боже мой... Не даромъ около мѣсяца не было писемъ.

Келлеръ толчкомъ кулака расправилъ складной цилиндръ и проговорилъ своимъ точнымъ, нѣсколько гортаннымъ русскимъ языкомъ:

— Этотъ человѣкъ не въ своемъ умѣ. Какъ онъ смѣетъ, если она больна, завозить ее опять въ эту гнусную гостиницу...

Но, конечно, они ошибались, думая, что дочь ихъ больна. Чорбъ такъ сказалъ горничной просто потому, что это было легче всего выговорить. На самомъ дѣлѣ онъ вернулся изъ-за границы одинъ и только теперь сообразилъ, что вѣдь придется все-таки объяснить, какъ жена его погибла, и почему онъ ничего не писалъ. Все это было очень трудно. Какъ объяснить, что онъ желалъ одинъ обладать своимъ горемъ, ничѣмъ

постороннимъ не засоряя его и не раздѣляя его ни съ кѣмъ? Ему сдавалось, что ея смерть — рѣдчайшій, почти неслыханный случай, что ничего не можетъ быть чище вотъ такой именно смерти, — отъ удара электрической струи, которая, перелитая въ стекла, даетъ самый чистый и яркій свѣтъ. {6}

И съ тѣхъ поръ, какъ въ весенній день на бѣломъ шоссе въ десяти верстахъ отъ Ниццы она, смѣясь, тронула живой проводъ бурей поваленнаго столба, — весь міръ для Чорба сразу отшумѣлъ, отошелъ, — и даже мертвое тѣло ея, которое онъ несъ на рукахъ до ближайшей деревни, уже казалось ему чѣмъ то чужимъ и ненужнымъ. Въ Ниццѣ, гдѣ ее должны были хоронить, непріятный чахоточный пасторъ напрасно добивался отъ него подробностей, — онъ только вяло улыбался, цѣлый день сидѣлъ на галькѣ пляжа, пересыпая изъ ладони въ ладонь цвѣтные камушки, — и внезапно, не дождавшись похоронъ, поѣхалъ обратно въ Германію черезъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ въ теченіе свадебнаго путешествія они побывали вдвоемъ. Въ Швейцаріи, гдѣ они провели зиму и гдѣ доцвѣтали теперь яблони, онъ ничего не узналъ, кромѣ гостиницъ; зато въ Шварцвальдѣ, по которому они прошли еще осенью, холодноватая весна не мѣшала воспоминанію. И такъ же, какъ на южномъ пляжѣ, онъ старался найти тотъ единственный, круглый, черный, съ правильнымъ бѣлымъ пояскомъ, камушекъ, который она показывала ему наканунѣ послѣдней прогулки, — точно такъ же онъ отыскивалъ по пути все то, что отмѣтила она возгласомъ: особенный очеркъ скалы, домишко, крытый серебристо-сѣрыми чешуйками, черную ель и мостикъ надъ бѣлымъ потокомъ, и то, что было, пожалуй, роковымъ прообразомъ, — лучевой размахъ паутины въ телеграфныхъ проволокахъ, унизанныхъ бисеромъ тумана. Она сопровождала его: быстро ступали ея высокіе сапожки, — и все двигались, двигались руки, то срывая листикъ съ куста, то мимоходомъ поглаживая скалистую стѣну, — легкія, смѣющіяся руки, которыя {7} не знали покоя. Онъ видѣлъ ея маленькое лицо, сплошь въ темныхъ веснушкахъ, и глаза, широкіе, блѣдно-зеленые, цвѣта стеклянныхъ осколковъ, выглаженных волнами. Ему казалось, что если онъ соберетъ всѣ мелочи, которыя они вмѣстѣ замѣтили, если онъ воссоздастъ это близкое прошлое, — ея образъ станетъ бессмертнымъ и ему замѣнитъ ее навсегда. Вотъ только ночи были невыносимы... По ночамъ ея мнимое присутствіе становилось вдругъ страшнымъ, — онъ почти не спалъ во время этого трехнедѣльнаго путешествія и теперь пріѣхалъ совсѣмъ хмельной отъ усталости въ тихій городъ, гдѣ встрѣтился и вѣнчался съ ней, на вокзалѣ, откуда прошлой осенью они вмѣстѣ уѣхали.

Было около восьми часовъ вечера. За домами башня собора отчетливо чернѣла на червонной полосѣ зари. На площади передъ вокзаломъ стояли гуськомъ все тѣ же дряхлые извозчики. Покрикивалъ тотъ же газетчикъ глухимъ вечернимъ голосомъ. Тотъ же черный пудель съ равнодушными глазами поднималъ тонкую лапу у рекламной тумбы прямо на красныя буквы афиши: Парсифаль.

У Чорба былъ ручной чемоданъ и большой желтый сундукъ. Онъ покатилъ черезъ городъ на извозчикѣ. Кучеръ лѣнливо пошлепывалъ вожжами, придерживая одной рукой сундукъ. Чорбъ помнилъ, что та, которую онъ никогда не называлъ по имени, любила ѣздить на извозчикахъ.

Въ переулкѣ, за угломъ городской оперы, была старая трехэтажная, дурного пошиба гостиница, въ которой сдавались комнаты и на недѣлю, и на часъ, — черный, въ географическихъ облупахъ домъ, съ ободранной {8} кисеей за мутными стеклами и съ непримѣтной входной дверью, никогда не запиравшейся на ключъ. Блѣдный, развязный лакей повелъ Чорба по извилистому коридору, отдающему сыростью и капустой, и когда Чорбъ вошелъ за нимъ въ номеръ, то сразу узналъ, — по розовой купальщицѣ въ золоченой рамѣ надъ кроватью, — что это та самая комната, гдѣ онъ провелъ съ женой первую совмѣстную ночь. Ей все казалось забавнымъ тогда, — и толстякъ безъ пиджака, котораго рвало въ коридорѣ, и то, что они выбрали почему то такую дрянную гостиницу, и то, что въ умывальной чашкѣ былъ чудесный свѣтлый волосъ, но пуще всего ее смѣшило то, какъ они скрылись изъ дому. Тотчасъ же по приѣзде изъ церкви домой, она побѣжала къ себѣ переодѣться, — пока внизу собирались гости къ ужину. Келлеръ въ добротномъ фракѣ, съ рыхлой улыбкой на обезьяньемъ лицѣ, похлопывалъ по плечу то того, то другого, самъ подавалъ шнапсы, — а близкихъ друзей Варвара Климовна водила попарно осматривать спальню, предназначенную новобрачнымъ, — съ умиленіемъ, пришептывая, указывала на исполинскую перину, на апельсиновые цвѣты, на двѣ пары новенькихъ ночныхъ туфель, — большія клѣтчатыя и маленькія красныя съ помпончиками, — поставленныхъ рядышкомъ на коврикѣ, по которому готическимъ шрифтомъ шла надпись: Мы вмѣстѣ до гроба. Затѣмъ все двинулись къ столамъ, — а Чорбъ съ женой, мгновенно сговорившись, бѣжали съ чернаго хода и только на слѣдующее утро, за полчаса до отхода экспресса, явились въ домъ за вещами. Варвара Климовна всю ночь прорыдала; мужъ ея, для котораго Чорбъ — нищій эмигрантъ и литераторъ, {9} — былъ всегда человѣкъ подозрительный, проклиналъ выборъ дочери, расходъ на вино, полицію, которая ничего не могла сдѣлать... И потомъ, когда молодые уѣхали, старикъ ходилъ смотрѣть на

гостиницу въ переулкѣ за оперой, — и съ тѣхъ поръ этотъ черный, подслѣповатый домъ сталъ для него чѣмъ то отвратительнымъ и влекущимъ, какъ воспоминаніе о преступленіи.

Пока вносили сундукъ, Чорбъ неподвижно глядѣлъ на розовую олеографію. Когда дверь закрылась, онъ нагнулся надъ сундукомъ, отперъ его. Въ углу, подъ отвернутымъ лоскутомъ обойной бумаги, шуркнула и покатила мышь. Онъ повернулся на каблукъ съ быстрымъ содроганіемъ. Голая лампочка, висѣвшая на шнурѣ съ потолка, едва-едва качалась. Тѣнь шнура скользила поперекъ зеленой кушетки, ломаясь по сгибу. На этой самой кушеткѣ онъ тогда спалъ. Жена дышала такъ по-дѣтски ровно. Въ ту ночь онъ только поцѣловалъ ее въ душку, — больше ничего.

Мышь завозилась опять. Есть такіе маленькіе звуки, что страшнѣе канонады. Чорбъ оставилъ сундукъ, прошелся раза два по комнатѣ. Ночной мотылекъ звонко ударился о лампочку. Онъ рванулъ дверь и вышелъ.

Спускаясь по лѣстницѣ, онъ чувствовалъ, какъ тяжело усталъ, а когда оказался въ переулкѣ, голова у него закружилась отъ мутной синевы майской ночи. Свернувъ на бульваръ, онъ пошелъ быстрѣе. Площадь. Каменный всадникъ. Черныя облака городского сада. Теперь цвѣли каштаны, а тогда стояла осень. Они долго вдвоемъ гуляли наканунѣ свадьбы. Какъ хорошъ {10} былъ земляной, влажный, слегка фіалковый запахъ вялыхъ листьевъ, покрывавшихъ панель... Небо въ тѣ пасмурные, прелестные дни бывало тускло-бѣлымъ, и, посреди черной мостовой, вѣтки отражались въ небольшой лужѣ, похожей на плохо промытую фотографію. Между сѣрыхъ особняковъ неподвижно и мягко желтѣли деревья, а передъ ея домомъ увядалъ тополь, и листья его были цвѣта прозрачнаго винограда. За рѣшеткой мелькали стволы березъ, — иной въ плотномъ чехлѣ плюща, — и онъ рассказывалъ, что въ Россіи не бываетъ плюща на березахъ, а она говорила, что рыжеватый оттѣнокъ ихъ мелкой листвы напоминаетъ пятна нѣжной ржавчины на выглаженномъ бѣльѣ. Вдоль панели стояли дубы и каштаны; по черной корѣ шла бархатная празелень; то и дѣло срывался листъ, летѣлъ наискось черезъ улицу, какъ лоскутокъ оберточной бумаги. Она старалась поймать его на лету при помощи лопатки, которую нашла близъ груды розовыхъ кирпичей тамъ, гдѣ чинили улицу. Поодаль, изъ трубы рабочаго фургона струился сизый дымокъ, наклонялся, таялъ между вѣтокъ, — и отдохавшій каменщикъ смотрѣлъ, подбоченясь, на легкую, какъ блеклый листъ, барышню, плясавшую съ лопаткой въ поднятой рукѣ. Она прыгала и смѣялась. Чорбъ, слегка горбясь, шагаль за

нею, — и ему казалось, что вотъ такъ, какъ пахнуть вялые листья, пахнетъ само счастье.

Теперь онъ едва узнавалъ эту улицу, загроможденную ночью пышностью каштановъ. Впереди горѣлъ фонарь, надъ стекломъ склонялась вѣтка, и нѣсколько листьевъ, на концѣ пропитанныхъ свѣтомъ, были совсѣмъ прозрачны. Чорбъ подошелъ. Тѣнь калитки {11} ломанымъ рѣшетомъ хлынула къ нему съ панели, опутала ему ноги. За оградой, за туманной полосой гравія, выросъ темный фасадъ знакомаго дома. Одно окно было открыто и освѣщено. Въ этомъ янтарномъ провалѣ горничная широкимъ движеніемъ стелила яркую простыню. Чорбъ громко и коротко позвалъ ее. Одной рукой онъ держался за калитку, и росистое ощущеніе желѣза подъ ладонью было самымъ острымъ изъ всѣхъ воспоминаній.

Горничная уже выбѣгала къ нему. Какъ она рассказывала Варварѣ Климовнѣ, ее раньше всего поразило то, что Чорбъ оставался молча стоять на панели, хотя она сразу отперла калитку. «Онъ былъ безъ шапки», — рассказывала она, — «и свѣтъ отъ фонаря падалъ ему на лобъ, и лобъ былъ мокрый отъ пота, и волосы ко лбу пристали. Я сказала, что господа въ театрѣ, и спросила его, почему онъ одинъ. У него глаза очень страшно блестяи, и онъ какъ будто давно не брился. Онъ тихо сказалъ: «Передайте, что она больна». Я спросила, — «Гдѣ же вы остановились?» Онъ сказалъ: «Все тамъ же», — а потомъ: «Это все равно. Я завтра утромъ зайду». Я предложила ему подождать, — но онъ ничего не отвѣтилъ, повернулся и ушелъ».

Такъ Чорбъ возвращался къ самымъ истокамъ своихъ воспоминаній. Это былъ мучительный и сладкій искусь, который теперь подходилъ къ концу. Оставалось провести всего одну ночь въ той первой комнатѣ ихъ брака, а уже завтра — искусь будетъ пройденъ, и образъ ея станетъ совершеннымъ.

И пока онъ шелъ обратно къ гостиницѣ по бульвару, гдѣ на всѣхъ скамьяхъ, въ синей темнотѣ, сидѣли {12} туманныя фигуры, онъ вдругъ понялъ, что, несмотря на усталость, онъ не заснетъ одинъ въ той комнатѣ съ голой лампочкой и шопотливыми углами. Онъ вышелъ на площадь и побрелъ по главной улицѣ, — и уже зналъ, что нужно сдѣлать. Но искалъ онъ долго: городъ былъ тихій, цѣломудренный, — и тотъ потайной переулокъ, гдѣ продавалась любовь, былъ Чорбу неизвѣстенъ. И только послѣ часу безпомощнаго блужданія, отъ котораго у него горѣли пятки и шумѣло въ ушахъ, онъ случайно въ тотъ переулокъ попалъ и сразу подошелъ къ женщинѣ, окликнувшей его.

— Ночь, — сказалъ Чорбъ сквозь зубы.

Женщина склонила на бокъ голову, покачала сумкой и отвѣтила: «Двадцать пять».

Онъ кивнулъ. Только гораздо позже, случайно взглянувъ на нее, Чорбъ равнодушно замѣтилъ, что она недурна собой, хотя очень потасканная, и что волосы у нея свѣтлые, стриженные.

Она не разъ уже, съ другими мужчинами, бывала въ гостиницѣ, гдѣ стоялъ Чорбъ, — и блѣдный, востроносый лакей, сбѣгавшій по лѣстницѣ, дружелюбно ей подмигнулъ. Пока они шли по коридору, было слышно, какъ за одной изъ дверей, равномерно и тяжело, скрипѣла кровать, словно кто-то пилилъ бревно. И черезъ нѣсколько дверей, изъ другого номера опять донесся такой же ноющей звукъ, — и, проходя мимо, женщина съ холодной игривостью оглянулась на Чорба.

Онъ молча ввелъ ее въ свою комнату, и сразу, съ глубокимъ предвкушеніемъ сна, сталъ сдергивать воротникъ съ запонки. Женщина подошла вплотную къ нему, спросила съ улыбкой:

— А какъ насчетъ маленькаго подарка? {13}

Чорбъ сонно и разсѣянно посмотрѣлъ на нее, съ трудомъ сообразилъ, о чемъ она говоритъ.

Получивъ деньги, она аккуратно сложила ихъ въ сумку, и, легонько вздохнувъ, опять подошла, потрянула волосами:

— Мнѣ раздѣваться?

— Да, ложись, — пробормоталъ Чорбъ, — утромъ еще дамъ.

Она стала поспѣшно разстегивать пуговицы кофточки и все время искоса поглядывала на Чорба, слегка удивляясь его разсѣянной угрюмости. Быстро и неряшливо раздѣвшись, онъ легъ въ постель, повернулся къ стѣнѣ.

«Этотъ, вѣроятно, съ фокусомъ», — смутно подумала женщина. Медленно она сложила свою сорочку, положила на стулъ. Чорбъ уже крѣпко спалъ.

Женщина побродила по комнатѣ, и, замѣтивъ, что крышка сундука, стоявшаго у окна, чуть приоткрыта, опустилась на корточки, заглянула подъ край. Мигая и осторожно вытягивая голую руку, она нащупала женское платье, чулокъ, какіе то шелковые лоскуточки, — кое-какъ сложенные и пахнувшіе такъ хорошо, что ей стало грустно.

Она разогнулась, зѣвая, почесала бедро, и какъ была, — голая, въ однихъ чулкахъ, подошла къ окну, отодвинула штору. За шторой рама была отворена, и въ бархатной безднѣ улицы виденъ былъ уголъ оперы, черное плечо каменнаго Орфея, выдѣлявшееся на синевѣ ночи, и рядъ огоньковъ по туманному фасаду, наискось уходившему въ сумракъ. Тамъ, далеко, на полукруглыхъ слояхъ освѣщенныхъ ступеней кишѣли, вытекая изъ яркой проймы дверей, мелкіе, темные силуэты, {14} и къ

ступенямъ скользили, играя фонарями и блестя гладкими крышами, автомобили. И только когда кончился разъездъ, и огоньки погасли, женщина опустила штору и, выключивъ свѣтъ, легла въ постель, подлѣ Чорба. Засыпая, она думала о томъ, что уже раза два была именно въ этой комнатѣ, запомнила розовую картину на стѣнѣ.

Спала она не больше часу: ее разбудилъ страшный, истощный вопль. Это крикнулъ Чорбъ. Онъ проснулся среди ночи, повернулся на бокъ и увидѣлъ жену свою, лежавшую съ нимъ рядомъ. Онъ крикнулъ ужасно, всѣмъ животомъ. Бѣлая женская тѣнь соскочила съ постели. Когда она, вся дрожа, зажгла свѣтъ, — Чорбъ сидѣлъ въ спутанныхъ простыняхъ, спиной къ стѣнѣ, и сквозь растопыренные пальцы сумасшедшимъ блескомъ горѣлъ одинъ глазъ. Потомъ онъ медленно открылъ лицо, медленно узналъ женщину. Она, испуганно бормоча, торопливо надѣвала сорочку.

И Чорбъ облегченно вздохнулъ и понялъ, что искусь конченъ. Онъ перебрался на кушетку и, сжимая руками волосатую голень, съ равнодушной улыбкой смотрѣлъ на женщину. Эта улыбка еще больше испугала ее, и, отвернувшись, она быстро застегнула послѣдній крючокъ, зашнуровала ботинки, стала надѣвать шляпу.

И въ это мгновеніе въ коридорѣ зазвучали голоса и шаги.

— Но онъ вмѣстѣ съ дамой... — уныло повторялъ голосъ лакея.

И гортанный раздраженный голосъ настаивалъ:

— Я же говорю вамъ, что это — моя дочь. {15}

Шаги остановились за дверью. Затѣмъ раздался стукъ.

Тогда женщина схватила со стола сумку и рѣшительно открыла дверь. Передъ ней стоялъ изумленный старый господинъ въ матовомъ цилиндрѣ, съ жемчужиной на бѣлой груди рубашки, изъ-за его плеча выглядывала полная, заплаканная дама въ вуали на волосахъ, а сзади маленькій, блѣдный лакей поднимался на цыпочки, тараща глаза и дѣлая пригласительныя движенія рукой. Женщина поняла его знакъ и проскочила въ коридоръ, мимо старика, который все съ тѣмъ же недоумѣніемъ повернулъ къ ней голову, — и затѣмъ вмѣстѣ съ дамой переступилъ порогъ. Дверь закрылась. Женщина и лакей остались стоять въ коридорѣ, испуганно посмотрѣли другъ на друга и, нагнувшись, прислушались. Но въ комнатѣ было молчаніе. Казалось невѣроятнымъ, что тамъ, за дверью, трое людей. Ни единый звукъ не доносился оттуда.

— Они молчатъ, — шепнулъ лакей и приложилъ палецъ къ губамъ. {16}

ПОРТЪ

Въ низкой парикмахерской пахло прѣлыми розами. Жарко и тяжело жужжали мухи. Солнце лужами топленого меда горѣло на полу, щипало блескомъ флаконы, сквозило сквозь долгую занавѣску въ дверяхъ: занавѣска — глиняныя бусы да трубочки изъ бамбука, попережку нанизанныя на частые шнуры — разсыпчато позвякивала и переливалась, когда кто-нибудь, входя, плечомъ ее откидывалъ. Передъ собой, въ тускловатомъ стеклѣ, Никитинъ видѣлъ свое загорѣлое лицо, лѣпныя пряди яркихъ волосъ, сверканье ножницъ, стрекотавшихъ надъ ухомъ, — и глаза его были внимательны и строги, какъ это всегда бываетъ, когда смотришься въ зеркало. Наканунѣ онъ приѣхалъ изъ Константинополя, гдѣ жить стало невтерпежъ, въ этотъ древній южно-французскій портъ; утромъ заходилъ въ русское консульство, въ бюро труда, бродилъ по городу, узкими улочками сползающему къ морю, усталъ, разомлѣлъ и теперь зашелъ постричься, освѣжить голову. Полъ вокругъ стула былъ уже усыпанъ яркими мышками, — обрѣзками волосъ. Парикмахеръ набралъ въ ладонь жидкаго мыла. Вкусный холодокъ {17} прошелъ по макушкѣ, пальцы крѣпко втирали густую пѣну, — а потомъ грянулъ ледяной душъ, екнуло сердце, мохнатое полотенце заработало по лицу, по мокрымъ волосамъ.

Плечомъ пробивъ волнистый дождь занавѣски, Никитинъ вышелъ въ покатый переулокъ. Правая сторона была въ тѣни, по лѣвой въ жаркомъ сіяніи дрожалъ вдоль панели узкій ручей, дѣвочка, черноволосая, беззубая, въ смуглыхъ веснушкахъ, ловила звонкимъ ведромъ сверкающую струю; и ручей, и солнце, и фіолетовая тѣнь, — все текло, скользило внизъ, къ морю: еще шагъ, и тамъ, въ глубинѣ, между стѣнъ, выросталъ его плотный сапфировый блескъ. По тѣневой сторонѣ шли рѣдкіе прохожіе. Попался навстрѣчу негръ въ колониальной формѣ, — лицо, какъ мокрая галоша. На тротуарѣ стоялъ соломенный стулъ, съ сидѣнія мягко спрыгнула кошка. Мѣдный провансальскій голосъ затараторилъ гдѣ-то въ окне. Стукнулъ зеленый ставень. На лоткѣ, среди лиловыхъ моллюсковъ, пахнувшихъ морской травой, шероховатымъ золотомъ отливали лимоны.

Сойдя къ морю, Никитинъ съ волненіемъ поглядѣлъ на его густую синеву, переходившую вдали въ ослѣпительную серебристость, — на свѣтовую рябь, нѣжно игравшую по бѣлому борту яхты, — и потомъ, пошатываясь отъ зноя, пошелъ разыскивать русскій ресторанчикъ, адресъ котораго онъ примѣтилъ на стѣнѣ въ консульствѣ.

Въ ресторанчикѣ, какъ и въ парикмахерской, было жарко, грязновато. Въ глубинѣ, на широкой стойкѣ, сквозили закуски и фрукты въ

волнахъ сизой кисеи, прикрывавшей ихъ. Никитинъ сѣлъ, расправилъ {18} плечи: рубашка прилипла къ спинѣ. За сосѣднимъ столикомъ сидѣли двое русскихъ, видимо, матросы съ французскаго судна, а поодаль одинокій старичокъ въ золотыхъ очкахъ, чмокая и посасывая, лакалъ съ ложки борщъ. Хозяйка, вытирая полотенцемъ пухлыя руки, материнскимъ взглядомъ окинула вошедшаго. Два лохматыхъ щенка, лопоча лапками, валялись на полу; Никитинъ свистнулъ; старая облѣзлая сука съ зеленой слизью въ углахъ ласковыхъ глазъ положила морду къ нему на колѣни.

Одинъ изъ моряковъ обратился къ нему, сдержанно и неторопливо: — Отгоните. Блохъ напуститъ.

Никитинъ потрепалъ собаку по головѣ, поднялъ сіяющіе глаза.

— Этого, знаете, не боюсь... Константинополь... Бараки... Что вы думаете...

— Недавно прибыли? — спросилъ морякъ. Голосъ — ровный. Сѣтка вмѣсто рубашки. Весь прохладный, ловкій. Темные волосы отчетливо сзади подстрижены. Чистый лобъ. Общій видъ порядочности и спокойствія.

— Вчера вечеромъ, — отвѣчалъ Никитинъ.

Отъ борща, отъ чернаго огненнаго вина онъ еще больше вспотѣлъ. Хотѣлось смирно сидѣть, тихо бесѣдовать. Въ пройму двери вливалось яркое солнце, трепеть и блескъ переулочнаго ручейка, — и поблескивали очки у русскаго старичка, сидѣвшаго въ углу, подъ газовымъ счетчикомъ.

— Работы ищете? — спросилъ второй матросъ, пожилой, голубоглазый, съ блѣдными, моржовыми усами, {19} но тоже весь отчетливый, чистый, отшлифованный солнцемъ и соленымъ вѣтромъ.

Никитинъ улыбнулся:

— Еще-бы... Вотъ былъ сегодня въ бюро труда... Предлагаютъ сажать телеграфные столбы, вить канаты, да вотъ не знаю...

— А вы къ намъ, — проговорилъ черноволосый, — кочегаромъ, что-ли. Это, скажу вамъ, дѣло... А, Ляля... Наше вамъ съ кисточкой!...

Вошла барышня, въ бѣлой шляпѣ, съ некрасивымъ нѣжнымъ лицомъ, прошла между столиковъ, улыбнулась сперва собачкамъ, потомъ морякамъ. Никитинъ спросилъ что-то и забылъ свой вопросъ, глядя на дѣвушку, на движеніе ея низкихъ бедеръ, по которымъ всегда можно узнать русскую барышню. Хозяйка нѣжно взглянула на дочь, устала, моль, просидѣла все утро въ конторѣ, а не то въ магазинѣ служить. Было въ ней что-то трогательное, уѣздное, хотѣлось думать о фіалочномъ мылѣ, о дачномъ полустанкѣ въ березовомъ лѣсу. Конечно, за дверью никакой Франціи нѣтъ. Кисейныя движенія. Солнечная чепуха.

— Нѣтъ, это вовсе не сложно, — говорилъ морякъ, — бываетъ такъ: желѣзная бадья, угольная яма. Подгребаете, значить. Сперва легко, — пока уголь скатомъ: самъ въ бадью сыплется; потомъ тяжелѣе. Наполните бадью, ставите ее на телѣжку. Подкатываете къ старшему кочегару. Тотъ ударомъ лопаты — разъ! — отпахиваетъ печь, — два! — той же лопатой бросаетъ, знаете, широко, вѣеромъ, чтобы ровно легъ. Работа тонкая. Изволь слѣдить за стрѣлкой, а если понизится давленіе... {20}

Въ окнѣ съ улицы появились голова и плечи человѣка въ панамѣ и бѣломъ пиджакѣ.

— Какъ изволите поживать, Ляля?

Облокотился о подоконникъ.

— Да-да, конечно, жарко, такъ и пышить. Работать нужно въ однихъ штанахъ да въ сѣткѣ. Сѣтка потомъ черная. А вотъ я говорилъ, — о давленіи-то. Въ печи, значить, образуется накипь, каменная кора, разбиваешь этакой длинной кочергой. Трудно. Зато какъ потомъ выскочишь на палубу — солнце, хоть и тропическое, а кажется свѣжимъ, — да встанешь подъ душъ, да шмыгъ къ себѣ въ кубрикъ, въ гамакъ, — благодать, доложу я вамъ...

Тѣмъ временемъ у окна:

— А онъ, понимаете, утверждаетъ, что видѣлъ меня въ автомобиль!

Голосъ у Ляли былъ высокій, взволнованный. Ея собесѣдникъ, бѣлый господинъ, стоялъ, облокотясь съ внѣшней стороны подоконника, и въ квадратѣ окна были видны его круглыя плечи, бритое мягкое лицо, наполовину освѣщенное солнцемъ: русскій, которому повезло.

— Вы еще, говорить, были въ сиреновомъ платьѣ, а у меня и нѣтъ такого, — взвизгнула Ляля, — а онъ настаиваетъ: «же ву засюръ».

— Нельзя ли по-русски, — обернулся морякъ, говорившій съ Никитинымъ.

Человѣкъ въ окнѣ сказалъ:

— А я, Ляля, досталъ эти ноты. Помните?

Такъ и пахнуло, — почти нарочито, словно кто-то забавлялся тѣмъ, что выдумываетъ эту барышню, этотъ разговоръ, этотъ русскій ресторанчикъ въ чужеземномъ {21} порту, — пахнуло нѣжностью русскихъ захолустныхъ будней, и сразу, по чудному и тайному сочетанію мысли, міръ показался еще шире, захотѣлось плыть по морямъ, входить въ баснословные заливы, вездѣ подслушивать чужія души.

— Вы спрашиваете, какой рейсъ? Индокитай, — такъ просто сказалъ морякъ.

Никитинъ задумчиво застучалъ папиросою о портсигаръ; на деревянной крышкѣ выжженъ золотой орелъ.

— Хорошо, должно быть.

— А что? Конечно, хорошо.

— Ну, расскажите что-нибудь. Ну, про Шанхай, про Коломбо.

— Шанхай? Видѣлъ. Теплый дождикъ, красный песочекъ. Сыро, какъ въ оранжереѣ. А на Цейлонъ, напимѣрь, не попалъ; вахта, знаете... Моя была очередь...

Человѣкъ въ бѣломъ пиджакѣ, согнувъ плечи, черезъ окно говорилъ Лялѣ что-то, тихо и значительно. Она слушала, на-бокъ склонивъ голову, одной рукой потрагивая завернувшееся ухо собаки. Собака, выпустивъ огненно-розовый языкъ, радостно и быстро дыша, глядѣла въ солнечный просвѣтъ двери, вѣрно, раздумывая, стоитъ ли еще полежать на горячемъ порогѣ. И казалось, что собака думаетъ по-русски.

Никитинъ спросилъ:

— Куда же мнѣ обратиться?

Морякъ подмигнулъ пріятелю: уломалъ, дескать. Затѣмъ сказалъ:

— Очень просто. Завтра пораньше пойдете въ старый портъ, у второго мола найдете нашъ «Жанъ-Баръ». {22} Вотъ и поговорите съ помощникомъ капитана. Думаю, что найметъ.

Никитинъ внимательно и ясно посмотрѣлъ на чистый, умный лобъ моряка.

— Чѣмъ вы были раньше, — въ Россіи?

Тотъ пожалъ плечами, усмѣхнулся.

— Чѣмъ? Дуракомъ, — басомъ отвѣтилъ за него вислоусый.

Погодя оба встали. Молодой вынулъ бумажникъ, заткнутый въ штаны спереди подъ пряжку пояса, на манеръ французскихъ матросовъ. Чему-то высоко засмѣялась Ляля, подошедшая къ нимъ, подала руку: ладонь, вѣрно, чуть сырая. Копошились щенки на полу. Человѣкъ, стоявшій за окномъ, отвернулся, разсѣянно и нѣжно посвистывая. И Никитинъ, рассчитавшись, неспѣшно вышелъ на солнце.

Было часовъ пять по-полудни. На синеву моря въ пролетахъ переулковъ больно было смотрѣть. Пылали круговые щиты уличныхъ уборныхъ.

Онъ вернулся въ свою убогую гостиницу, — и, медленно заломивъ руки, въ блаженномъ солнечномъ опьяненіи свалился навзничъ на постель. Ему приснилось, что онъ снова офицеръ, идетъ по крымскому косогору, поросшему молочаемъ и дубовымъ кустарникомъ, — и на ходу стѣкомъ скашиваетъ пушистыя головки чертополоха. Онъ проснулся оттого, что во снѣ засмѣялся: проснулся, а въ окнѣ уже синѣли сумерки.

Подумалъ, высунувшись въ прохладную бездну: бродятъ женщины. Среди нихъ есть русскія. Какая большая звѣзда.

Пригладилъ волосы, потеръ концомъ одѣяла пыльные шишковатые носки сапогъ, заглянулъ въ кошелекъ, {23} — пять франковъ всего, — и опять вышелъ блуждать, наслаждаться своей одинокой праздностью.

Теперь на улицѣ было люднѣе, чѣмъ днемъ. Вдоль переулковъ, спускавшихся къ морю, сидѣли, прохлаждались. Дѣвушка въ платкѣ съ блестками... Вскинула рѣсницы... Пузатый лавочникъ въ разстегнутомъ жилетѣ курилъ, сидя верхомъ на соломенномъ стулѣ, локтями опираясь на спинку, — и спереди на животѣ торчалъ хлястикъ рубашки. Дѣти, попрыгивая на-корточкахъ, пускали при свѣтѣ фонаря бумажныя лодочки по черной струѣ, бѣгущей вдоль узкой панели. Пахло рыбой и виномъ. Изъ матросскихъ кабаковъ, горѣвшихъ желтымъ блескомъ, неслись трудные звуки шарманки, стукъ ладоней объ столъ, металлическій возгласъ. А въ верхней части города, по главному бульвару, подъ облаками акацій, шаркали и посмѣивались вечернія толпы, мелькали тонкія лодыжки женщинъ, бѣлые башмаки морскихъ офицеровъ. Тутъ и тамъ, словно цвѣтистый огонь застывшаго фейерверка, пылало въ лиловомъ сумракѣ кафе: круглые столики прямо на тротуарѣ, тѣни черныхъ платановъ на освѣщенномъ изнутри полосатомъ навѣсѣ. Никитинъ остановился, представивъ себѣ мысленно кружку пива, ледяную, тяжелую. Въ глубинѣ за столиками, какъ руки, заламывались звуки скрипки, и густымъ звономъ переливалась арфа. Чѣмъ банальнѣй музыка, тѣмъ ближе она къ сердцу.

У крайняго столика сидѣла женщина, вся въ зеленомъ, усталая, гуляющая, покачивала острымъ носкомъ башмака.

Выпью, — рѣшилъ Никитинъ, — нѣтъ, не выпью... А впрочемъ... {24}

У женщины были глаза, какъ у куклы. Что-то было очень знакомое въ этихъ глазахъ, въ длинной линіи ноги. Подхвативъ сумку, она встала, словно торопилась куда-то. На ней была длинная кофточка изумрудной шелковой вязки, низко обхватывавшая бедра. Прошла, щурясь отъ музыки.

— Вотъ было-бы странно, — подумалъ Никитинъ. Въ памяти у него пронеслось что-то, какъ сорвавшаяся звѣзда, — и забывъ о пивѣ, онъ завернулъ слѣдомъ за ней въ черный, блестящій переулокъ. Фонарь вытянулъ ея тѣнь. Тѣнь мелькнула по стѣнѣ, перегнулась. Она шла тихо, и Никитинъ сдерживалъ шагъ, почему-то боясь ее догнать.

— Но вѣдь это несомнѣнно такъ... Боже мой, какъ хорошо...

Женщина остановилась на краю панели. Надъ черной дверью горѣла малиновая лампочка. Никитинъ прошелъ впередъ, вернулся, обо-

шелъ женщину кругомъ, сталъ. Она съ воркующимъ смѣшкомъ кинула ласковое французское словцо.

При смутномъ свѣтѣ Никитинъ видѣлъ ея миловидное, усталое лицо, влажный блескъ мелкихъ зубовъ.

— Послушайте, — сказалъ онъ по-русски просто и тихо. — Вѣдь мы давно знакомы, давайте ужъ говорить на родномъ языкѣ.

Она подняла брови:

— Инглишъ? Ю спикъ инглишъ?

Никитинъ пристально глянулъ, повторилъ нѣсколько безпомощно:

— Оставьте. Вѣдь я знаю. {25}

— T'es polonais, alors? — спросила женщина, по-южному раскатывая послѣдній рокочущій слогъ.

Никитинъ сдался, усмѣхнулся, сунулъ ей въ руку пятифранковую бумажку и, быстро повернувшись, сталъ переходить покатую площадь. Черезъ мгновенье онъ услышалъ за собой поспѣшный шагъ, дыханье, шорохъ платья. Обернулся. Никого. Пустая, темная площадь. Ночной вѣтеръ гналъ по плитамъ газетный листъ.

Онъ вздохнулъ, усмѣхнулся опять, глубоко засунулъ кулаки въ карманы штановъ, — и глядя на звѣзды, которыя вспыхивали и блѣднѣли, словно ихъ раздували гигантскіе мѣха, сталъ спускаться къ морю.

Тамъ, надъ луннымъ плавнымъ колыханьемъ волнъ, на каменной грани старинной пристани, онъ сѣлъ, свѣсилъ ноги и такъ сидѣлъ долго, откинувъ лицо и опираясь на ладони назадъ отогнутыхъ рукъ.

Прокатилась падучая звѣзда съ неожиданностью сердечнаго перебоя. Сильный и чистый порывъ вѣтра прошелъ по его волосамъ, поблѣднѣвшимъ въ ночномъ сіяніи. {26}

ЗВОНОКЪ

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ нею разстался. Господи, какая суতোлка на Николаевскомъ вокзалѣ! Не стой такъ близко, сейчасъ поѣздъ тронется. Ну вотъ, — прощай, моя хорошая... Она пошла рядомъ, высокая, худошавая, въ макинтошѣ, съ чернобѣлымъ шарфомъ вокругъ шеи, — и медленнымъ теченіемъ ее уносило назадъ. Затѣмъ онъ повоевалъ, нехотя и беспорядочно. Затѣмъ, въ одну прекрасную ночь, подъ восторженное стрекотаніе кузнечиковъ, перешелъ къ бѣлымъ. Затѣмъ, — уже черезъ годъ, — незадолго до выхода на чужбину, — на крутой и каменистой Чайной улицѣ въ Ялтѣ, онъ встрѣтилъ своего дядю, московскаго адвоката. Какъ же, какъ же,

свѣдѣнія есть, — два письма. Собирается въ Германію и разрѣшеніе уже получила. А ты — молодцомъ. И, наконецъ, Россія дала ему отпускъ, — по мнѣнію иныхъ — безсрочный. Россія долго держала его, онъ медленно соскальзывалъ внизъ съ сѣвера на югъ, и Россія все старалась удержать его, — Тверью, Харьковомъ, Бѣлгородомъ, — всякими занимательными деревушками... не помогло. Былъ у нея {27} въ запасѣ еще одинъ соблазнъ, еще одинъ послѣдній подарокъ, — Таврида, — но и это не помогло. Уѣхалъ. И на пароходѣ онъ познакомился съ молодымъ англичаниномъ, весельчакомъ и спортсменомъ, который отправлялся въ Африку.

Николай Степанычъ побывалъ и въ Африкѣ, и въ Италіи, и почему то на Канарскихъ островахъ, и опять въ Африкѣ, гдѣ нѣкоторое время служилъ въ иностранномъ легіонѣ. Онъ сперва вспоминалъ ее часто, потомъ — рѣдко, потомъ снова — все чаще и чаще. Ея второй мужъ, нѣмецъ, умеръ во время войны. Ему принадлежали въ Берлинѣ два дома. Николай Степанычъ рассчитывалъ, что она въ Берлинѣ бѣдствовать не будетъ. Но какъ время идетъ! Прямо поразительно... Неужто цѣлыхъ семь лѣтъ?

За эти годы онъ окрѣпъ, огрубѣлъ, лишился указательнаго пальца, изучилъ два языка — итальянскій и англійскій. Его глаза стали еще простодушнѣе и свѣтлѣе, оттого что ровнымъ, мужицкимъ загаромъ покрылось лицо. Онъ курилъ трубку. Походка его, — крѣпкая, какъ у большинства коротконогихъ людей, — стала удивительно мѣрною. Одно совершенно не измѣнилось въ немъ: его смѣхъ, — съ прищуринкой, съ прибауткой.

Онъ долго посмѣивался, качалъ головой, когда наконецъ рѣшилъ все бросить и потихоньку перебраться въ Берлинъ. Какъ то разъ — въ Италіи, кажется, — онъ замѣтилъ на лоткѣ русскую газету, издававшуюся въ Берлинѣ. Онъ написалъ туда, просилъ помѣстить объявленіе, что онъ, молъ, разыскиваетъ... Вскорѣ послѣ этого онъ покатилъ дальше, такъ и не узнавъ ничего. Изъ Каира уѣзжалъ въ Берлинъ старичокъ {28} журналистъ Грушевскій. Вы тамъ наведите справки. Можетъ быть, найдете. Скажите, что я живъ, здоровъ... Но и тутъ никакихъ вѣстей онъ не получилъ. А теперь пора... Нагрянуть. Тамъ, на мѣстѣ, уже легче будетъ разыскать. Возня съ визами, денегъ не ахти какъ много. Ну, да ужъ какъ-нибудь доѣдемъ...

И онъ доѣхалъ. Въ желтомъ пальто съ большими пуговицами, въ клѣтччатомъ картузѣ, короткій и широкоплечій, съ трубкой въ зубахъ и съ чемоданомъ въ рукѣ, онъ вышелъ на площадь передъ вокзаломъ, усмѣхнулся, полюбовался брилліантовой рекламой, проѣдающей темноту. Ночь въ затхлому номерѣ дешевой гостиницы онъ провелъ плохо, —

все придумывалъ, какъ начать розыски. Адресный столъ, редакція русской газеты... Семь лѣтъ. Она, должно быть, здорово постарѣла. Свинство было такъ долго ждать, — могъ раньше пріѣхать. Но эти годы, это великолѣпное шатаніе по свѣту, волненіе свободы, свобода, о которой мечталось въ дѣтствѣ!.. Сплошной Майнъ-Ридъ... И вотъ опять — новый городъ, подозрительная перина и скрежетъ трамвая. Онъ нащупалъ спички, обрубкомъ пальца привычнымъ движеніемъ сталъ вдавливать въ трубку мягкій табачокъ.

Во время путешествія забываешь названія дней: ихъ замѣняютъ города. Когда утромъ Николай Степанычъ вышелъ на улицу съ намѣреніемъ отправиться въ полицію, то увидѣлъ на всѣхъ лавкахъ рѣшетки. Оказалось — воскресенье. Адресный столъ, редакція полетѣли къ чорту (не дай Богъ попасть въ воскресенье въ чужой городъ!). Дѣло было осенью: вѣтеръ, астры въ скверахъ, сплошь бѣлое небо, желтые трамваи, трубный ревъ простуженныхъ таксомоторовъ. Его {29} нѣсколько знобило отъ волненія, отъ мысли, что вотъ, онъ въ томъ же городѣ, какъ и она. За германскій полтинникъ ему дали стаканъ портвейна въ шоферскомъ кабацѣ, и вино натошакъ подѣйствовало пріятно. На улицахъ тамъ и сямъ накрапывала русская рѣчь: «...Сколько разъ я тебя просила...» И черезъ нѣсколько туземныхъ прохожихъ: «...Онъ мнѣ предлагаетъ ихъ купить, но я, по правдѣ сказать...» Отъ волненія онъ посмѣивался и гораздо скорѣе, чѣмъ обычно, выкуривалъ трубку. «...Казалось, прошло, — а теперь и Гриша слегъ...» Опять русскіе! Онъ подумалъ, не подойти ли къ нимъ, не спросить ли поучтивѣе: «Вы, можетъ быть, знаете такую-то?» Въ этой заблудившейся русской провинціи, навѣрное, всѣ другъ друга знаютъ.

Уже вечерѣло, и очаровательнымъ мандариновымъ свѣтомъ налились въ сумеркахъ стеклянные ярусы огромнаго универсальнаго магазина, — когда Николай Степанычъ, проходя мимо какого-то дома, случайно замѣтилъ на плоской сѣрой колонкѣ фронтона, у дверей, небольшую бѣлую вывѣску: «Зубной врачъ И. С. Вайнеръ. Изъ Петрограда». Неожиданное воспоминаніе такъ и ошпарило его. Этотъ милостивый государь подгнилъ, придется удалить. Въ окнѣ — прямо противъ кресла пытокъ — стеклянные снимки, швейцарскіе виды... Окно выходило на Мойку. Теперь прополощите. И докторъ Вайнеръ, толстый, спокойный старикъ въ бѣломъ халатѣ, въ проницательныхъ очкахъ, перебиралъ инструментики. Она ходила къ нему, и двоюродные братья ходили, — и еще говорили, когда случалась между ними какая-нибудь обида: а хочешь Вайнера (т. е. въ зубы)? {30} Николай Степанычъ постоялъ передъ дверью, хотѣлъ было позвонить, — да вспомнилъ, что нынче воскресенье, подумалъ — и все-таки позвонилъ. Что-то зажуж-

жало въ замкѣ, и дверь поддалась. Онъ поднялся на первый этажъ. Открыла горничная. «Нѣтъ, господинъ докторъ сегодня не принимаетъ». «У меня зубы не болятъ», возразилъ Николай Степанычъ на прескверномъ нѣмецкомъ языкѣ. «Докторъ Вайнеръ — мой старый знакомый... Моя фамилія — Галатовъ, онъ, вѣроятно, помнитъ...» «Я доложу», сказала горничная.

Черезъ минуту вышелъ въ прихожую пожилой человекъ, въ домашней курткѣ съ бранденбургскими, рыжеватыми, удивительно съ виду привѣтливый и, весело отрекомендовавшись, добавилъ: «Я васъ однако не помню, — тутъ, вѣроятно, произошла ошибочка». Николай Степанычъ посмотрѣлъ на него и извинился: «Да. И я васъ тоже не помню. Я думалъ найти того доктора Вайнера, который жилъ до революціи на Мойкѣ. Промаяхнулъ, — простите». «Ахъ, это однофамилецъ, — сказалъ дантистъ. — Однофамилецъ. Это однофамилецъ. Я жилъ на Загородномъ». «Мы у него все лѣчили, — пояснилъ Николай Степанычъ. — Вотъ я и думалъ... Дѣло въ томъ, что я разыскиваю одну даму, — госпожу Неллисъ...» Вайнеръ прикусилъ губу, напряженно посмотрѣлъ въ сторону, потомъ снова обратился къ нему. «Позвольте... Если я не ошибаюсь... По-моему... По-моему, какая-то госпожа Неллисъ была у меня не такъ давно... Это мы сейчасъ установимъ. Будьте любезны пройти ко мнѣ въ кабинетъ». Въ кабинетѣ Николай Степанычъ ничего не разглядѣлъ. Онъ не сводилъ глазъ съ безукоризненной {31} лысины Вайнера, который наклонился надъ своимъ журналомъ. «Это мы сейчасъ установимъ, — говорилъ Вайнеръ, водя пальцемъ по страницамъ. — Это мы сейчасъ установимъ. Это мы сейчасъ... Вотъ, пожалуйста, — Неллисъ. Золотая пломба и еще что-то, — не вижу, тутъ клякса». «А какъ имя и отчество?» — спросилъ Николай Степанычъ, подойдя къ столу, и обшлагомъ чуть не сбиль пепельницу.

«И это отмѣчено. Ольга Кирилловна». «Да, правильно», облегченно вздохнулъ Николай Степанычъ. «Адресъ: Планнерштрассе 59, бай Бабъ, — чмокнулъ Вайнеръ и быстро переписалъ адресъ на отдѣльный листокъ. — Вторая улица отсюда. Пожалуйста. Очень радъ услужить. Это ваша родственница?» «Моя мать», — сказалъ Николай Степанычъ.

Выйдя отъ дантиста, онъ пошелъ нѣсколько ускореннымъ шагомъ. То, что онъ такъ скоро ее отыскалъ, поразило его, какъ карточный фокусъ. Бдучи въ Берлинъ, онъ ни минуты не думалъ о томъ, что, можетъ быть, она давно умерла или переѣхала въ другой городъ, въ другую страну, — и все-таки фокусъ удался. Вайнеръ оказался не тѣмъ Вайнеромъ, — и все-таки судьба вышла изъ положенія. Прекрасный городъ, прекрасный дождь! (бисерный осенній дождь моросилъ какъ бы

шопотомъ, и на улицахъ было темно). Какъ она встрѣтитъ его? Нѣжно? Или грустно? Или совѣмъ спокойно? Она не баловала его въ дѣтствѣ. Ты не смѣешь тутъ бѣгать, когда я играю на роялѣ. Потомъ, когда онъ выросъ, ему часто казалось, что онъ мало нуженъ ей. Теперь онъ старался вообразить ея лицо, но мысли упорно не окрашивались, {32} и онъ никакъ не могъ собрать въ живой зрительный образъ то, что зналъ умомъ: ея худую, высокую, какъ бы некрѣпко свинченную фигуру, темные волосы съ налетомъ сѣдины у висковъ, большой блѣдный ротъ, потрепанный макинтошъ, въ которомъ она была въ послѣдній разъ, и усталое, горькое, уже старческое выраженіе, которое появилось на ея увядшемъ лицѣ въ тѣ бѣдственные годы. Пятьдесятъ первый номеръ. Еще восемь домовъ.

Онъ спохватился вдругъ, что волнуется нестерпимо, до неприличія, — куда больше, чѣмъ въ тотъ мигъ, наприимѣръ, когда лежалъ, страшно потѣя, уткнувшись бокомъ въ скалу, и цѣлился въ налетающій вихрь, — въ бѣлое чучело на чудесной арабской лошади. Не доходя до пятьдесятъ девятого номера, онъ остановился, вынулъ трубку и резиновый мѣшочекъ съ табакомъ, набилъ трубку медленно, тщательно, не выронивъ ни одной табачной стружки, — поднесъ спичку, потянулъ, посмотрѣлъ, какъ взбухаетъ огненный холмикъ, набралъ полный ротъ сладковатаго, щиплющаго языкъ дыма, осторожно выпустилъ его — и не спѣша, крѣпкими шагами, подошелъ къ дому.

На лѣстницѣ было такъ темно, что раза два онъ споткнулся. Добравшись въ густомъ мракѣ до первой площадки, онъ чиркнулъ спичкой и освѣтилъ золотистую дощечку подлѣ двери. Не та фамилія. Странное имя «Бабъ» онъ нашелъ только гораздо выше. Огонекъ обжегъ ему пальцы и потухъ. Фу ты, какъ сердце стучитъ... Онъ въ темнотѣ нащупалъ кнопку и позвонилъ. Затѣмъ вынулъ трубку изъ зубовъ {33} и сталъ ждать, чувствуя, какъ мучительная улыбка разрываетъ ему ротъ.

И вотъ — что-то звякнуло за дверью, разъ, еще разъ — и, какъ вѣтеръ, качнулась дверь. Въ передней было такъ же темно, какъ на лѣстницѣ, и изъ этой темноты къ нему вылетѣлъ звучный и веселый голосъ. «У насъ во всемъ домѣ погасло электричество, — прямо ужасъ», — и онъ мгновенно узналъ это долгое, тягучее «у» въ «ужасѣ» и мгновенно по этому звуку возстановилъ до малѣйшихъ чертъ ту, которая, скрытая тьмой, стала въ дверяхъ.

— Правда, — ни зги не видать, — усмѣхнулся онъ и шагнулъ къ ней.

Она такъ ахнула, будто кто-то съ размаху ударилъ ее. Онъ отыскалъ въ темнотѣ ея руки, плечи, толкнулъ что-то (вѣроятно, подставку для зонтиковъ). «Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ — это невозможно, это невозмож-

но...» — быстро-быстро повторяла она и куда-то пятилась. «Да постой же, мама, постой же», — сказалъ онъ, — и опять стукнулся (на этотъ разъ о полуоткрытую дверь, которая со звономъ захлопнулась). «Это съ ума можно сойти... Коленька, Коль — — —». Онъ цѣловалъ ее въ щеки, въ волосы, куда попало, — ничего не видя въ темнотѣ, но какимъ то внутреннимъ взоромъ узнавая ее всю, съ головы до пятъ, — и только одно было въ ней новое (но и это новое неожиданно напомнило самую глубину дѣтства, — когда она играла на роялѣ) — сильный, нарядный запахъ духовъ, — словно не было тѣхъ промежуточныхъ лѣтъ, когда онъ мужалъ, а она старѣла, и не душилась больше, и потомъ такъ горько увядала, — въ тѣ бѣдственные годы, — словно всего этого не было, и онъ изъ далекаго {34} изгнанія попалъ прямо въ дѣтство... «Вотъ — ты. Это — ты. Ну, вотъ — ты... — лепетала она, мягкими губами прижимаясь къ нему. — Это хорошо... Это такъ надо...»

— Да неужели нигдѣ нѣтъ свѣта? — разсмѣялся Николай Степанычъ.

Она толкнула какую-то дверь и проговорила взволнованнымъ голосомъ: «Да. Пойдемъ. У меня тамъ свѣчи горятъ».

— Ну, покажись... — сказалъ онъ, входя въ оранжевое мерцаніе свѣтъ и жадно взглянулъ на мать. У нея волосы были совсѣмъ свѣтлые, выкрашенные въ цвѣтъ соломы.

— Ну, что же, узнаешь? — сказала она, тяжело дыша, и поспѣшно добавила: — Да не смотри такъ. Рассказывай, рассказывай! Какъ ты загорѣлъ... Боже мой! Да, ну же, рассказывай!

Бѣлокурые, подстриженные волосы... А лицо было раскрашено съ какой то мучительной тщательностью. Но мокрая полоска слезы разѣла розовый слой, но дрожали густыя отъ краски рѣсницы, но полиловѣла пудра на крыльяхъ носа... Она была въ синемъ лоснящемся платѣ съ высокимъ воротникомъ. И все было въ ней чужое, и безпокойное, и страшное.

— У тебя, мама, вѣроятно, сегодня визиты, — замѣтилъ Николай Степанычъ, не зная, что сказать, и энергично скинулъ пальто.

Она пошла отъ него къ столу, гдѣ что-то было нагромождено и блестяло, — потомъ къ нему опять, посмотрѣлась въ зеркало, — словно не знала, что дѣлать.

— Сколько лѣтъ... Боже мой! Я прямо не вѣрю глазамъ. Да-да, у меня должны быть гости. Я ихъ {35} отмѣню. Я позвоню. Я что-нибудь сдѣлаю. Надо отмѣнить... Ахъ ты, Боже мой...

Она прижалась къ нему, теребила ему рукава.

— Да успокойся, мама, что съ тобой, нельзя же такъ. Сядемъ куда-нибудь. Скажи, какъ у тебя все? Какъ ты поживаешь?.. И почему то

боясь отвѣтовъ на свои вопросы, онъ сталъ рассказывать о себѣ, ладно прищелкивая слово къ слову, попыхивая трубкой, стараясь заговорить, обкурить свое изумленіе. Оказалось, что и объявленіе она видѣла, и со старенькимъ журналистомъ встрѣтилась, и нѣсколько разъ писала сыну въ Италію, въ Каиръ... Теперь, послѣ того, какъ онъ разсмотрѣлъ ея искаженное краской лицо, ея искусственно желтые волосы, — ему казалось, что и голосъ ея уже не тотъ. И рассказывая о своихъ приключеніяхъ, не останавливаясь ни на мгновеніе, онъ оглядывалъ наполовину освѣщенную, дрожащую комнату, съ плюшевой кошкой на каминѣ, съ ширмой, изъ-за которой выступало изножье кровати, съ Фридрихомъ, играющимъ на флейтѣ, съ вазочками на полкѣ, въ которыхъ прыгало, какъ ртуть, отраженіе огня... Странствуя глазами по комнатѣ, онъ разсмотрѣлъ и то, что раньше мелькомъ замѣтилъ, — накрытый на двоихъ столъ, пузатую бутылъ ликера, двѣ высокія рюмки и огромный розовый пирогъ въ разноцвѣтномъ кольцѣ еще не зажженныхъ восковыхъ свѣчекъ. «...Я, конечно, сразу выскочилъ, — и что же, ты думаешь, оказалось? Ну-ка, угадай!» Она какъ бы очнулась, испуганно посмотрѣла на него (а сидѣла она рядомъ, на диванѣ, слегка откинувшись, сжавъ руками виски, — и ея ноги отливали незнакомымъ блескомъ). «Да ты развѣ не слушаешь, мама?» {36}

— Нѣтъ, что ты, — я слушаю, я слушаю...

И теперь онъ подмѣтилъ еще одно: она была странно разсѣянна, словно прислушивалась не къ его словамъ, а къ чему-то постороннему, грозящему и неизбежному... Онъ продолжалъ свой рассказъ, — но опять остановился, спросилъ: «Это въ честь кого же, — пирогъ? Очень аппетитный». Его мать растерянно улыбнулась. «Ахъ, это просто такъ... Я говорю же тебѣ, что у меня сегодня визиты».

— Мнѣ ужасно напомнило Петербургъ, — сказалъ Николай Степанычъ. — И, помнишь, ты разъ ошиблась, забыла одну свѣчу. Мнѣ стукнуло десять, а свѣчь было только девять. Фукнула мой день рожденія. Вотъ былъ ревъ. А тутъ сколько штукъ?

— Да не все ли равно!.. — крикнула она и встала, будто хотѣла ему загородить столъ. — Скажи мнѣ лучше, который часъ? Мнѣ нужно отмѣнить, позвонить, что-нибудь сдѣлать.

— Четверть восьмого, — сказалъ Николай Степанычъ.

— Ахъ, это слишкомъ поздно! — снова крикнула она. — Все равно! Теперь ужъ все равно...

Оба замолчали. Она опять сѣла. А Николай Степанычъ старался себя заставить обнять ее, приласкаться къ ней, спросить: Послушай мама, — да что съ тобой случилось? Да расскажи мнѣ наконецъ... Онъ опять посмотрѣлъ на блестящій столъ, сосчиталъ свѣчки вокругъ

пирога. Ихъ было двадцать пять штукъ. Двадцать пять! А ему то ужъ двадцать восемь...

— Да не осматривай такъ мою комнату! — сказала мать. — Прямо сыщикъ! Ужасающая комната, я {37} хочу переѣхать, — быстро продолжала она — и вдругъ легко ахнула: «Постой... Что это такое? Это ты стукнулъ?» «Да, — отвѣтилъ Николай Степанычъ, — трубку выбиваю. А скажи мнѣ, — у тебя есть деньги? Ты не нуждаешься?»

Она стала поправлять какую-то ленточку на рукавѣ и заговорила, на него не глядя. «Да... Вѣдь ты знаешь, кое-что послѣ Генриха осталось... Но я должна тебя предупредить, — мнѣ только какъ разъ хватаетъ на жизнь. Ради Бога, не стучи трубкой. Я должна тебя предупредить, что я... Что тебя... Ну, ты понимаешь, Коля, мнѣ будетъ трудно тебя содержать...»

— Эхъ, мамахенъ, куда ты загнула, — воскликнулъ Николай Степанычъ (и въ это мгновеніе, какъ солнце изъ-за облака, ударилъ съ потолка электрической свѣтъ). — Ну вотъ, — можно свѣчи тушить, — а то сидимъ прямо какъ въ склепѣ. Видишь ли, у меня небольшой запасецъ деньжатъ есть, — да и вообще я — вольная птица... Садись же, что ты бѣгаешь по комнатѣ?

Высокая, худая, ярко-синяя, она остановилась передъ нимъ, и теперь, при полномъ свѣтѣ, онъ увидѣлъ, какъ она постарѣла, какъ упорно выступаютъ сквозь восковой слой красокъ морщины на щекахъ и на лбу. И эти ужасные желтые волосы!..

— Ты такъ нагрязнулъ, — сказала она и, кусая губы, заглянула въ лицо маленькимъ часамъ, стоявшимъ на полкѣ. — Какъ снѣгъ на голову... Они спѣшатъ. Нѣтъ, остановились. У меня сегодня визиты, — а вотъ ты пріѣхалъ... Съ ума сойти... {38}

— Глупости, мама. Придутъ, увидятъ, что сынъ пріѣхалъ, и очень скоро испарятся. А мы еще съ тобой сегодня вечеромъ въ какой-нибудь мюзикъ-холль махнемъ, гдѣ-нибудь поужинаемъ... Я, вотъ, помню, видалъ африканскій театръ, — удивительная штука, прямо номеръ! Представь себѣ, человѣкъ пятьдесятъ негровъ, и такое, довольно большое, ну, примѣрно, какъ —

Громкій звонокъ затрещалъ съ парадной. Ольга Кирилловна, присѣвшая было на ручку кресла, встрепенулась и выпрямилась.

— Постой, я открою, — сказалъ Николай Степанычъ и поднялся.

Она поймала его за рукавъ. Лицо у нея дергалось. Звонокъ осѣкся, — ждалъ.

— Это же, вѣроятно, твои визиты, — сказалъ Николай Степанычъ. — Надо открыть.

Его мать рѣзко мотнула головой, прислушиваясь.

— Какъ же такъ... — началъ Николай Степанычъ.

Она потянула его за рукавъ, шопотомъ проговорила: «Не смѣй! Я не хочу... Не смѣй...»

Звонокъ засверлилъ опять, на этотъ разъ настойчиво и раздраженно. И сверлилъ долго.

— Пусти меня, — сказалъ Николай Степанычъ. — Это глупо... Если звонятъ, надо открыть. Чего ты боишься?

— Не смѣй... Слышишь, не смѣй... — повторяла она, судорожно лоя его руки. — Я тебя умоляю... Коля, Коля, Коля!.. Не надо! {39}

Звонокъ опять осѣкся. Его смѣнилъ крѣпкій стукъ, — производимый набалдашникомъ трости, что-ли.

Николай Степанычъ рѣшительно направился въ переднюю. Но на порогѣ комнаты мать поймала его за плечи, — изо всѣхъ силъ старалась оттащить его и все шептала: «Не смѣй... Не смѣй... Ради Бога!...»

Еще разъ грянулъ звонокъ, коротко и гнѣвно.

— Твое дѣло, — усмѣхнулся Николай Степанычъ и, заложивъ руки въ карманы, прошелся вдоль комнаты. «Кошмаръ — да и только», — подумалъ онъ и усмѣхнулся опять.

Звонъ прекратился. Все было тихо. Звонившему, видно, надоѣло, и онъ ушелъ. Николай Степанычъ приблизился къ столу, осмотрѣлъ великолѣпный, облитый блестящимъ кремомъ пирогъ, двадцать пять праздничныхъ свѣчечекъ, двѣ тоненькихъ рюмки. Рядомъ, словно притаясь въ тѣни бутылки, лежала бѣлая картонная коробочка. Онъ поднялъ ее, снялъ крышку. Внутри былъ новенькій, довольно безвкусный серебряный портсигаръ.

— Такъ, — сказалъ Николай Степанычъ.

Онъ обернулся — и только тогда замѣтилъ, что его мать, полулежа на кушеткѣ и уткнувшись лицомъ въ подушку, вздрагиваетъ отъ рыданій. Въ прежніе годы онъ часто видалъ ее плачущей, — но тогда она плакала совсѣмъ иначе, — сидѣла за столомъ, что ли, и, плача, не отворачивала лица, громко сморкалась и говорила, говорила, — а тутъ она рыдала такъ молодо, такъ свободно лежала... и было что-то изящное въ поворотѣ ея спины, въ томъ, что одна нога въ бархатномъ башмачкѣ касается пола... Прямо можно было {40} подумать, что это плачетъ молодая бѣлокурая женщина... И платочекъ ея, какъ полагается, лежалъ комочкомъ на коврѣ.

Николай Степанычъ, крикнувъ, подошелъ, сѣлъ рядомъ на край кушетки. Крикнулъ опять. Его мать, скрывая лицо, заговорила въ подушку: «Ахъ, зачѣмъ ты не пріѣхалъ раньше! Ну хотя бы на годъ раньше... Только на годъ...»

— Самъ не знаю, — сказалъ Николай Степанычъ.

— Теперь все кончено... — всхлипнула она, и ея свѣтлые волосы дрогнули. — Все кончено. Мнѣ въ маѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ. Взрослый сынъ пріѣхалъ къ старушкѣ матери. И зачѣмъ ты пріѣхалъ... именно теперь... именно сегодня...

Николай Степанычъ надѣлъ пальто (которое, не по-европейски, бросилъ просто въ уголъ), вынулъ изъ кармана картузь и опять присѣлъ рядомъ.

— Завтра утромъ я покачу дальше, — сказалъ онъ, поглаживая мать по плечу, по синему блестящему шелку. — Мнѣ хочется теперь на сѣверъ, — въ Норвегію, что ли. А то на море, китовъ бить. Я тебѣ буду писать. Такъ, черезъ годокъ, снова встрѣтимся, тогда, можетъ быть, дольше останусь. Ужъ ты не пеняй на меня, — кататься хочется!

Она быстро обхватила его, прижалась мокрой щекой къ его шеѣ. Потомъ сжала ему руку и вдругъ удивленно вскрикнула.

— Пуля оттяпала, — разсмѣялся Николай Степанычъ. — Прощай, моя хорошая.

Она потрогала гладкій обрубокъ пальца и осторожно его поцѣловала. Потомъ обняла сына, проводила его до дверей. {41}

— Пиши, пожалуйста, почаще... Что ты смѣешься? У меня, вѣрно, вся пудра сошла.

И какъ только дверь за нимъ захлопнулась, она, шумя синимъ платьемъ, кинулась къ телефону. {42}

ПИСЬМО ВЪ РОССІЮ

Другъ мой далекій и прелестный, стало быть ты ничего не забыла за эти восемь слишкомъ лѣтъ разлуки, если помнишь даже сѣдыхъ, въ лазоревыхъ ливреяхъ, сторожей, вовсе намъ не мѣшавшихъ, когда, бывало, морознымъ петербургскимъ утромъ встрѣчались мы въ пыльномъ, маленькомъ, похожемъ на табакерку, музеѣ Суворова. Какъ славно цѣловались мы за спиной воскового гренадера! А потомъ, когда выходили изъ этихъ старинныхъ сумерекъ, какъ обжигали насъ серебряные пожары Таврическаго сада и бодрое, жадное гаканье солдата, бросавшагося по командѣ впередъ, скользившаго на гололедицѣ, втыкавшаго съ размаху штыкъ въ соломенный животъ чучела, посрединѣ улицы.

Странно: я самъ рѣшилъ, въ предыдущемъ письмѣ къ тебѣ, не вспоминать, не говорить о прошломъ, особенно о мелочахъ прошлаго; вѣдь намъ, писателямъ, должна быть свойственна возвышенная стыдли-

вость слова, а межъ тѣмъ я сразу же, съ первыхъ же строкъ, пренебрегаю правомъ прекраснаго несовершенства, оглушаю эпитетами воспоминаніе, котораго коснулась {43} ты такъ легко. Не о прошломъ, другъ мой, я хочу тебѣ рассказывать.

Сейчасъ — ночь. Ночью особенно чувствуешь неподвижность предметовъ, — лампы, мебели, портретовъ на столѣ. Изрѣдка за стѣной въ водопроводѣ всхлипываетъ, переливается вода, подступая какъ бы къ горлу дома. Ночью я выхожу погулять. Въ сыромъ, смазанномъ чернымъ саломъ, берлинскомъ асфальтѣ, текутъ отблески фонарей; въ складкахъ чернаго асфальта — лужи; кое-гдѣ горитъ гранатовый огонекъ надъ ящикомъ пожарнаго сигнала, дома — какъ туманы, на трамвайной остановкѣ стоитъ стеклянный, налитый желтымъ свѣтомъ, столбъ, — и почему-то такъ хорошо и грустно дѣлается мнѣ, когда въ поздній часъ пролетаетъ, визжа на поворотѣ, трамвайный вагонъ — пустой: отчетливо видны сквозь окна освѣщенныя коричневая лавки, межъ которыхъ проходитъ противъ движенія, пошатываясь, одинокій, словно слегка пьяный, кондукторъ съ чернымъ кошелемъ на боку.

Странствуя по тихой, темной улицѣ, я люблю слушать, какъ человѣкъ возвращается домой. Самъ человѣкъ не виденъ въ темнотѣ, да и никогда нельзя знать напередъ, какая именно парадная дверь оживетъ, со скрежетомъ приметъ ключъ, распахнется, замретъ на блокѣ, захлопнется; ключъ съ внутренней стороны заскрежетаетъ снова, и въ глубинѣ, за двернымъ стекломъ, засіяетъ на одну удивительную минуту мягкій свѣтъ.

Прокатываетъ автомобиль на столбахъ мокраго блеска, — самъ черный, съ желтой полоской подъ окнами, — сыро трубитъ въ ухо ночи, и его тѣнь проходитъ {44} у меня подъ ногами. Теперь уже совсѣмъ пуста улица. Только старый догъ, стуча когтями по панели, нехотя водить гулять вялую, миловидную дѣвицу, безъ шляпы, подъ зонтикомъ. Когда проходитъ она подъ краснымъ огонькомъ, который виситъ слѣва, надъ пожарнымъ сигналомъ, одна тугая черная доля зонтика влажно багровѣетъ.

А за воротомъ, надъ сырой панелью, — такъ неожиданно! — бриллиантами зыблется стѣна кинематографа. Тамъ увидишь на прямоугольномъ, свѣтломъ, какъ луна, полотнѣ болѣе или менѣе искусно дрессированныхъ людей; и вотъ съ полотна приближается, растетъ, смотритъ въ темную залу громадное женское лицо съ губами, черными, въ блестящихъ трещинкахъ, съ сѣрыми мерцающими глазами, — и чудесная глицериновая слеза, продолговато свѣтятся, стекаетъ по щекѣ. А иногда появится, — и это, разумѣется, божественно, — сама жизнь,

которая не знаетъ, что снимають ее, — случайная толпа, сіяющія воды, беззвучно, но зримо шумящее дерево.

Дальше, на углу площади, высокая, полная проститутка въ черныхъ мѣхахъ медленно гуляетъ взадъ и впередъ, останавливаясь порой передъ грубо озаренной витриной, гдѣ подрумяненная восковая дама показываетъ ночнымъ зѣвакамъ свое изумрудное текучее платье, блестящій шелкъ персиковыхъ чулокъ. Я люблю видѣть, какъ къ этой пожилой, спокойной блудницѣ подходитъ, предварительно обогнавъ ее и дважды обернувшись, немолодой, усатый господинъ, утромъ пріѣхавшій по дѣлу изъ Папенбурга. Она неторопливо поведетъ его въ меблированные комнаты, въ одинъ изъ ближнихъ домовъ, котораго днемъ никакъ не отыщешь {45} среди остальныхъ, такихъ же обыкновенныхъ. За входной дверью равнодушный, вѣжливый привратникъ сторожитъ всю ночь въ неосвѣщенныхъ сѣняхъ. А наверху, на пятомъ этажѣ, такая же равнодушная старуха мудро отопретъ свободную комнату, спокойно приметъ плату.

А знаешь ли, съ какимъ великолѣпнымъ грохотомъ промахиваетъ черезъ мостъ, надъ улицей, освѣщенный, хохочущій всѣми окнами своими поѣздъ? Вѣроятно, онъ дальше предмѣстья не ходитъ, но мракъ подъ чернымъ сводомъ моста полонъ въ это мгновенье такой могучей чугунной музыки, что я невольно воображаю теплыя страны, куда укачу, какъ только добуду тѣ лишнихъ сто марокъ, о которыхъ мечтаю — такъ благодушно, такъ беззаботно.

Я такъ беззаботенъ, что даже иногда люблю посмотрѣть, какъ въ здѣшнихъ кабачкахъ танцуютъ. Многіе тутъ съ негодованіемъ (и въ такомъ негодованіи есть удовольствіе) кричатъ о модныхъ безобразіяхъ, въ частности о современныхъ танцахъ, — а вѣдь мода это — творчество человѣческой посредственности, извѣстный уровень, пошлость равенства, — и кричатъ о ней, бранить ее, значить признавать, что посредственность можетъ создать что-то такое (будь то образъ государственнаго правленія или новый видъ прически), о чемъ стоило бы пошумѣть. И, разумѣется, эти то наши, будто бы модные, танцы на самомъ дѣлѣ вовсе не новые: увлекались ими во дни Директоріи, благо и тогдашнія женскія платья были тоже натѣльные, и оркестры тоже — негритянскіе. Мода черезъ вѣка дышитъ: куполь кринолина въ серединѣ прошлаго вѣка это полный вздохъ моды, потомъ опять выдохъ, — {46} сужающіяся юбки, тѣсные танцы. Въ концѣ концовъ, наши танцы очень естественны и довольно невинны, а иногда, — въ лондонскихъ балльных залахъ, — совершенно изящны въ своемъ однообразіи. Помнишь, какъ Пушкинъ написалъ о вальсѣ: «однообразный и безумный». Вѣдь это все то же. Что же касается паденія нравовъ... Знаешь ли, что я нашель въ

запискахъ господина д'Агрикура? «Я ничего не видалъ болѣе развратнаго, чѣмъ менуэтъ, который у насъ изволятъ танцевать».

И вотъ, въ здѣшнихъ кабачкахъ я люблю глядѣть, какъ «чета мелькаетъ за четой», какъ играютъ простымъ человѣческимъ весельемъ забавно подведенные глаза, какъ переступаютъ, касаясь другъ друга, черныя и свѣтлыя ноги, — а за дверью — моя вѣрная, моя одинокая ночь, влажные отблески, гудки автомобилей, порывы високаго вѣтра.

Въ такую ночь на православномъ кладбищѣ, далеко за городомъ, покончила съ собой на могилѣ недавно умершаго мужа семидесятилѣтняя старушка. Утромъ я случайно побывалъ тамъ, и сторожъ, тяжкій калѣка на костыляхъ, скрипѣвшихъ при каждомъ размахѣ тѣла, показалъ мнѣ бѣлый невысокій крестъ, на которомъ старушка повѣсилась, и приставшія желтыя ниточки тамъ, гдѣ натерла веревка («новенькая», сказалъ онъ мягко). Но таинственнѣе и прелестнѣе всего были серповидные слѣды, оставленные ею маленькими, словно дѣтскими, каблучками въ сырой землѣ у подножья. «Потопталась маленько, а такъ, — чисто», замѣтилъ спокойно сторожъ, — и, взглянувъ на ниточки, на ямки, я вдругъ понялъ, что есть дѣтская улыбка въ смерти. {47}

Быть можетъ, другъ мой, и пишу я все это письмо только для того, чтобы рассказать тебѣ объ этой легкой и нѣжной смерти. Такъ разрѣшилась берлинская ночь.

Слушай, я совершенно счастливъ. Счастье мое — вызовъ. Блуждая по улицамъ, по площадямъ, по набережнымъ вдоль канала, — разсѣянно чувствуя губы сырости сквозь дырявыя подошвы, — я съ гордостью несу свое необъяснимое счастье. Прокатятъ вѣка, — школьники будутъ скучать надъ исторіей нашихъ потрясеній, — все пройдетъ, все пройдетъ, но счастье мое, милый другъ, счастье мое останется, — въ мокромъ отраженіи фонаря, въ осторожномъ поворотѣ каменныхъ ступеней, спускающихся въ черныя воды канала, въ улыбкѣ танцующей четы, во всемъ, чѣмъ Богъ окружаетъ такъ щедро человѣческое одиночество. {48}

СКАЗКА

Фантазія, трепеть, восторгъ фантазіи... Эрвинъ хорошо это зналъ. Въ трамваѣ онъ садился всегда по правую руку, — чтобы ближе быть къ тротуару. Ежедневно, дважды въ день, въ трамваѣ, который везъ его на службу и со службы обратно, Эрвинъ смотрѣлъ въ окно и набиралъ гаремъ.

Одинъ тротуаръ онъ разрабатывалъ утромъ, когда ѣхалъ на службу, другой — подъ вечеръ, когда возвращался, — и сперва одинъ, потомъ другой купался въ солнцѣ, такъ какъ солнце тоже ѣхало и возвращалось. Нужно имѣть въ виду, что только разъ за свою жизнь Эрвинъ подошелъ на улицѣ къ женщинѣ, — и эта женщина тихо сказала: «какъ вамъ не стыдно... Подите прочь». Съ тѣхъ поръ онъ избѣгалъ разговоровъ съ ними. Зато, отдѣленный отъ тротуара стекломъ, прижавъ къ ребрамъ черный портфель и вытянувъ ногу въ задрипанной полосатой штанинѣ подъ супротивную лавку, — Эрвинъ смѣло, свободно смотрѣлъ на проходившихъ женщинъ, — и вдругъ закусывалъ губу; это значило — новая плѣнница; и тотчасъ онъ оставлялъ {49} ее, и его быстрый взглядъ, прыгавшій, какъ компасная стрѣлка, уже отыскивалъ слѣдующую. Онѣ были далеко отъ него, и потому хмурая робость не примѣшивалась къ наслажденію выбора. Если же случалось, что миловидная женщина садилась противъ него, онъ втягивалъ ногу изъ подъ лавки со всѣми признаками досады — не свойственной, впрочемъ, его очень юнымъ лѣтамъ, — и потомъ не могъ рѣшиться посмотреть въ лицо этой женщины, — вотъ тутъ, въ лобныхъ костяхъ, надъ бровями, такъ и ломило отъ робости, — словно сжималъ голову желѣзный шлемъ, не давалъ поднять глаза, — и какое это было облегченіе, когда она поднималась и шла къ выходу. Тогда, въ притворномъ разсѣяніи, онъ оборачивался, хапалъ взглядомъ ея прелестный затылокъ, шелковыя икры, — и пріобщалъ ее къ своему несуществующему гарему. И потомъ снова лился мимо оконъ солнечный тротуаръ, и Эрвинъ, вытянувъ одну ногу, повернувъ къ стеклу тонкій, блѣдный носъ, съ замѣтной выемкой на кончикѣ, выбиралъ невольницъ, — и вотъ, что такое фантазія, трепеть, восторгъ фантазіи.

Однажды въ субботу, легкимъ майскимъ вечеромъ, Эрвинъ сидѣлъ въ открытомъ кафэ и глядѣлъ, изрѣдка захватывая рѣзцомъ нижнюю губу, на вечернихъ, прохлаждавшихся прохожихъ. Небо было сплошь розоватое, и въ сумеркахъ какимъ то неземнымъ огнемъ горѣли фонари, лампочки вывѣсокъ. Высокая пожилая дама въ темно-сѣромъ костюмѣ, тяжело играя бедрами, пройдя межъ столиковъ и не найдя ни одного свободнаго, положила большую руку въ блестящей черной перчаткѣ на спинку пустого стула противъ Эрвина. {50}

— Да, пожалуйста, — съ легкимъ ныркомъ сказалъ Эрвинъ. Такихъ крупныхъ пожилыхъ дамъ онъ не очень боялся.

Она молча сѣла, положила на столъ свою сумку — прямоугольную, скорѣе похожую на небольшой черный чемоданчикъ, и заказала порцію кофе съ яблочнымъ тортомъ. Голосъ у нея былъ густой, хрипловатый, но пріятный.

Огромное небо, налитое розоватой мутью, темнѣло, мигали огни, промахнулъ трамвай и разрыдался райскимъ блескомъ въ асфальтѣ. И проходили женщины.

— Хорошо бы вотъ эту, — кусаль губу Эрвинъ. И затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ: — и вотъ эту.

— Что же, это можно устроить, — сказала дама тѣмъ же спокойнымъ тускловатымъ голосомъ, какимъ говорила съ лакеемъ.

Эрвинъ отъ изумленія привсталъ. Дама смотрѣла на него въ упоръ, медленно разстегивая и стягивая съ руки перчатку. Ея подтушеванные глаза, какъ яркіе поддѣльные камни, блестѣли равнодушно и твердо, подъ ними взбухали темные мѣшечки, снятая перчатка обнаружила большую морщинистую руку съ миндалевидными, выпуклыми, очень острыми ногтями.

— Не удивляйтесь, — усмѣхнулась дама — и затѣмъ, съ глухимъ зѣвкомъ, добавила: — дѣло въ томъ, что я — чортъ.

Оробѣвшій Эрвинъ принялъ было это за иносказаніе, но дама, понизивъ голосъ, продолжала такъ:

— Очень напрасно меня воображаютъ въ видѣ мужчины съ рогами да хвостомъ. Я только разъ появилась въ этомъ образѣ, и право не знаю, чѣмъ именно {51} этотъ образъ заслужилъ такой длительный успѣхъ. Я рождаюсь три раза въ два столѣтія. Послѣдній разъ была королькомъ въ африканскомъ захолустѣ. Это былъ отдыхъ отъ болѣе отвѣтственныхъ воплощеній. А нынѣ я госпожа Оттъ, три раза была замужемъ, довела до самоубійства нѣсколькихъ молодыхъ людей, заставила извѣстнаго художника срисовать съ фунта вестминстерское аббатство, подговорила добродѣтельнаго семьянина — ...впрочемъ, я не буду хвастать. Какъ бы то ни было, я этимъ воплощеніемъ насытилась вполнѣ...

Эрвинъ пробормоталъ что-то и потянулся за шляпой, упавшей подъ столъ.

— Нѣтъ, погодите, — сказала госпожа Оттъ, ввертывая въ эмалевый мундштукъ толстую папиросу. — Я же вамъ предлагаю гаремъ. А если вы еще не вѣрите въ мою силу... Видите, вонъ тамъ черезъ улицу переходитъ господинъ въ черепаховыхъ очкахъ. Пускай на него наскочитъ трамвай.

Эрвинъ, мигая, посмотрѣлъ на улицу. Господинъ въ очкахъ, дойдя до рельсъ, вынулъ на ходу носовой платокъ, хотѣлъ въ него чихнуть, — и въ это мгновеніе блеснуло, грянуло, прокатило. Люди въ кафэ ахнули, повскочили съ мѣстъ. Нѣкоторые побѣжали черезъ улицу. Господинъ, уже безъ очковъ, сидѣлъ на асфальтѣ. Ему помогли встать, онъ качалъ головой, теръ ладони, виновато озирался.

— Я сказала: наскочить, — могла сказать: раздавить, — холодно проговорила госпожа Оттъ. — Во всякомъ случаѣ это примѣръ.

Она выпустила сквозь ноздри два сѣрыхъ клыка дыма и опять въ упоръ уставилась на Эрвина. {52}

— Вы мнѣ сразу понравились. Эта робость... Это смѣлое воображеніе... Нынче мой предпоследній вечеръ. Положеніе старѣющей женщины мнѣ порядкомъ надоѣло. Да кромѣ того я такъ накудесила на дняхъ, что лучше поскорѣе изъ жизни выбраться. Въ понедѣльникъ на разсвѣтѣ предполагаю родиться въ другомъ мѣстѣ...

— Итакъ, милый Эрвинъ, — продолжала госпожа Оттъ, принимаясь за кусокъ яблочнаго торта, — я рѣшила невинно поразвлечься, и вотъ что я вамъ предлагаю: завтра, съ полудня до полночи вы можете отмѣчать взглядомъ тѣхъ женщинъ, которыя вамъ нравятся, и ровно въ полночь я ихъ всѣхъ соберу для васъ въ полное ваше распоряженіе. Какъ вы смотрите на это?

Эрвинъ опустилъ глаза и тихо произнесъ:

— Если все это правда, то это большое счастье...

— Ну вотъ и ладно, — сказала госпожа Оттъ.

— Однако я должна поставить вамъ одно условіе, — продолжала она, слизывая кремъ съ ложечки. — Нѣтъ, не то, что вы думаете. Я въ свое время уже запаслась очаровательной душой для слѣдующаго моего воплощенія. Вашей души мнѣ не нужно. А условіе вотъ какое: число вашихъ избранницъ должно быть нечетное. Это — непремѣнно. Иначе я вамъ ничего устроить не могу.

Эрвинъ кашлянулъ и почти шопотомъ спросилъ:

— А... какъ же мнѣ знать... Ну, напримѣръ, я отмѣтилъ: — что дальше?

— Ничего, — сказала госпожа Оттъ. — Ваше чувство, ваше желаніе — уже приказъ. Впрочемъ, для того, чтобы вы знали, что сдѣлка совершена, что я согласна {53} на тотъ или другой выборъ вашъ, я всякій разъ вамъ дамъ знакъ: случайную улыбку самой женщины, или просто слово, сказанное въ толпѣ, — вы ужъ поймете.

— Да, вотъ еще, — сказалъ Эрвинъ, шаркая подъ столомъ подошвами. — Гдѣ же это будетъ — ну — происходитъ? У меня комната маленькая.

— Объ этомъ не беспокойтесь, — сказала госпожа Оттъ и, скрипнувъ корсетомъ, встала. — Теперь вамъ пора домой. Не мѣшаетъ хорошо выспаться. Я васъ подвезу.

И въ открытомъ таксомоторѣ, въ налетающихъ струяхъ темнаго вѣтра, между звѣзднымъ небомъ и звѣзднымъ асфальтомъ, Эрвинъ почувствовалъ, что счастливъ чрезвычайно. Госпожа Оттъ сидѣла очень

прямо, острымъ угломъ перекинувъ ногу на ногу — и въ ея твердыхъ блестящихъ глазахъ мелькали ночные огни города.

Вѣтеръ остановился.

— Ну вотъ и вашъ домъ, — сказала она, тронувъ Эрвина за локоть. — До свиданія.

Мало ли какія мечты нагонитъ кружка чернаго густого пива, проколотаго молніей коньяка? Проснувшись на слѣдующее утро, Эрвинъ такъ и подумалъ, — что былъ пьянъ, что самъ вообразилъ разговоръ съ пожилой странной дамой въ кафэ. Но постепенно припоминая всякія мелочи вчерашней встрѣчи, — онъ понялъ, что однимъ воображеніемъ всего этого не объяснишь. {54}

Вышелъ онъ на улицу около половины перваго. И оттого, что было воскресенье, и оттого, что вокругъ шалаша уборной на углу лиловой бурей кипѣла персидская сирень, Эрвинъ чувствовалъ замѣчательную легкость, — а вѣдь легкость — это почти полетъ. Посрединѣ сквера въ квадратной яминѣ дѣти, поднявъ маленькіе фланелевые зады, лѣпили чудеса изъ песку. Глянцевитые листья липъ трепетали, темныя сердечки ихъ тѣней трепетали на гравіи, поднимались легкой стаей по штанамъ и юбкамъ гуляющихъ, взбѣгали, разсыпались по лицу и плечамъ, — и всею стаей соскальзывали опять на землю, гдѣ, чуть шевелясь, ожидали слѣдующаго прохожаго. И, проходя по скверу, Эрвинъ увидѣлъ дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, сидѣвшую на корточкахъ и двумя пальцами теребившую толстаго мохнатаго щенка со смѣшными бородавками на брюхѣ. Она нагибала голову — сзади оголялась шея — переливъ хребта, свѣтлый пушокъ, круглота плечъ, раздѣленныхъ нѣжной выемкой, — и солнце находило жаркія золотистыя пряди въ ея каштановыхъ волосахъ. Продолжая игру со щенкомъ, она встала съ корточекъ и, глядя внизъ на него, хлопнула въ ладоши, — и щенокъ перевернулся на землѣ, отбѣжалъ въ сторону, мягко упалъ на бокъ. Эрвинъ присѣлъ на скамейку и мгновеннымъ, робкимъ и жаднымъ взглядомъ окинулъ ея лицо. Онъ увидѣлъ его такъ ясно, такъ пронзительно, съ такой совершенной полнотой воспріятія, что быть можетъ долгіе годы близости ничего не могли бы открыть ему новаго въ этихъ чертахъ. Ея неяркія губы чуть вздрагивали, словно повторяя всѣ маленькія, мягкія движенія щенка, вздрагивали ея рѣсницы, — такія сверкающія, что казались тонкими лучами ея играющихъ {55} глазъ, — но быть можетъ прелестнѣе всего былъ изгибъ щеки — слегка въ профіль, — этого изгиба, конечно, никакими словами не изобразишь. Она побѣжала, замелькали ея гладкія ноги, — за ней покотился мохнатымъ шарикомъ щенокъ. И вдругъ Эрвинъ вспомнилъ, какая власть ему дана, — и затаивъ дыханіе, сталъ

ждать знака, и въ это мгновеніе дѣвушка на бѣгу обернулась и сверкнула улыбкой на живой шарикъ, едва поспѣвавшій за ней.

— Первая, — мысленно сказалъ Эрвинъ и всталъ со скамейки.

Пошаркивая по гравію ярко-желтыми, почти оранжевыми башмаками, Эрвинъ вышелъ изъ сквера. Его взглядъ пострѣливалъ по сторонамъ, — но, потому ли, что дѣвушка со щенкомъ оставила въ его душѣ солнечную впадину, — онъ все не могъ найти женское лицо, которое бы ему понравилось. Вскорѣ, однако, эта солнечная щель затянулась, и вотъ, у стекляннаго столба съ расписаніемъ трамваевъ, Эрвинъ замѣтилъ двухъ молодыхъ дамъ, — судя по сходству, сестеръ, — звонко обсуждавшихъ маршрутъ. Обѣ были худенькія, въ черномъ шелку, слегка подкрашенные, съ живыми глазами.

— Тебѣ нужно сѣсть вотъ въ этотъ номеръ, именно вотъ въ этотъ, — говорила одна.

— Обѣихъ, пожалуйста, — быстро попросилъ Эрвинъ.

— Ну, да, какъ же иначе... — отвѣтила вторая на слова сестры.

Эрвинъ сошелъ съ тротуара, пересѣкъ площадь. Онъ зналъ всѣ мѣста, гдѣ понаряднѣе, гдѣ больше возможностей. {56}

— Три, — сказалъ онъ про себя. — Нечетъ. Пока, значитъ, все хорошо. И если бы сейчасъ была полночь...

Она сходила по ступенькамъ подъѣзда, раскачивая въ рукѣ сумку. За нею вышелъ, закуривая сигару, высокій господинъ, съ синими отъ бритья щеками и крѣпкимъ, какъ пятка, подбородкомъ. Дама была безъ шляпы, ея темные волосы, остриженные по мальчишески, ровной каймой закрывали лобъ. На отворотѣ жакетки пунцовѣла большая поддѣльная роза. Когда она прошла, Эрвинъ замѣтилъ, отъ двери слѣва, папиросную рекламу — свѣтлоусый турокъ въ фескѣ и крупное слово: Да! — а подъ нимъ помельче: «я курю только Розу Востока».

Почувствовавъ пріятный холодокъ, онъ отправился въ дешевый ресторанъ, сѣлъ въ глубинѣ, у телефоннаго аппарата, оглядѣлъ обѣдающихъ. Ни одна изъ дамъ не прельщала его. «Можетъ быть эта. Нѣтъ, обернулась — стара... Никогда не нужно судить по спинѣ».

Лакей принесъ обѣдъ. Къ телефону рядомъ подошелъ мужчина въ котелкѣ, вызвалъ номеръ и сталъ взволнованно кричать, какъ песъ, попавшій на свѣжій слѣдъ зайца. Блуждающій взглядъ Эрвина поползъ къ стойкѣ и нашелъ тамъ дѣловитую дѣвицу, ставившую на подносъ только что вымытыя пивныя кружки. Онъ скользнулъ по ея оголеннымъ рукамъ, по блѣдному, рябоватому, но чрезвычайно миловидному лицу и подумалъ: «ну, что жъ — и вотъ эту».

— Да! Да! Да! — взволнованно лаялъ мужчина въ телефонную воронку.

Пообѣдавъ, Эрвинъ, отяжелѣлъ, — рѣшилъ, что хорошо бы соснуть часокъ. По правдѣ сказать, оранжевые {57} башмаки жали пре-болжно. Было душновато. Огромныя жаркія облака бѣлыми куполами вздымались и тѣснили другъ друга. Народъ на улицахъ порѣдѣлъ, — зато такъ и чувствовалось, что дома наполнены до краевъ густымъ послѣобѣденнымъ храпомъ. Эрвинъ сѣлъ въ трамвай.

Вагонъ рванулся и, побрякивая, покатилъ. Эрвинъ, повернувъ къ стеклу блѣдный запотѣвшій носъ, ловилъ взглядомъ мелькавшія женскія лица. Платя за билетъ, онъ замѣтилъ, что слѣва отъ прохода сидитъ, обернувшись къ нему черной бархатной шляпой, дама въ легкомъ платьѣ, разрисованномъ желтыми цвѣтами, переплетающимися по лиловатому полупрозрачному фону, сквозь который проступали свѣтлые перехваты лифа, — и крупная стройность этой дамы возбудила въ немъ желаніе взглянуть и на ея лицо. Когда ея шляпа нагнулась, чернымъ кораблемъ стала поворачиваться, — онъ, по своему обыкновенію, отвелъ глаза, въ притворномъ разсѣяніи поглядѣлъ на сидѣвшаго противъ него мальчика, на краснощекаго старичка, дремавшаго въ глубинѣ — и получивъ, такимъ образомъ, точку опоры, оправданія для дальнѣйшаго изслѣдованія — поглядываю, молъ, по сторонамъ, — Эрвинъ, все такъ же небрежно, перевелъ взглядъ на даму. Это была госпожа Оттъ. Отъ жары кирпичныя пятна расплылись по ея несвѣжему лицу, черныя, густыя брови шевелились надъ свѣтлыми, острыми глазами, улыбка поднимала уголки сжатыхъ губъ.

— Здравствуйте, — сказала госпожа Оттъ своимъ мягкимъ хрипловатымъ голосомъ. — Пересядьте сюда. Такъ. Теперь мы можемъ поболтать. Какъ ваши дѣла?

— Всего пять, — смущенно отвѣтилъ Эрвинъ. {58}

— Превосходно. Нечетное число, Я вамъ посовѣтовала бы на этомъ и остановиться. А въ полночь... Да, я, кажется, вамъ еще не сказала... Въ полночь придете на улицу Гофмана — знаете, гдѣ это? Тамъ отыщете номеръ тринадцатый. Небольшая вилла съ садикомъ. Тамъ васъ будутъ ждать ваши избранницы. Я же встрѣчу васъ у калитки, — но, разумѣется, — добавила она съ тонкой улыбкой, — я мѣшать вамъ не буду... Адресъ запомните?

— Вотъ что, — сказалъ Эрвинъ, набравшись храбрости, — пожалуйста, пускай онѣ будутъ въ тѣхъ же платьяхъ, и пускай онѣ будутъ сразу очень веселыя, очень ласковыя...

— Ну, разумѣется, — отвѣтила госпожа Оттъ. — Все будетъ именно такъ, какъ вы желаете. Иначе не стоило затѣвать эту исторію, не правда ли? А признайтесь, милый Эрвинъ, что вы чуть-чуть и меня не отмѣтили для вашего гарема? Ахъ, нѣтъ, не бойтесь, — я же отлично

знаю... Я просто шучу... Вамъ нужно выходить? Домой? Да, это правильно. Пять — число нечетное. Лучше держитесь за него. И такъ, — до полночи.

Эрвинъ, не глядя по сторонамъ, вернулся къ себѣ, разулся и со вздохомъ удовлетворенія растянулся на постели. Проснулся онъ подь вечеръ. Свѣтъ на дворѣ былъ ровнѣе; невдалекѣ медовымъ теноромъ заливался сосѣдскій граммофонъ.

— Первая — дѣвушка со щенкомъ, — сталъ вспоминать Эрвинъ — это самая простенькая. Я, кажется, поспѣшилъ. Ну, все равно. Затѣмъ — двѣ сестры у трамвайнаго столба. Веселыя, подкрашенные. Съ ними будетъ пріятно. Затѣмъ — четвертая — съ розой, {59} похожая на мальчишку. Это совсѣмъ хорошо. И наконецъ: дѣвица въ ресторанѣ. Тоже ничего. Но всего только пять — маловато.

Онъ полежалъ, закинувъ руки подь затылокъ, послушалъ граммофонный теноръ.

— Пять... Нѣтъ, маловато. Ахъ, всякія еще бываютъ... Удивительныя...

И Эрвинъ вдругъ не выдержалъ. Онъ, торопясь, привелъ свой костюмъ въ порядокъ, прилизалъ волосы и, волнуясь, вышелъ на улицу.

Часамъ къ девяти онъ набралъ еще двухъ. Одну онъ замѣтилъ въ кафэ: она говорила со своимъ спутникомъ на незнакомомъ языкѣ — по польски или по русски, — и глаза у нея были сѣрые, чуть раскосые, носъ тонкій, съ горбинкой, морщился, когда она смѣялась, стройныя нарядныя ноги были видны до колѣнъ. Пока Эрвинъ искоса смотрѣлъ на нее, она въ свою шелестящую рѣчь вставила случайную нѣмецкую фразу, — и Эрвинъ понялъ, что это знакъ. Другую женщину, седьмую по счету, онъ встрѣтилъ у китайскихъ воротъ увеселительнаго парка. На ней была красная кофточка и зеленая юбка, ея голая шея вздувалась отъ игриваго визга. Двое грубыхъ, жизнерадостныхъ юношей хватали ее за бока, и она локтями отъ нихъ отбивалась.

— Хорошо, — я согласна! — крикнула она наконецъ.

Въ увеселительномъ паркѣ разноцвѣтнымъ огнемъ играли слоеные фонарики. Вагонетка съ воплемъ мчалась внизъ по извилистому жолобу, пропадала межъ кривыхъ средневѣковыхъ декорацій и опять ныряла въ бездну съ тѣмъ же истошнымъ воплемъ. Въ {60} небольшомъ сараѣ, на четырехъ велосипедныхъ сѣдлахъ — колесъ не было, только рама, педали и руль — сидѣли верхомъ четыре женщины въ короткихъ штанахъ — красная, синяя, зеленая, желтая — и во всю работали голыми ногами. Надъ ними былъ большой циферблатъ, по нему двигались четыре стрѣлки — красная, синяя, зеленая, желтая, — и сперва эти стрѣлки шли тѣснымъ разноцвѣтнымъ пучкомъ, потомъ одна подалась

впередъ, другая обогнала ее, третья тугими толчками перегнала обѣихъ. Рядомъ стоялъ человѣкъ со свисткомъ.

Эрвинъ поглядѣлъ на сильныя голыя ноги женщинъ, на гибко согнутыя спины, на разгоряченныя лица съ яркими губами, съ синими крашенными рѣсницами. Одна изъ стрѣлокъ уже кончила кругъ... еще толчокъ... еще...

— Онѣ, навѣрно, хорошо пляшутъ, — покусывая губу, подумалъ Эрвинъ. — Мнѣ бы всѣхъ четырехъ.

— Есть! — крикнулъ человѣкъ со свисткомъ, — и женщины разогнулись, посмотрѣли на циферблатъ, на стрѣлку, пришедшую первой.

Эрвинъ выпилъ пива въ расписномъ павильонѣ, поглядѣлъ на часы и медленно направился къ выходу.

— Одиннадцать часовъ и одиннадцать женщинъ. Пора остановиться.

Онъ прищурился, воображая предстоящее наслажденіе, и съ удовольствіемъ подумалъ, что нынче бѣлье на немъ — чистое.

— Моя госпожа Оттъ, небось, будетъ подглядывать, — усмѣхнулся онъ про себя. — Ну, что жъ, ничего. Это будетъ, такъ сказать, перець... {61}

Онъ шелъ, глядя себѣ подъ ноги, изрѣдка только провѣряя названія улицъ. Онъ зналъ, что улица Гофмана далеко, за Кайзердаммомъ, но оставалось около часу, можно было не очень торопиться. Опять, какъ вчера, небо кишѣло звѣздами, и блестѣлъ асфальтъ, какъ гладкая вода, отражая, удлинняя, впитывая въ себя волшебные огни города. На углу, гдѣ свѣтъ кинематографа обливалъ тротуаръ, Эрвинъ услышалъ короткій раскатъ дѣтскаго смѣха и, поднявъ глаза, увидѣлъ передъ собой высокаго старика въ смокингѣ и дѣвочку, шедшую рядомъ, — дѣвочку лѣтъ четырнадцати въ темномъ нарядномъ платьѣ, очень открытомъ на груди. Старика весь городъ зналъ по портретамъ. Это былъ знаменитый поэтъ, дряхлый лебедь, одиноко жившій на окраинѣ. Онъ ступалъ съ какой то тяжелой граціей, волосы, цвѣта грязной ваты, спадали на уши изъ подъ мягкой шляпы, игралъ огонекъ посреди крахмальнаго вырѣза на груди, и отъ длиннаго костистаго носа тѣневое пятно косо падало на тонкія губы. И взглядъ Эрвина, дрогнувъ, перешелъ на лицо дѣвочки, сѣменившей рядомъ, — что то было въ этомъ лицѣ странное, странно скользнули ея слишкомъ блестящіе глаза — и если бъ это была не дѣвочка — внучка, вѣрно старика, — можно было подумать, что губы ея тронуты карминомъ. Она шла, едва-едва поводя бедрами, тѣсно передвигая ноги, она что-то звонко спрашивала у своего спутника, — и Эрвинъ ничего мысленно не приказалъ, но вдругъ почувствовалъ, что его тайное мгновенное желаніе исполнено.

— Ну, конечно, конечно, — вкрадчиво отвѣчалъ старикъ, наклоняясь къ дѣвчкѣ. {62}

Они прошли. Пахнуло духами. Эрвинъ обернулся, затѣмъ продолжалъ свой путь.

— Однако, — вдругъ спохватился онъ. — Двѣнадцать — число четное. Нужно еще одну, и нужно успѣть до полночи...

Ему было досадно, что приходится еще искать, — и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно, что есть еще одна возможность.

— По дорогѣ найду, — успокаивалъ онъ себя. — Несомнѣнно найду...

— Можетъ быть, это будетъ лучшая изъ всѣхъ, — вслухъ сказалъ онъ и сталъ зорко всматриваться въ блестящую темноту.

И вскорѣ онъ ощутилъ знакомое сладкое сжатіе, холодокъ подъ ложечкой. Передъ нимъ быстро и легко шла женщина. Онъ видѣлъ ее только со спины, — онъ не могъ бы объяснить, что именно такъ взволновало его, отчего съ такой мучительной жадностью ему захотѣлось ее обогнать, заглянуть ей въ лицо. Можно было бы, конечно, случайными словами описать ея походку, движеніе плечъ, очеркъ шляпы — но стоитъ ли? Что-то внѣ зримыхъ очертаній, какой то особый воздухъ, воздушное волненіе, — влекло за собой Эрвина. Онъ шелъ быстро, но все же не могъ поровняться съ ней, въ глазахъ мелькалъ влажный блескъ ночныхъ отраженій, женщина шла ровно и легко, и ея черная тѣнь вдругъ взмахивала, попавъ въ царство фонаря, и, взмахнувъ, скользила по стѣнѣ, перегибалась на выступѣ, пропадала на перекресткѣ.

— Боже мой, но вѣдь мнѣ нужно видѣть ея лицо, — волновался Эрвинъ. — И время идетъ. {63}

Но потомъ онъ о времени забылъ. Эта странная, молчаливая погоня по ночнымъ улицамъ опьянила его. Онъ ускорилъ шагъ, обогналъ, далеко перегналъ женщину, но изъ робости не посмѣлъ оглянуться, — только опять замедлилъ шагъ, и она, въ свой чередъ, его перегнала, да такъ быстро, что онъ не успѣлъ разглядѣть. Снова онъ шелъ въ десяти шагахъ за ней, — и уже зналъ, несмотря на то, что лица ея не видѣлъ, что это есть лучшая его избранница. Улица горѣла, прерывалась темнотой, снова горѣла, разливалась блестящей черной площадью, — и снова женщина легкимъ толчкомъ каблука ступала на панель, — и Эрвинъ за ней, растерянный, безплотный, опьяненный туманомъ огней, ночной прохладой, погоней...

И опять онъ перегналъ ее, и, опять оробѣвъ, не сразу повернулъ голову, и она прошла дальше, и онъ, отдѣлившись отъ стѣны, понесся слѣдомъ, держа шляпу въ лѣвой рукѣ и взволнованно болтая правой.

Не походка, не обликъ ея... Что то другое, очаровательное и властное, какое то напряженное мерцаніе воздуха вокругъ нея, — быть можетъ, только фантазія, трепеть, восторгъ фантазіи, — а быть можетъ, то, что мѣняетъ однимъ божественнымъ взмахомъ всю жизнь человѣка, — Эрвинъ ничего не зналъ, — только шелъ по тротуару, ставшему тоже какъ бы безплотнымъ въ ночной блестящей темнотѣ, только смотрѣлъ на ту, которая быстро, легко и ровно шла передъ нимъ.

И вдругъ деревья, весеннія липы, присоединились къ погонѣ, — онѣ шли и шушукались, съ боковъ, сверху, повсюду; черныя сердечки ихъ тѣней переплетались у подножія фонаря; ихъ нѣжный липкій запахъ подбодрялъ, подталкивалъ. {64}

Въ третій разъ Эрвинъ сталъ приближаться. Еще шагъ... Еще. Сейчасъ обгонитъ. Онъ былъ уже совсѣмъ близко, когда внезапно женщина остановилась у чугунной калитки и звякнула связкой ключей. Эрвинъ, съ разбѣга, едва не наскочилъ на нее. Она повернула къ нему лицо, и при свѣтѣ фонаря онъ узналъ ту, которая утромъ, въ солнечномъ скверѣ, играла со щенкомъ, — и сразу вспомнилъ, сразу понялъ, всю ея прелесть, теплоту, драгоцѣнное сіяніе.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее, страдальчески улыбаясь.

— Какъ вамъ не стыдно... — сказала она тихо. — Подите прочь.

Калитка открылась и съ грохотомъ хлопнула. Эрвинъ остался одинъ подъ умолкшими липами. Постоялъ, затѣмъ надѣлъ шляпу и медленно отошелъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ два огненныхъ пузыря, — открытый автомобиль, стоящій у панели. Онъ подошелъ, тронулъ за плечо неподвижнаго шофера.

— Скажите, какая это улица, — я заблудился.

— Улица Гофмана, — сухо отвѣтилъ шоферъ.

И тогда знакомый, мягкій, хрипловатый голосъ раздался изъ глубины автомобиля:

— Здравствуйте, это я.

Эрвинъ оперся ладонью о край дверцы, вяло отвѣтилъ:

— Здравствуйте.

— Я скучаю, — сказалъ голосъ. — Жду здѣсь моего пріятеля. Мы съ нимъ должны отравиться на разсвѣтѣ. Какъ вы поживаете?

— Четъ, — усмѣхнулся Эрвинъ, поводя пальцемъ по пыльной дверцѣ. {65}

— Знаю, знаю, — равнодушно отвѣтила госпожа Оттъ. — Тринадцатая оказалась первой. Да, у васъ это дѣло не вышло.

— Жалко, — сказалъ Эрвинъ.

— Жалко, — отозвалась госпожа Оттъ.

— Впрочемъ, все равно, — сказалъ Эрвинъ.

— Все равно, — подтвердила она и зѣвнула.

Эрвинъ поклонился, поцѣловалъ ея большую черную перчатку, набитую пятью растопыренными пальцами и, кашлянувъ, повернулъ въ темноту. Онъ шагаль тяжело, ныли уставшія ноги, угнетала мысль, что завтра понедѣльникъ, и что вставать будетъ трудно. {66}

РОЖДЕСТВО

I.

Вернувшись по вечерѣющимъ снѣгамъ изъ села въ свою мызу, Слѣпцовъ сѣлъ въ уголь, на низкій плюшевый стулъ, на которомъ онъ не сиживалъ никогда. Такъ бываетъ послѣ большихъ несчастій. Не братъ родной, а случайный непримѣтный знакомый, съ которымъ въ обычное время ты и двухъ словъ не скажешь, именно онъ толково, ласково поддерживаетъ тебя, подаетъ оброненную шляпу, — когда все кончено, и ты, пошатываясь, стучишь зубами, ничего не видишь отъ слезъ. Съ мебелью — то же самое. Во всякой комнатѣ, даже очень уютной и до смѣшного маленькой, есть нежилой уголь. Именно въ такой уголь и сѣлъ Слѣпцовъ.

Флигель соединенъ былъ деревянной галлереей — теперь загроможденной сугробомъ — съ главнымъ домомъ, гдѣ жили лѣтомъ. Незачѣмъ было будить, согреть его, хозяинъ приѣхалъ изъ Петербурга всего на нѣсколько дней и поселился въ смежномъ флигелѣ, гдѣ бѣлыя изразцовыя печки истопить — дѣло легкое.

Въ углу, на плюшевомъ стулѣ, хозяинъ сидѣлъ, {67} словно въ приѣмной у доктора. Комната плавала во тьмѣ, въ окно, сквозь стеклянные перья мороза, густо синѣлъ ранній вечеръ. Иванъ, тихій, тучный слуга, недавно сбрившій себѣ усы, внесъ заправленную, керосиновымъ огнемъ налитую, лампу, поставилъ на столъ и беззвучно опустилъ на нее шелковую клѣтку: розовый абажуръ. На мгновенье въ наклоненномъ зеркалѣ отразилось его освѣщенное ухо и сѣдой ежъ. Потомъ онъ вышелъ, мягко скрипнувъ дверью.

Тогда Слѣпцовъ поднялъ руку съ колѣна, медленно на нее посмотрѣлъ. Между пальцевъ къ тонкой складкѣ кожи прилипла застывшая капля воска. Онъ растопырилъ пальцы, бѣлая чешуйка треснула.

II.

Когда на слѣдующее утро, послѣ ночи, прошедшей въ мелкихъ нелѣпыхъ снахъ, вовсе не относившихся къ его горю, Слѣпцовъ вышелъ на холодную веранду, такъ весело выстрѣлила подъ ногой половица, и на бѣленую лавку легли райскими ромбами отраженья цвѣтныхъ стеколъ. Дверь поддавалась не сразу, затѣмъ сладко хряснула, и въ лицо ударилъ блистательный морозъ. Пескомъ, будто рыжей корицей, усыпанъ былъ ледокъ, облѣпившій ступени крыльца, а съ выступа крыши, остріями внизъ, свисали толстыя сосули, сквозяція зеленоватой синевою. Сугробы подступали къ самымъ окнамъ флигеля, плотно держали въ морозныхъ тискахъ оглушенное деревянное строенье. Передъ крыльцомъ чуть вздувались надъ гладкимъ снѣгомъ бѣлые купола клумбъ, а дальше сіялъ высокій паркъ, гдѣ каждый черный сучокъ {68} окаймленъ былъ серебромъ, и елки поджимали зеленыя лапы подъ пухлымъ и сверкающимъ грузомъ.

Слѣпцовъ, въ высокихъ валенкахъ, въ полушубкѣ съ каракулевымъ воротникомъ, тихо зашагалъ по прямой, единственной расчищенной тропѣ въ эту слѣпительную глубь. Онъ удивлялся, что еще живъ, что можетъ чувствовать, какъ блеститъ снѣгъ, какъ ноютъ отъ мороза передніе зубы. Онъ замѣтилъ даже, что оснѣженный кустъ похожъ на застывшій фонтанъ, и что на склонѣ сугроба — песьи слѣды, шафранныя пятна, прожегшія настъ. Немного дальше торчали столбы мостика, и тутъ Слѣпцовъ остановился. Горько, гнѣвно столкнулъ съ перилъ толстый пушистый слой. Онъ сразу вспомнилъ, какимъ былъ этотъ мостъ лѣтомъ. По склизкимъ доскамъ, усѣянными сережками, проходилъ его сынъ, ловкимъ взмахомъ сачка срывалъ бабочку, сѣвшую на перила. Вотъ онъ увидѣлъ отца. Неповторимымъ смѣхомъ играетъ лицо подъ загнутымъ краемъ потемнѣвшей отъ солнца соломенной шляпы, рука тербитъ цѣпочку и кожаный кошелекъ на широкомъ поясѣ, весело разставлены милая, гладкія, коричневыя ноги въ короткихъ саржевыхъ штанахъ, въ промокшихъ сандаляхъ. Совсѣмъ недавно, въ Петербургѣ, — радостно, жадно поговоривъ въ бреду о школѣ, о велосипедѣ, о какой-то индійской бабочкѣ, — онъ умеръ, и вчера Слѣпцовъ перевезъ тяжелый, словно всю жизнью наполненный гробъ, въ деревню, въ маленькій бѣлокаменный склепъ близъ сельской церкви.

Было тихо, какъ бываетъ тихо только въ погожій, морозный день. Слѣпцовъ, высоко поднявъ ногу, свернулъ съ тропы и, оставляя за собой въ снѣгу синія ямы, пробрался между стволовъ удивительно свѣтлыхъ деревьевъ {69} къ тому мѣсту, гдѣ паркъ обрывался къ рѣкѣ. Далеко внизу, на бѣлой глади, у проруби, горѣли вырѣзанные льды, а на томъ берегу, надъ снѣжными крышами избъ, поднимались тихо и прямо розо-

ватыя струи дыма. Слѣпцовъ снялъ каракулевый колпакъ, прислонился къ стволу. Гдѣ-то очень далеко кололи дрова, — каждый ударъ звонко отпрыгивалъ въ небо, — а надъ бѣлыми крышами придавленныхъ избъ, за легкимъ серебрянымъ туманомъ деревьевъ, слѣпо сіялъ церковный крестъ.

III.

Послѣ обѣда онъ поѣхалъ туда, — въ старыхъ саняхъ съ высокой прямой спинкой. На морозѣ туго хлопала селезенка вороного мерина, бѣлые вѣера проплывали надъ самой шапкой, и спереди серебряной голубизной лоснились колеи. Приѣхавъ, онъ просидѣлъ около часу у могильной ограды, положивъ тяжелую руку въ шерстяной перчаткѣ на обжигающій сквозь шерсть чугунокъ, и вернулся домой съ чувствомъ легкаго разочарованія, словно тамъ, на погостѣ, онъ былъ еще дальше отъ сына, чѣмъ здѣсь, гдѣ подъ снѣгомъ хранились лѣтніе неисчислимыя слѣды его быстрыхъ сандалій.

Вечеромъ, сурово затосковавъ, онъ велѣлъ отпереть большой домъ. Когда дверь съ тяжелымъ рыданіемъ раскрылась, и пахнуло какимъ то особеннымъ, не зимнимъ холодкомъ изъ гулкихъ желѣзныхъ сѣней, Слѣпцовъ взялъ изъ рукъ сторожа лампу съ жестянымъ рефлекторомъ и вошелъ въ домъ одинъ. Паркетные полы тревожно затрещали подъ его шагами. Комната {70} за комнатой заполнялись желтымъ свѣтомъ; мебель въ саванахъ казалась незнакомой; вмѣсто люстры висѣлъ съ потолка незвонящій мѣшокъ, — и громадная тѣнь Слѣпцова, медленно вытягивая руку, проплывала по стѣнѣ, по сѣрымъ квадратамъ занавѣшенныхъ картинъ.

Войдя въ комнату, гдѣ лѣтомъ жилъ его сынъ, онъ поставилъ лампу на подоконникъ и наполовину отвернулъ, ломая себѣ ногти, бѣлыя створчатыя ставни, хотя все равно за окномъ была уже ночь. Въ темно-синемъ стеклѣ загорѣлось желтое пламя — чуть коптящая лампа, — и скользнуло его большое, бородатое лицо.

Онъ сѣлъ у голаго письменнаго стола, строго, исподлобья, оглядѣлъ блѣдныя въ синеватыхъ розахъ стѣны, узкій шкапъ вродѣ конторскаго, съ выдвижными ящиками снизу доверху, диванъ и кресла въ чехлахъ, — и вдругъ, уронивъ голову на столъ, страстно и шумно затрясся, прижимая то губы, то мокрую щеку къ холодному пыльному дереву и цѣпляясь руками за крайніе углы.

Въ столѣ онъ нашелъ тетради, расправилки, коробку изъ-подъ англійскихъ бисквитовъ съ крупнымъ индійскимъ кокономъ, стоимшимъ три рубля. О немъ сынъ вспоминалъ, когда болѣлъ, жалѣлъ, что оставилъ, но утѣшалъ себя тѣмъ, что куколка въ немъ, вѣроятно, мертвая.

Нашелъ онъ и порванный сачокъ — кисейный мѣшокъ на складномъ обручѣ, и отъ кисеи еще пахло лѣтомъ, травянымъ зноемъ.

Потомъ, горбясь, всхлипывая всѣмъ корпусомъ, онъ принялся выдвигать одинъ за другимъ стеклянные ящики шкафа. При тускломъ свѣтѣ лампы шелкомъ {71} отливали подъ стекломъ ровные ряды бабочекъ. Тутъ, въ этой комнатѣ, вонъ на этомъ столѣ, сынъ расправлялъ свою поимку, пробивалъ мохнатую спинку черной булавкой, втыкалъ бабочку въ пробковую щель межъ раздвижныхъ дощечекъ, распластывалъ, закрѣплялъ полосами бумаги еще свѣжія, мягкія крылья. Теперь они давно высохли — нѣжно поблескиваютъ подъ стекломъ хвостатые махаоны, небесно-лазурные мотыльки, рыжія крупныя бабочки въ черныхъ крапинкахъ, съ перламутровымъ исподомъ. И сынъ произносилъ латынь ихъ названій слегка картаво, съ торжествомъ или пренебреженіемъ.

IV.

Ночь была сизая, лунная; тонкія тучи, какъ совиныя перья, разсыпались по небу, но не касались легкой ледяной луны. Деревья — груды сѣраго инея — отбрасывали черную тѣнь на сугробы, загоравшіеся тамъ и сямъ металлической искрой. Во флигелѣ, въ жарко натопленной плюшевой гостиной, Иванъ поставилъ на столъ аршинную елку въ глиняномъ горшкѣ и какъ разъ подвязывалъ къ ея крестообразной макушкѣ свѣчу, — когда Слѣпцовъ, озябшій, заплаканный, съ пятнами темной пыли, приставшей къ щекѣ, пришелъ изъ большого дома, неся деревянный ящикъ подъ мышкой. Увидя на столѣ елку, онъ спросилъ разсѣянно, думая о своемъ:

— Зачѣмъ это?

Иванъ, освобождая его отъ ящика, низкимъ круглымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Праздничекъ завтра. {72}

— Не надо, — уברי... — поморщился Слѣпцовъ, и самъ подумалъ: «неужто сегодня сочельникъ? Какъ это я забылъ?»

Иванъ мягко настаивалъ:

— Зеленая. Пускай постоитъ...

— Пожалуйста, уברי, — повторилъ Слѣпцовъ и нагнулся надъ принесеннымъ ящикомъ. Въ немъ онъ собралъ вещи сына — сачокъ, бисквитную коробку съ каменнымъ кокономъ, расправилки, булавки въ лаковой шкатулкѣ, синюю тетрадь. Первый листъ тетради былъ наполовину вырванъ, на торчавшемъ клочкѣ осталась часть французской диктовки. Дальше шла запись по днямъ, названія пойманныхъ бабочекъ и другія замѣты: «Ходилъ по болоту до Боровичей...» «Сегодня идетъ

дождь, игралъ въ шашки съ папой, потомъ читалъ скучнѣйшую «Фрегатъ Палладу», «Чудный жаркій день. Вечеромъ ѣздилъ на велосипедѣ. Въ глазъ попала мошка. Проѣзжалъ, нарочно два раза, мимо ея дачи, но ея не видѣлъ...»

Слѣпцовъ поднялъ голову, проглотилъ что-то — горячее, огромное. О комъ это сынъ пишетъ?

«Ѣздилъ, какъ всегда, на велосипедѣ», стояло дальше. «Мы почти переглянулись. Моя прелесть, моя радость...»

— Это невысказано, — прошепталъ Слѣпцовъ, — я вѣдь никогда не узнаю...

Онъ опять наклонился, жадно разбирая дѣтскій почеркъ, поднимающійся, заворачивающій на поляхъ.

«Сегодня — первый экземпляръ траурницы. Это значитъ — осень. Вечеромъ шелъ дождь. Она, вѣроятно, уѣхала, а я съ нею такъ и не познакомился. Прощай, моя радость. Я ужасно тоскую...» {73}

«Онъ ничего не говорилъ мнѣ...» — вспоминалъ Слѣпцовъ, потирая ладонью лобъ.

А на послѣдней страницѣ былъ рисунокъ перомъ: слонъ — какъ видишь его сзади, — двѣ толстыхъ тумбы, углы ушей и хвостикъ.

Слѣпцовъ всталъ. Затрясъ головой, удерживая приступъ страшныхъ сухихъ рыданій.

— Я больше не могу... — простоналъ онъ, растягивая слова, и повторилъ еще протяжнѣе: — не — могу — больше...

«Завтра Рождество, — скороговоркой пронеслось у него въ головѣ. — А я умру. Конечно. Это такъ просто. Сегодня же...»

Онъ вытщилъ платокъ, вытеръ глаза, бороду, щеки. На платкѣ остались темныя полосы.

— ...Смерть, — тихо сказалъ Слѣпцовъ, какъ бы кончая длинное предложеніе.

Тикали часы. На синемъ стеклѣ окна тѣснились узоры мороза. Открытая тетрадь сіяла на столѣ, рядомъ сквозила свѣтомъ кисея сачка, блестѣлъ жестяной уголъ коробки. Слѣпцовъ зажмурился, и на мгновеніе ему показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь — горестная до ужаса, унижительно безцѣльная, бесплодная, лишенная чудесъ...

И въ то же мгновеніе щелкнуло что-то — тонкій звукъ — какъ будто лопнула натянутая резина. Слѣпцовъ открылъ глаза и увидѣлъ: въ бисквитной коробкѣ торчитъ прорванный коконъ, а по стѣнѣ, надъ столомъ, быстро ползетъ вверхъ черное сморщенное существо величиной съ мышь. Оно остановилось, вцѣпившись шестью черными мохнатыми лапками въ стѣну, и стало странно трепетать. Оно вылупилось оттого,

что изнемогающій {74} отъ горя человѣкъ перенесъ жестяную коробку къ себѣ, въ теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугой шелкъ кокона проникло тепло, оно такъ долго ожидало этого, такъ напряженно набиралось силъ и вотъ теперь, вырвавшись, медленно и чудесно росло. Медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатныя бахромки, крѣпли, наливаясь воздухомъ, вѣрныя жилы. Оно стало крылатымъ незамѣтно, какъ незамѣтно становится прекраснымъ мужающее лицо. И крылья — еще слабыя, еще влажныя — все продолжали расти, расправляться, вотъ развернулись до предѣла, положеннаго имъ Богомъ, — и на стѣнѣ уже была — вмѣсто комочка, вмѣсто черной мыши, — громадная ночная бабочка, индійскій шелкопрядъ, что летаетъ, какъ птица, въ сумракѣ, вокругъ фонарей Бомбея.

И тогда простертыя крылья, загнутыя на концахъ, темнобархатныя, съ четырьмя слюдяными оконцами, вздохнули въ порывѣ нѣжнаго, восхитительнаго, почти человѣческаго счастья. {75}

ГРОЗА

На углу, подъ шатромъ цвѣтущей липы, обдало меня буйнымъ благоуханіемъ. Туманныя громады поднимались по ночному небу, и когда поглощенъ былъ послѣдній звѣздный просвѣтъ, слѣпой вѣтеръ, закрывъ лицо рукавами, низко пронесся вдоль опустѣвшей улицы. Въ тусклой темнотѣ, надъ желѣзнымъ ставнемъ парикмахерской, маятникомъ заходилъ висячій щитъ, золотое блюдо.

Вернувшись домой, я засталъ вѣтеръ уже въ комнатѣ: — онъ хлопнулъ оконной рамой и поспѣшно отхлынулъ, когда я прикрылъ за собою дверь. Внизу, подъ окномъ, былъ глубокій дворъ, гдѣ днемъ сіяли, сквозь кусты сирени, рубашки, распятыя на свѣтлыхъ веревкахъ, и откуда взлетали порой, печальнымъ лаемъ, голоса, — старьевщиковъ, закупателей пустыхъ бутылокъ, — нѣтъ-нѣтъ, — разрыдается искалѣченная скрипка; и однажды пришла тучная бѣлокурая женщина, стала посреди двора, да такъ хорошо запѣла, что изъ всѣхъ оконъ свѣсились горничныя, нагнулись голыя шеи, — и потомъ, когда женщина кончила пѣть, стало необыкновенно тихо, — только въ коридорѣ {76} всхлипывала и сморкалась неопрятная вдова, у которой я снималъ комнату.

А теперь тамъ внизу набухала душная мгла, — но вотъ слѣпой вѣтеръ, что беспомощно сползъ въ глубину, снова потянулся вверхъ, — и вдругъ — прозрѣлъ, взмылъ, и въ янтарныхъ провалахъ въ черной

стѣнѣ напротивъ заметались тѣни рукъ, волосъ, ловили улетающія рамы, звонко и крѣпко запирали окна. Окна погасли. И тотчасъ же въ темно-лиловомъ небѣ тронулась, покатила глухая груда, отдаленный громъ. И стало тихо, какъ тогда, когда замолкла нищая, прижавъ руки къ полной груди.

Въ этой тишинѣ я заснулъ, ослабѣвъ отъ счастья, о которомъ писать не умею, — и сонъ мой былъ полонъ тобой.

Проснулся я оттого, что ночь рушилась. Дикое, блѣдное блистаніе летало по небу, какъ быстрый отсвѣтъ исполинскихъ спицъ. Грохотъ за грохотомъ ломалъ небо. Широко и шумно шелъ дождь.

Меня опьянили эти синеватыя содроганія, легкой и острый холодъ. Я сталъ у мокраго подоконника, вдыхая неземной воздухъ, отъ котораго сердце звенѣло, какъ стекло.

Все ближе, все великолѣпнѣе гремѣла по облакамъ колесница пророка. Свѣтомъ сумасшествія, пронзительныхъ видѣній, озаренъ былъ ночной міръ, желѣзные склоны крышъ, бѣгущіе кусты сирени. Громовержецъ, сѣдой исполинъ, съ бурной бородою, закинутой вѣтромъ за плечо, въ ослѣпительномъ, летучемъ облаченіи, стоялъ, подавшись назадъ, на огненной колесницѣ и напряженными руками сдерживалъ гигантскихъ коней своихъ: — вороная масть, гривы — фіолетовый {77} пожаръ. Они понесли, они брызгали трескучей искристой пѣной, колесница кренилась, тщетно рвалъ вожжи растерянный пророкъ. Лицо его было искажено вѣтромъ и напряженіемъ, вихрь, откинувъ складки, обнажилъ могучее колѣно, — а кони, взмахивая пылающими гривами, летѣли — все буйственнѣе — внизъ по тучамъ, внизъ. Вотъ громовымъ шопотомъ промчались они по блестящей крышѣ, колесницу шарахнуло, зашатался Илья, — и кони, обезумѣвъ отъ прикосновенія земного металла, снова вспрянули. Пророкъ былъ сброшенъ. Одно колесо отшибло. Я видѣлъ изъ своего окна, какъ покотился внизъ по крышѣ громадный огненный ободъ и, покачнувшись на краю, прыгнулъ въ сумракъ. А кони, влача за собою опрокинутую, прыгающую колесницу, уже летѣли по вышнимъ тучамъ, гулъ умолкалъ, и вотъ — грозовой огонь исчезъ въ лиловыхъ безднахъ.

Громовержецъ, павшій на крышу, грузно всталъ, плесницы его заскользили, — онъ ногой пробилъ слуховое окошко, охнулъ, широкимъ движеніемъ руки удержался за трубу. Медленно поворачивая потемнѣвшее лицо, онъ что-то искалъ глазами, — вѣрно колесо, соскочившее съ золотой оси. Потомъ глянулъ вверхъ, вцѣпившись пальцами въ растрепанную бороду, сердито покачалъ головой, — это случилось вѣроятно не впервые, — и, прихрамывая, сталъ осторожно спускаться.

Оторвавшись отъ окна, спѣша и волнуясь, я накинулъ халатъ и сбѣжалъ по крутой лѣстницѣ прямо во дворъ. Гроза отлетѣла, но еще вѣялъ дождь. Востокъ дивно блѣднѣлъ.

Дворъ, что сверху казался налитымъ густымъ сумракомъ, {78} былъ на самомъ дѣлѣ полонъ тонкимъ тающимъ туманомъ. Посерединѣ, на тускломъ отъ сырости газонѣ, стоялъ сутулый, тощій старикъ въ промокшей рясѣ и бормоталъ что-то, посматривая по сторонамъ. Замѣтивъ меня, онъ сердито моргнулъ:

— Ты, Елисей?

Я поклонился. Пророкъ цокнулъ языкомъ, потирая ладонью смуглую лысину:

— Колесо потерялъ. Отыщи-ка.

Дождь пересталъ. Надъ крышами пылали громадныя облака. Кругомъ, въ синеватомъ, сонномъ воздухѣ, плавали кусты, заборъ, блестящая собачья конура. Долго шарили мы по угламъ, — старикъ кряхтѣлъ, подхватывалъ тяжелый подолъ, шлепалъ тупыми сандаліями по лужамъ, и съ кончика крупнаго костистаго носа свисала свѣтлая капля. Отодвинувъ низкую вѣтку сирени, я замѣтилъ на кучѣ сору, среди битаго стекла, тонкое желѣзное колесо, — видимо отъ дѣтской коляски. Старикъ жаркодохнулъ надъ самымъ моимъ ухомъ и поспѣшно, даже грубовато отстранивъ меня, схватилъ и поднялъ ржавый кругъ. Радостно подмигнулъ мнѣ:

— Вотъ куда закатилось...

Потомъ на меня уставился, сдвинувъ сѣдыя брови, — и, словно что-то вспомнивъ, внушительно сказалъ:

— Отвернись, Елисей.

Я послушался. Даже зажмурился. Постоялъ такъ съ минуту, — и дольше не выдержалъ...

Пустой дворъ. Только старая лохматая собака съ посѣдѣлой мордой вытянулась изъ конуры и, какъ человѣкъ, глядѣла вверхъ испуганными карими глазами. Я поднялъ голову. Илья карабкался вверхъ по крышѣ, {79} и желѣзный ободъ поблескивалъ у него за спиной. Надъ черными трубами оранжевой кудрявой горой стояло заревое облако, за нимъ второе, третье. Мы глядѣли вмѣстѣ съ притихшей собакой, какъ пророкъ, поднявшись до гребня крыши, спокойно и неторопливо перебрался на облако и сталъ лѣзть вверхъ, тяжело ступая по рыхлому огню.

Солнце стрѣльнуло въ его колесо, и оно сразу стало золотымъ, громаднымъ, — да и самъ Илья казался теперь облаченнымъ въ пламя, сливаясь съ той райской тучей, по которой онъ шелъ все выше, все выше, пока не исчезъ въ пылающемъ воздушномъ ущельѣ.

Только тогда хриплымъ утреннимъ лаемъ залился дряхлый песь, — и хлынула рябь по яркой глади дождевой лужи; отъ легкаго вѣтра колыхнулась пунцовая герань на балконахъ, проснулись два-три окна, — и въ промокшихъ клѣтчатыхъ туфляхъ, въ блекломъ халатѣ я выбѣжалъ на улицу и, догоняя первый, сонный трамвай, запахивая полы на бѣгу, все посмѣивался, воображая, какъ сейчасъ приду къ тебѣ и буду рассказывать о ночномъ воздушномъ крушеніи, о старомъ, сердитомъ пророкѣ, упавшемъ ко мнѣ во дворъ. {80}

БАХМАНЪ

Не такъ давно промелькнуло въ газетахъ извѣстіе, что въ швейцарскомъ городкѣ Мариваль, въ пріютѣ св. Анжелики, умеръ, міромъ забытый, славный піанистъ и композиторъ Бахманъ. Я вспомнилъ по этому поводу рассказъ о женщинѣ, любившей его, переданный мнѣ антрепренеромъ Закомъ. Вотъ этотъ рассказъ.

Госпожа Перова познакомилась съ Бахманомъ лѣтъ за десять до его смерти. Въ тѣ дни золотой, глубокой, сумасшедшей трепетъ его игры запечатлѣвался уже на воскѣ, а заживо звучалъ въ знаменитѣйшихъ концертныхъ залахъ. И вотъ, однажды вечеромъ, — въ одинъ изъ тѣхъ осеннихъ прозрачно-синихъ вечеровъ, когда больше боишься старости, нежели смерти, — Перова получила отъ пріятельницы записку: «Я хочу показать тебѣ Бахмана. Сегодня послѣ концерта онъ будетъ у меня. Приходи».

Я особенно ясно представляю себѣ, какъ надѣла она черное, открытое платье, быстрымъ движеніемъ надушила себѣ шею и плечи, взяла вѣеръ, трость съ бирюзовымъ набалдашникомъ, и посмотрѣвшись напоследокъ {81} въ тройную бездну трюмо, задумалась и оставалась задумчивой всю дорогу отъ дома своего до дома подруги. Она знала, что некрасива, не въ мѣру худа, что блѣдность ея кожи болѣзненна, — но эта старѣющая женщина съ лицомъ неудавшейся мадонны была привлекательна именно тѣмъ, чего больше всего стыдилась, — блѣдностью губъ и едва замѣтной хромотой, заставлявшей ее всегда ходить съ тростью. Мужъ ея, страстный и острый дѣлецъ, былъ въ отъѣздѣ. Лично господинъ Закъ его не зналъ.

Когда Перова вошла въ небольшую, фіолетовымъ свѣтомъ залитую гостиную, гдѣ тяжело перепархивала отъ гостя къ гостю ея пріятельница, тучная, шумливая дама въ аметистовой діадемѣ, — ея вниманіе тотчасъ же привлекъ высокій, бритый, слегка напудренный господинъ,

который стоялъ, облокотившись на выступъ рояля, и что-то рассказывалъ тремъ дамамъ, подошедшимъ къ нему. Хвосты его фрака были на добротной, особенно пухлой, шелковой подкладкѣ, и разговаривая онъ то и дѣло откидывалъ темные, маслянистые волосы, раздувая при этомъ крылья носа, — блѣднаго, съ довольно изящной горбинкой. Во всей его фигурѣ было что-то благосклонное, блистательное и непріятное.

— «Акустика ужасная! — говорилъ онъ, дергая плечомъ, — а публика вся сплошь простужена. Не дай Богъ кому-нибудь кашлянуть, моментально нѣсколько человѣкъ подхватятъ, и поѣхало... — Онъ улыбнулся, откидывая волосы. — Это, знаете, какъ ночью, въ деревнѣ, собаки».

Перова подошла, легко опираясь на трость, и сказала первое, что пришло ей въ голову: {82}

— «Вы, навѣрно, устали, господинъ Бахманъ, послѣ вашего концерта?»

Онъ поклонился, очень польщенный:

— «Маленькая ошибка, мадамъ. Моя фамилія — Закъ. Я только импрессарио нашего маэстро».

Всѣ три дамы разсмѣялись. Перова смутилась и разсмѣялась тоже. Объ удивительной игрѣ Бахмана она знала только по наслышкѣ и портрета его не видала. Въ эту минуту къ ней хлынула хозяйка, обняла и таинственно, однимъ движеніемъ глазъ, указавъ въ глубину комнаты, шепнула:

— «...вотъ онъ... посмотри...»

И только тогда она увидѣла Бахмана. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ остальныхъ гостей и, разставя короткія ноги въ мѣшковатыхъ черныхъ штанахъ, читалъ газету, придвинувъ къ самымъ глазамъ мятый листъ и шевеля губами, какъ это дѣлаютъ при чтеніи полуграмотные. Былъ онъ низкаго роста, плѣшивый, со скромнымъ зачесомъ поперекъ темени, въ отложномъ крахмальномъ воротничкѣ, слишкомъ для него широкомъ. Не отрываясь отъ газеты, онъ разсѣянно провѣрилъ однимъ пальцемъ ту часть мужской одежды, которая у портныхъ зовется гульфикъ, и зашевелилъ губами еще внимательнѣе. Былъ у него очень смѣшной, маленькій, круглый подбородокъ, похожій на морского ежа.

— «Не удивляйтесь, — сказалъ Закъ. — Онъ въ буквальномъ смыслѣ неучъ: какъ придетъ въ гости, такъ сразу беретъ что-нибудь и читаетъ».

Бахманъ вдругъ почувствовалъ, что всѣ смотрятъ на него. Онъ медленно повернулъ лицо и, поднявъ растрепанныя брови, улыбнулся чудесной, робкой улыбкой, {83} отъ которой по всему лицу разбѣжались мягкія морщинки.

Хозяйка поспѣшила къ нему:

— «Мсье Бахманъ, позвольте вамъ презентовать еще одну изъ вашихъ поклонницъ, — госпожу Перову».

Онъ сунулъ ей свою безкостную, сыроватую руку:

— «Очень пріятно, очень даже пріятно...»

И опять уткнулся въ газету.

Перова отошла. Розоватыя пятна выступили у нея на скулахъ. Отъ радостнаго движенія чернаго, блестящаго стеклярусомъ вѣера затрепетали свѣтлые завитки на вискахъ. Закъ мнѣ потомъ рассказывалъ, что въ тотъ первый вечеръ она произвела на него впечатлѣніе необыкновенно темпераментной, — какъ онъ выразился, — необыкновенно издерганной женщины, даромъ, что губы и прическа были у нея такія строгія.

— «Эти двое другъ друга стоили, — передавалъ онъ мнѣ со вздохомъ. — Бахманъ-то, и говорить нечего, совершенно былъ лишень мозговъ. А главное — пиль, знаете. Въ тотъ вечеръ, когда они встрѣтились, мнѣ пришлось быстро, — прямо-таки на крыльяхъ, — увести его, такъ какъ онъ вдругъ потребовалъ коньяку, — а ему нельзя было, нельзя было. Мы же просили его: пять дней не пей, только пять дней, — т. е. пять концертовъ, вы понимаете... Ангажементъ, Бахманъ, держись... Что вы думаете, вѣдь даже какой-то пѣтъ въ юмористическомъ журналѣ сриемовалъ «У стойки» и «Неустойки». Мы буквально изъ силъ выбивались. И притомъ — капризный, знаете, фантастичный, грязненькій. Совершенно ненормальный субъектъ. Но игралъ...»

И Закъ молча закатывалъ глаза, тряся порѣдѣвшей гривой. {84}

Просматривая съ господиномъ Закомъ тяжелый, какъ гробъ, альбомъ газетныхъ вырѣзокъ, я убѣдился, что именно тогда, во дни первыхъ встрѣчъ Бахмана съ Перовой, началась настоящая, міровая, — но какая короткая — слава этого удивительнаго человѣка. Когда и гдѣ Перова сошлась съ нимъ, — этого никто не знаетъ. Но послѣ вечера у пріятельницы Перова стала бывать на всѣхъ концертахъ Бахмана, въ какомъ бы городѣ они ни давались. Сидѣла она всегда въ первомъ ряду, прямая, гладко причесанная, въ черномъ, открытомъ платьѣ. Нѣкоторые ее называли такъ: хромая мадонна.

Бахманъ выходилъ на эстраду быстро, — какъ будто вырвавшись изъ вражескихъ или просто надоѣдливыхъ рукъ. Не глядя на публику, онъ подбѣгалъ къ роялю и, нагнувшись надъ круглымъ стуломъ, принимался нѣжно вращать деревянный дискъ сидѣнья, отыскивая какую-то математическую точку высоты. При этомъ онъ убѣдительно и тихо ворковалъ, усовѣщевая стулъ на трехъ языкахъ. Возился онъ такъ довольно долго. Въ Англии это умиляло публику, во Франціи смѣшило,

въ Германіи — раздражало. Найдя точку, Бахманъ легонько и ласково хлопалъ ладонью по стулу, — и садился, нашаривая педали подошвами старыхъ лакированныхъ туфель. Потомъ доставалъ просторный несвѣжій платокъ и, тщательно вытирая имъ руки, оглядывалъ съ лукавой и вмѣстѣ съ тѣмъ робкой улыбкой первый рядъ. Наконецъ, онъ мягко опускалъ руки на клавиши. Но вдругъ вздрагивалъ страдальческій живчикъ подъ глазомъ: цокнувъ языкомъ, онъ сползалъ со стула и снова принимался вращать нѣжно скрипящее сидѣнье. {85}

Закъ думаетъ, что, въ первый разъ прослушавъ Бахмана и вернувшись къ себѣ домой, Перова сѣла у окна и просидѣла такъ до зари, вздыхая и улыбаясь. Онъ увѣряетъ, что еще никогда Бахманъ такъ хорошо, такъ безумно не игралъ, и что потомъ, съ каждымъ разомъ, онъ игралъ все лучше и все безумнѣе. Съ несравненнымъ искусствомъ Бахманъ скликалъ и разрѣшалъ голоса контрапункта, вызывалъ диссонирующими аккордами впечатлѣніе дивныхъ гармоній и — въ тройной фугѣ — преслѣдовалъ тему, изящно и страстно съ нею играя, какъ котъ съ мышью, — притворялся, что выпустилъ ее, и вдругъ, съ хитрой улыбкой нагнувшись надъ клавишами, настигалъ ее ликующимъ ударомъ рукъ. Потомъ, когда его ангажементъ въ томъ городѣ кончился, онъ, какъ всегда, на нѣсколько дней исчезъ, запилъ.

Посѣтители сомнительныхъ кабачковъ, ядовито пылавшихъ въ туманѣ угрюмага предмѣстья, видѣли плотнаго низенькаго господина съ растрепанной плѣшью и глазами, мокрыми, розовыми, какъ язвы, который садился всегда въ сторонку, но охотно угощалъ всякаго, кто приста-нетъ къ нему. Старичекъ-настройщикъ, давно погибшій человекъ, нѣсколько разъ выпивъ съ нимъ, рѣшилъ, что это братъ по ремеслу, ибо Бахманъ, опьянѣвъ, барабанилъ пальцемъ по столу и тонкимъ голо-сомъ бралъ очень точное «ля». Случалось, что скуластая дѣловитая про-ститутка уводила его къ себѣ. Случалось, что онъ вырывалъ у кабацкаго скрипача инструментъ, топталъ его и былъ за это битъ. Знакомился онъ съ картежниками, матросами, атлетами, нажившими себѣ грыжу, — а также съ цехомъ тихихъ, учтивыхъ воровъ. {86}

Ночами напролетъ Закъ и Перова его разыскивали. Впрочемъ Закъ искалъ только тогда, когда нужно было «завинтить» его, — т. е. приготовить къ концерту. Иногда находили, иногда же, осоловѣвшій, грязный, безъ воротника, онъ самъ являлся къ Перовой; она молча и ласково укладывала его спать и только черезъ два-три дня звонила Заку, что Бахманъ найденъ.

Въ немъ сочеталась какая-то неземная робость съ озорствомъ испорченнаго ребенка. Съ Перовой онъ почти не говорилъ. Когда она увѣщевала его, брала за руки, онъ вырывался, хлопалъ ее по пальцамъ,

пискливо вскрикивая, словно легчайшее прикосновение причиняло ему раздражительную боль, и потомъ долго плакалъ, накрывшись одѣяломъ. Появлялся Закъ, говорилъ: надо ѣхать въ Лондонъ, въ Римъ, — и Бахмана увозили.

Три года продолжалась ихъ странная связь. Когда Бахмана, кое-какъ освѣженнаго, подавали публикѣ, Перова неизмѣнно сидѣла въ первомъ ряду. Во время далекихъ гастролей они останавливались въ смежныхъ номерахъ. Нѣсколько разъ за это время Перова видалась съ мужемъ. Онъ, конечно, зналъ, какъ знали всѣ объ ея восторженной и вѣрной страсти, но не мѣшалъ, жилъ своею жизнью.

— «Бахманъ мучилъ ее, — настойчиво повторялъ мнѣ господинъ Закъ. — Непонятно, какъ она могла его любить. Тайна женскаго сердца! Я видѣлъ собственными глазами, какъ въ одномъ домѣ, гдѣ они были вмѣстѣ, маэстро вдругъ зашелкъ на нее зубами, какъ обезьяна, и знаете — за что? Она хотѣла ему поправить галстухъ. Но игралъ онъ въ тѣ дни гениально. Къ тому времени относится его симфонія D-молль и {87} нѣсколько сложныхъ фугъ. Никто не видѣлъ, какъ онъ писалъ ихъ. Самая интересная — такъ называемая «Золотая фуга». Слыхали? Тематизмъ въ ней совершенно своеобразный. Но я говорилъ объ его капризахъ, объ его растущемъ помѣшательствѣ. Ну такъ вотъ. Прошло, значить, два года. И вотъ, однажды, въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ выступалъ — —»

И Закъ, подходя къ концу своего разсказа, все печальнѣе, все внушительнѣе шурился.

Оказывается, что въ ночь пріѣзда въ Мюнхенъ Бахманъ удралъ изъ гостиницы, гдѣ, какъ обычно, онъ остановился вмѣстѣ съ Перовой. Черезъ три дня долженъ былъ состояться концертъ, и потому Закъ находился въ истерической тревогѣ. Поиски ни къ чему не привели. Дѣло было поздней осенью, хлесталъ холодный дождь. Перова простудилась и слегла. Закъ съ двумя сыщиками продолжалъ изслѣдовать кабаки.

Въ день концерта позвонили изъ полиціи, что Бахманъ найденъ. Онъ былъ ночью подобранъ на улицѣ и въ участкѣ отлично выспался. Закъ молча повезъ его изъ участка въ театръ, сдалъ его тамъ, какъ вещь, своимъ помощникамъ, а самъ поѣхалъ въ гостиницу за фракомъ. Перовой черезъ дверь онъ доложилъ о случившемся. Потомъ вернулся въ театръ.

Бахманъ, надвинувъ на брови черную фетровую шляпу, сидѣлъ въ артистической и печально стучалъ пальцемъ по столу. Вокругъ него суетливо шептались. Черезъ часъ въ огромной залѣ публика стала занимать мѣста. Свѣтлая бѣлая эстрада, съ лѣпными украшеніями по бокамъ

въ видѣ органныхъ трубъ, и блестящій черный рояль, поднявшій крыло, и скромный грибъ стула ожидали въ торжественной праздности человѣка {88} съ мокрыми мягкими руками, который сейчасъ наполнить ураганомъ звуковъ и рояль, и эстраду, и огромный залъ, гдѣ, какъ блѣдые черви, двигались, лоснились женскія плечи и мужскія лысины.

И вотъ Бахманъ вбѣжалъ. Не обративъ вниманія на грохотъ привѣтствій, поднявшійся какъ плотный конусъ и рассыпавшійся на отдѣльные потухающіе хлопки, онъ сталъ вращать, жадно воркуя, деревянный дискъ стула, и, погладивъ его, сѣлъ за рояль. Вытирая платкомъ руки, онъ робкой улыбкой окинулъ первый рядъ. Внезапно улыбка исчезла, и Бахманъ поморщился. Платокъ упалъ на полъ. Онъ опять внимательно скользнулъ глазами по лицамъ; глаза его споткнулись на пустомъ мѣстѣ посрединѣ ряда. Тогда Бахманъ захлопнулъ крышку, всталъ, вышелъ впередъ, къ самому краю эстрады, и, закативъ глаза, поднявъ, какъ балерина, согнутыя руки, сдѣлалъ два-три нелѣпыхъ па. Публика застыла. Въ глубинѣ вспыхнулъ смѣхъ. Бахманъ остановился, что-то проговорилъ, чего никто не слышалъ, и затѣмъ, широкимъ дугообразнымъ движеніемъ показалъ всему залу кукишъ.

— «Это произошло такъ внезапно, — рассказывалъ мнѣ Закъ, — что я просто не успѣлъ прилетѣть на помощь. Я столкнулся съ нимъ, когда послѣ фіги — фіги вмѣсто фуги — онъ удалялся со сцены. Я спросилъ: Бахманъ, куда? Онъ сказалъ нехорошее слово и шмыгнулъ въ артистическую».

Тогда Закъ самъ вышелъ на эстраду, — и встрѣченъ былъ бурей гнѣва и гогота. Онъ выставилъ впередъ ладонь и, добившись молчанія, твердо обѣщалъ, что концертъ состоится. Когда онъ вернулся въ артистическую, то увидѣлъ, что Бахманъ, какъ ни въ чемъ {89} не бывало, сидитъ у стола, и, шевеля губами, читаетъ програмку.

Закъ, взглянувъ на присутствующихъ и значительно поведя бровью, метнулся къ телефону и позвонилъ Перовой. Онъ долго не могъ добиться отвѣта; наконецъ что-то щелкнуло, и донесся ея слабый голосъ.

— «Пріѣзжайте сію же минуту, — затараторилъ Закъ, стуча ребромъ руки по телефонному фоліанту. — Бахманъ безъ васъ не хочетъ играть. Ужасный скандалъ! Публика начинаетъ — что вы? — да-да, — я же говорю: не хочетъ. Алло! А, чортъ! Разъединили...»

У Перовой былъ сильный жаръ. Докторъ, посѣтившій ее въ этотъ день дважды, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на ртуть, такъ высоко поднявшуюся по краснымъ ступенькамъ въ горячемъ стеклянномъ столбикѣ. Повѣсивъ телефонную трубку, — аппаратъ стоялъ у постели, — она, вѣроятно, радостно улыбнулась. Дрожа и покачиваясь, принялась

одѣваться. Нестерпимо кололо въ груди, но сквозь туманъ и жужжанье жара звала радость. Мнѣ почему-то кажется, что, когда она стала натягивать чулки, шелкъ цѣплялся за ногти ея холодныхъ ногъ. Кое-какъ причесавшись, запахнувшись въ коричневую шубу, она, звякая тростью, вышла, велѣла швейцару кликнуть таксомоторъ. Черный асфальтъ блестѣлъ. Ручка автомобильной дверцы была ледяная и мокрая. Всю дорогу она, вѣрно, улыбалась смутной и счастливой улыбкой, — и шумъ мотора и шипѣніе шинъ сливались съ жаркимъ жужжаніемъ въ вискахъ. Когда подъѣхала къ театру, то увидѣла: толпы людей, открывая на ходу сердитые зонтики, вываливаются на улицу. Ее чуть не сшибли {90} съ ногъ. Протиснулась. Въ артистической Закъ ходилъ взадъ и впередъ, хватая себя то за лѣвую щеку, то за правую.

— «Я былъ въ состояніи бѣшенства! — рассказывалъ онъ мнѣ. — Пока я бился у телефона, маэстро бѣжалъ. Сказалъ, что идетъ въ уборную, и улизнулъ. Когда Перова приѣхала, я набросился на нее, — зачѣмъ не сидѣла въ театрѣ. Понимаете, я абсолютно упустилъ изъ виду, что она больна. Спрашиваетъ: «такъ, значитъ, онъ сейчасъ дома? значитъ, мы разъѣхались?» А я былъ въ состояніи бѣшенства и кричу: «какое тамъ, чортъ, дома! Въ кабакъ. Въ кабакъ. Въ кабакъ!» Потомъ я махнулъ рукой и убѣжалъ. Нужно было спасти кассира».

И Перова, дрожа и улыбаясь, поѣхала разыскивать Бахмана. Она знала приблизительно, гдѣ искать его, и туда-то, въ темный, страшный кварталъ, повезъ ее удивленный шоферъ. Доѣхавъ до той улицы, гдѣ, по словамъ Зака, наканунѣ нашли Бахмана, она отпустила таксомоторъ и, постукивая тростью, пошла по щербатой панели, подъ косыми потоками черного дождя. Заходила она подрядъ во всѣ кабаки, — взрывы грубой музыки оглушали ее, мужчины къ ней нагло поворачивались, — она оглядывала дымное, кружащееся, разноцвѣтное зальце и опять выходила въ хлещущую ночь. Вскорѣ ей стало казаться, что она заходитъ все въ одинъ и тотъ же кабакъ, и мучительная слабость легла ей на плечи. Она шла, хромая и чуть слышно мыча, зажавъ въ озябшей рукѣ бирюзовую шишку трости. Полицейскій, нѣкоторое время слѣдившій за ней, подошелъ медленными профессиональными шагами, спросилъ ея адресъ; властно и мягко {91} подвелъ ее къ черному ландо ночного извозчика. Въ зловонномъ, ухающемъ сумракѣ ландо она потеряла сознание, и, когда очнулась, дверца была открыта, и кучеръ, въ блестящей, клеенчатой накидкѣ, концомъ кнутовища легонько тыкалъ ее въ плечо. Потомъ, когда она очутилась въ тепломъ коридорѣ, ее охватило чувство полного равнодушія ко всему. Она толкнула дверь своего номера, вошла. Бахманъ, босой, въ ночной рубахѣ подъ холмомъ клѣтчатого одѣяла, накинутого на плечи, сидѣлъ у нея на постели, и, барабаня двумя пальцами

по мраморной доскѣ ночного столика, ставилъ химическимъ карандашомъ точки на листкѣ нотной бумаги. Онъ былъ такъ поглощенъ этимъ, что не замѣтилъ, какъ отворилась дверь. Перова испустила легкій, ахающій стонъ. Бахманъ встрепенулся. Одѣяло поползло съ его плеча.

Я думаю, это была единственная счастливая ночь во всей жизни Перовой. Думаю, что эти двое, полоумный музыкантъ и умирающая женщина, нашли въ эту ночь слова, какія не снились величайшимъ поэтамъ міра. Когда, на слѣдующее утро, негодующій Закъ явился въ гостиницу, онъ нашелъ Бахмана, глядѣвшаго съ восторженной тихой улыбкой на Перову, которая лежала безъ сознанія подъ клѣтчатомъ одѣяломъ поперекъ широкой постели. Неизвѣстно о чемъ думалъ Бахманъ, глядя на пылающее лицо подруги и слушая ея судорожное дыханіе; вѣроятно, онъ понималъ по своему волненіе ея тела, трепеть и жаръ болезни, мысль о которой не приходила ему въ голову. Закъ вызвалъ доктора. Бахманъ сперва недовѣрчиво, съ робкой улыбкой глядѣлъ на нихъ, потомъ вцѣпился доктору въ плечо, отбѣжалъ, хлопнулъ себя по лбу и {92} заметался, лязгая зубами. Она умерла въ тотъ же день, не приходя въ сознаніе. Выраженіе счастья такъ и не сошло у нея съ лица. На ночномъ столикѣ Закъ нашелъ скомканную страницу нотной бумаги, но фіолетовыя точки музыки, рассыпанныя по ней, никто не могъ разобрать.

— «Я увезъ его сразу, — рассказывалъ мнѣ Закъ, — я боялся пріѣзда мужа, сами понимаете. Бѣдняга Бахманъ, онъ былъ, какъ тряпочка, и все затыкалъ себѣ уши. Вскрикивалъ, какъ будто его щекотали: «не надо звуковъ, звуковъ не надо!...» Я не знаю, собственно, что потрясло его такъ: между нами говоря, онъ никогда не любилъ этой несчастной женщины. Какъ ни какъ, она погубила его. Бахманъ послѣ похоронъ исчезъ безслѣдно. Теперь вы еще найдете его имя въ объявленіяхъ піанольныхъ фирмъ, но вообще-то онъ забытъ. Только черезъ шесть лѣтъ насъ снова столкнула судьба. На одинъ моментъ. Я ждалъ поѣзда на маленькой станціи въ Швейцаріи. Былъ, помню, роскошный вечеръ. Я былъ не одинъ. Да, — женщина. Но это уже изъ личной оперы. И вотъ, представьте себѣ, вижу, собралась небольшая толпа, окружила человѣка, — низенькаго роста, въ черномъ пальтишкѣ, въ черной шляпѣ. Онъ совалъ монету въ щелку музыкальнаго автомата и при этомъ плакалъ навзрыдь. Сунетъ, послушаетъ мелкую музыку и плачетъ. Потомъ что-то испортилось. Монета застряла. Онъ сталъ расшатывать ящикъ, громче заплакалъ, бросилъ, ушелъ. Я узналъ его сразу, — но, понимаете, я былъ не одинъ, съ дамой, кругомъ народъ, любопытные, — неудобно было подойти, сказать: здравствуй, Бахманъ...» {93}

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БЕРЛИНУ

Утромъ я побывалъ въ Зоологическомъ саду, а теперь вхожу съ пріятелемъ, постояннымъ моимъ собутыльникомъ, въ пивную: голубая вывѣска, по ней бѣлыми буквами начертано «Львиная Брага», и сбоку подмигиваетъ портретъ льва, держащаго кружку пива. Усѣвшись, я рассказываю пріятелю о трубахъ, трамваяхъ и прочихъ важныхъ вещахъ.

I. ТРУБЫ.

Передъ домомъ, гдѣ я живу, лежитъ вдоль панели огромная черная труба, и на аршинъ подальше — другая, а тамъ — третья, четвертая: желѣзныя кишки улицъ, еще праздна, еще не спущенныя въ земляныя глубины, подъ асфальтъ. Въ первые дни послѣ того, какъ ихъ гулко свалили съ грузовиковъ, мальчишки бѣгали по нимъ, ползали на четверенькахъ сквозь эти {94} круглые туннели, — но черезъ недѣлю уже больше никто не игралъ, — только валилъ снѣгъ. И теперь, когда въ матовой полутьмѣ ранняго утра я выхожу изъ дома, то на каждой черной трубѣ бѣлѣетъ ровная полоса, а по внутреннему скату, у самага жерла одной изъ нихъ, мимо которой какъ разъ сворачиваютъ рельсы, отблескъ еще освѣщеннаго трамвая взмываетъ оранжевой зарницей. Сегодня на снѣговой полосѣ кто-то пальцемъ написалъ «Отто», и я подумалъ, что такое имя, съ двумя бѣлыми «о» по бокамъ и четой тихихъ согласныхъ посередкѣ, удивительно хорошо подходитъ къ этому снѣгу, лежащему тихимъ слоемъ, къ этой трубѣ съ ея двумя отверстиями и таинственной глубиной.

II. ТРАМВАЙ.

Трамвай лѣтъ черезъ двадцать исчезнетъ, какъ уже исчезла конка. Я уже чувствую въ немъ что-то отжившее, какую-то старомодную прелесть. Все въ немъ немного неуклюже, шатко, — и когда, при слишкомъ быстромъ поворотѣ, перо соскакиваетъ съ провода, и кондукторъ, или даже одинъ изъ пассажировъ, перегнувшись черезъ вагонную корму и глядя вверхъ, тянетъ, трясетъ веревку, норовя привести перо въ должное положеніе, — я всегда думаю о томъ, что возница дилижанса, должно быть, ронялъ иногда кнутъ, и осаживалъ свою четверку, и посы-

лалъ за кнутомъ парня въ долгополой ливреѣ, сидѣвшаго рядомъ на козлахъ и пронзительно трубившаго въ рожокъ, пока, {95} грѣмя по булыжникамъ, дилижансъ ухалъ черезъ деревню.

У трамвайнаго кондуктора, выдающаго билеты, совѣмъ особыя руки. Онѣ такъ же проворно работаютъ, какъ руки піаниста, — но вмѣсто того, чтобы быть безкостными, потными, съ мягкими ногтями, руки кондуктора — такія жесткія, что когда, — вливая ему въ ладонь мелочь, — случайно дотронешься до этой ладони, обросшей словно грубымъ, сухимъ хитиномъ, становится нехорошо на душѣ. Необычайно ловкія, ладныя руки, — несмотря на грубость ихъ и толщину пальцевъ. Я съ любопытствомъ гляжу, какъ, зажавъ чернымъ квадратнымъ ногтемъ билетикъ, онъ прокалываетъ его въ двухъ мѣстахъ, какъ шарить пятерней въ кожаномъ кошелѣ, загребая монеты для сдачи, и тотчасъ кошель захлопываетъ, дергаетъ тренькающій шнуръ или ударомъ большого пальца отпахиваетъ окошечко въ передней двери, чтобы дать билеты стоящимъ на площадкѣ. И при этомъ вагонъ качаетъ, люди въ проходѣ хватаются за висячіе ремни, при каждомъ толчкѣ подаются то впередъ, то назадъ, — но онъ не уронитъ ни одной монеты, ни одного лоскутка, оторваннаго отъ билетнаго ролика. Теперь, въ зимніе дни, передняя дверца завѣшена внизу зеленымъ сукномъ, окна помутнѣли отъ мороза, у остановки, на краю панели, толпятся рождественскія елки, — и зябнуть у пассажировъ ноги, и кондукторская рука подчасъ бываетъ въ сѣрой вязаной митенкѣ. На конечной станціи передній вагонъ отцѣпляется, переходитъ на другіе рельсы, обходитъ оставшійся, возвращается съ тыла, — и есть что-то вродѣ покорнаго ожиданія самки въ томъ, какъ второй вагонъ ждетъ, {96} чтобы первый, мужескій, кидая вверхъ легкое трескучее пламя, снова подкатилъ бы, прицѣпился. И мнѣ вспоминается, какъ, лѣтъ восемнадцать тому назадъ, въ Петербургѣ, отпрягали лошадей, вели ихъ вокругъ пузатой синей конки.

Конка исчезла, исчезнетъ и трамвай, — и какой-нибудь берлинскій чудакъ-писатель въ двадцатыхъ годахъ двадцать перваго вѣка, пожелавъ изобразить наше время, отыщетъ въ музеѣ былой техники столѣтній трамвайный вагонъ, желтый, аляповатый, съ сидѣніями, выгнутыми по-старинному, и въ музеѣ былыхъ одеждъ отыщетъ черный, съ блестящими пуговицами, кондукторскій мундиръ, — и, придя домой, составитъ описаніе былыхъ берлинскихъ улицъ. Тогда все будетъ цѣнно и полновѣсно, — всякая мелочь: и кошель кондуктора, и реклама надъ окошкомъ, и особая трамвайная тряска, которую наши правнуки, быть можетъ, вообразятъ; все будетъ облагорожено и оправдано стариной.

Мнѣ думается, что въ этомъ смыслъ писательскаго творчества: изображать обыкновенныя вещи такъ, какъ онѣ отразятся въ ласковыхъ

зеркалахъ будущихъ временъ, находить въ нихъ ту благоуханную нѣжность, которую почуютъ только наши потомки въ тѣ далекіе дни, когда всякая мелочь нашего обихода станетъ сама по себѣ прекрасной и праздничной, — въ тѣ дни, когда человѣкъ, надѣвшій самый простенькій сегодняшній пиджачекъ, будетъ уже наряженъ для изысканнаго маскарада. {97}

III. РАБОТЫ.

Вотъ образы разныхъ работъ, которыя я наблюдаю изъ трамвайнаго окна.

На перекресткѣ вдоль рельсъ развороченъ асфальтъ; четверо рабочихъ поочередно бьютъ молотами по котыргѣ; первый ударилъ, второй уже опускаетъ размашистымъ и точнымъ движеніемъ молотъ; второй молотъ грянулъ и опять высоко поднимается, пока рушатся равномерно, одинъ за другимъ, третій, четвертый. Я слушаю ихъ неторопливый звонъ, чугунные куранты, четыре повторяющіяся ноты.

Молодой бѣлый пекаръ въ колпакѣ промахнулъ на трехколесномъ велосипедѣ: есть что-то ангельское въ человѣкѣ, осыпанномъ мукой. Дребезжитъ фургонъ съ ящиками на крышѣ, въ ящикахъ изумрудно поблескиваютъ ровные ряды пустыхъ бутылокъ, собранныхъ по кабакамъ. Тайнственно провезли на телѣгѣ длинную черную листовницу: она лежитъ плашмя, макушка мягко вздрагиваетъ, а корни съ землей, завернутые въ плотную рогожу, образуютъ у ея основанія огромную, желтовато-бурую бомбу. Почтальонъ подставилъ мѣшокъ подъ кобальтовый почтовый ящикъ, нацѣпляетъ его снизу и тайно, незримо, съ поспѣшнымъ шелестомъ, ящикъ опоражнивается, и почтальонъ захлопываетъ квадратную пасть отяжелѣвшаго мѣшка. Но, быть можетъ, прекраснѣе всего — бланжевыя, въ розовыхъ подтекахъ и извилинахъ, туши, наваленныя на грузовикъ, и человѣкъ въ передникѣ, въ кожаномъ капюшонѣ съ долгимъ затыльникомъ, который {98} беретъ тяжкую тушу на спину и, сгорбившись, несетъ ее черезъ панель въ румяную лавку мясника.

IV. ЭДЕМЪ.

Во всякомъ большомъ городѣ есть своего рода земной рай, созданный человѣкомъ.

Если церкви говорятъ намъ объ Евангеліи, то зоологическіе сады напоминаютъ намъ о торжественномъ и нѣжномъ началѣ Ветхаго

Завѣта. Жаль только, что этотъ искусственный рай — весь въ рѣшеткахъ, но правда, не будь оградъ, левъ пожралъ бы лань. Все же это, конечно, рай, — поскольку человѣкъ способенъ рай возстановить, И недаромъ противъ берлинскаго Зоологическаго сада большая гостиница названа такъ: гостиница Эденъ.

Теперь, зимой, когда тропическихъ звѣрей спрятали, я совѣтую посѣщать домъ земноводныхъ, насѣкомыхъ, рыбъ. Въ полутемной залѣ ряды озаренныхъ витринъ по бокамъ похожи на тѣ оконца, сквозь которыя капитанъ Немо глядѣлъ изъ своей подводной лодки на морскія существа, вьющіяся между развалинъ Атлантиды. За этими витринами, въ сіяющихъ углубленіяхъ, скользятъ, вспыхивая плавниками, прозрачныя рыбы, дышатъ морскіе цвѣты, и на песочкѣ лежитъ живая пурпурная звѣзда о пяти концахъ. Вотъ, значитъ, откуда взялась пресловутая эмблема: — съ самаго дна океана — изъ темноты потопленныхъ Атлантидъ, давнымъ давно пережившихъ всякія смуты, — опыты глуповатыхъ утопій, — и все то, что тревожитъ насъ. {99}

И, конечно, нужно посмотрѣть, какъ кормятъ черепахъ. Эти тяжкіе, древніе роговые купола привезены съ Галапагосскихъ острововъ. Изъ подъ пятипудоваго купола медленно (какъ задержанный снимокъ въ кинематографѣ), съ какой-то дряхлой опаской, высовывается морщинистая плоская голова и двѣ ни на что не способныя лапы. И толстымъ, рыхлымъ языкомъ, чѣмъ то напоминающимъ языкъ гугниваго крестина, котораго вяло рветъ безобразной рѣчью, черепаха, уткнувшись въ кучу мокрыхъ овощей, неопратно жуетъ листья.

Но этотъ куполь надъ ней, — ахъ, этотъ куполь, — вѣковой, потертый, тусклая бронза, великолѣпный грузъ времянь...

V. ПИВНАЯ.

— Это очень плохой путеводитель, — мрачно говоритъ мой постоянный собутыльникъ. — Кому интересно знать, какъ вы сѣли въ трамвай, какъ поѣхали въ берлинскій Акваріумъ?

Пивная, въ которой мы съ нимъ сидимъ, состоитъ изъ двухъ помѣщеній, одно большое, другое поменьше. Въ первомъ стоитъ посрединѣ билліардъ, по угламъ — нѣсколько столиковъ, противъ входной двери — стойка, и за ней бутылки на полкахъ. Въ простѣнкѣ висятъ, какъ бумажныя знамена, газеты и журналы на короткихъ древкахъ. Въ глубинѣ — широкій проходъ, и тамъ видна тѣсная комнатка съ зеленымъ диваномъ {100} вдоль стѣны, подъ зеркаломъ, изъ котораго вываливается полукруглый столъ, покрытый клѣтчатою клеенкой, и прочно становится передъ диваномъ. Эта комната относится къ убогой квар-

тиркѣ хозяина. Тамъ жена его, полногрудая, увядшая нѣмка, кормить супомъ бѣлокураго ребенка.

— Неинтересно, — утверждаетъ съ унылымъ зѣвкомъ мой пріятель. — Дѣло вовсе не въ трамваяхъ и черепахахъ. Да и вообще... Скучно, однимъ словомъ. Скучный, чужой городъ. И жить въ немъ дорого...

Изъ нашего угла подлѣ стойки очень отчетливо видны въ глубинѣ, въ проходѣ, — диванъ, зеркало, столъ. Хозяйка убираетъ со стола посуду. Ребенокъ, опираясь локтями, внимательно разглядываетъ иллюстрированный журналъ, надѣтый на рукоятку.

— Что вы тамъ увидѣли, — спрашиваетъ мой собутыльникъ и медленно, со вздохомъ, оборачивается, тяжело скрипя стуломъ.

Тамъ, въ глубинѣ, ребенокъ остался на диванѣ одинъ. Ему оттуда видно зальце пивной, гдѣ мы сидимъ, — бархатный островокъ билліарда, костяной бѣлый шаръ, который нельзя трогать, металлическій лоскъ стойки, двое тучныхъ шофферовъ за однимъ столикомъ и мы съ пріятелемъ за другимъ. Онъ ко всему этому давно привыкъ, его не смущаетъ эта близость наша, — но я знаю одно: что бы ни случилось съ нимъ въ жизни, онъ навсегда запомнитъ картину, которую въ дѣтствѣ ежедневно видѣлъ изъ комнатки, гдѣ его кормили супомъ — запомнитъ и билліардъ, и вечерняго посѣтителя безъ пиджака, отодвигавшаго {101} бѣлымъ угломъ локоть, стрѣлявшаго кіемъ по шару, — и сизый дымъ сигаръ, и гулъ голосовъ, и отца за стойкой, наливавшаго изъ крана кружку пива.

— Не понимаю, что вы тамъ увидѣли, — говоритъ мой пріятель, снова поворачиваясь ко мнѣ.

И какъ мнѣ ему втолковать, что я подглядѣлъ чье-то будущее воспоминаніе? {102}

ПОДЛЕЦЪ

1.

Проклятый день, въ который Антонъ Петровичъ познакомился съ Бергомъ, существовалъ только теоретически: память не прилѣпила къ нему во время календарной наклейки, и теперь найти этотъ день было невозможно. Грубо говоря, случилось это прошлой зимой: Бергъ поднялся изъ небытія, поклонился и опустился опять, — но уже не въ прежнее небытіе, а въ кресло. Было это у Курдюмовыхъ, и жили они на улицѣ Св. Марка, чортъ знаетъ гдѣ, въ Моабитѣ, что-ли. Курдюмовы

такъ и остались бѣдняками, а онъ и Бергъ съ тѣхъ поръ нѣсколько разбогатѣли; теперь, когда въ витринѣ магазина мужскихъ вещей появлялся галстухъ, дымно цвѣтистый, — скажемъ, какъ закатное облако, — сразу въ дюжинѣ экземпляровъ, и точь въ точь такихъ же цвѣтовъ платки, — тоже въ дюжинѣ экземпляровъ, — то Антонъ Петровичъ покупалъ этотъ модный галстухъ и модный платокъ, и каждое утро, по дорогѣ въ банкъ, имѣлъ удовольствіе {103} встрѣчать тотъ же галстухъ и тотъ же платокъ у двухъ-трехъ господъ, какъ и онъ, спѣшащихъ на службу. Съ Бергомъ одно время у него были дѣла, Бергъ былъ необходимъ, Бергъ звонилъ ему по телефону разъ пять въ день, Бергъ сталъ бывать у нихъ, — и острилъ, острилъ, — Боже мой, какъ онъ любилъ острить. При первомъ его посѣщеніи, Таня, жена Антона Петровича, нашла, что онъ похожъ на англичанина и очень забавенъ. «Антонъ, здравствуй!» — рявкала Бергъ, топыря пальцы и сверху, съ размаху, по русскому обычаю, коршуномъ налетая на его руку и крѣпко пожимая ее. Былъ Бергъ плечистъ, строенъ, чисто выбритъ, и самъ про себя говорилъ, что похожъ на мускулистаго ангела. Антону Петровичу онъ однажды показалъ старую, черную записную книжку: страницы были сплошь покрыты крестиками, и такихъ крестиковъ было равнымъ счетомъ пятьсотъ двадцать три. «Время Деникина и покоренья Крыма», усмѣхнулся Бергъ и спокойно добавилъ: «Я считалъ, конечно, только тѣхъ, которыхъ билъ наповаль». И то, что Бергъ бывший офицеръ, вызывало въ Антонѣ Петровичѣ зависть, и онъ не любилъ, когда Бергъ при Танѣ рассказывалъ о конныхъ развѣдкахъ и ночныхъ атакахъ. Самъ онъ былъ коротконогъ, кругловатъ и носилъ монокль, который въ свободное время, когда не былъ ввинченъ въ глазницу, висѣлъ на черной ленточкѣ, а когда Антонъ Петровичъ сидѣлъ развалился, блестѣлъ, какъ глупый глазъ, у него на брюшкѣ. Фурункуль, вырѣзанный два года тому назадъ, оставилъ на лѣвой щекѣ шрамъ, и этотъ шрамъ, и жесткіе подстриженные усы, и пухлый расейскій носъ напряженно шевелились, когда Антонъ Петровичъ вдавливалъ стеклышко себѣ подъ бровь. {104} «Напрасно ты пыжишься, — говорилъ Бергъ, — краше не станешь».

Въ стаканахъ легкій паръ млѣлъ надъ поверхностью чая; жирный шоколадный эклеръ, раздавленный ложкой, выпускалъ свое кремовое нутро; Таня, положивъ голые локти на столъ и упирая подбородокъ въ скрещенные пальцы, смотрѣла вверхъ на то, какъ плыветъ дымокъ ея папирасы, и Бергъ ей доказывалъ, что надо остричь волосы, что всѣ женщины споконъ вѣковъ стригли волосы, что Венера Милосская стриженная, и Антонъ Петровичъ жарко и обстоятельно возражалъ, а Таня только пожимала плечомъ, ударомъ ногтя стряхивая пепель.

И все это прошло. Въ концѣ іюля, въ среду, Антонъ Петровичъ уѣхалъ по дѣлу въ Кассель, и оттуда послалъ женѣ телеграмму, что возвращается въ пятницу. Въ пятницу оказалось, что ему придется остаться по крайней мѣрѣ еще недѣлю, и онъ послалъ новую телеграмму. Но на слѣдующій день утромъ дѣло провалилось, и Антонъ Петровичъ, уже не предупреждая жены, покотилъ обратно въ Берлинъ. Онъ пріѣхалъ около десяти, усталый и раздраженный. Съ улицы онъ увидѣлъ, что окна спальни освѣщены. Пріятно, что жена дома. Онъ поднялся на пятый этажъ, привычнымъ движеніемъ повернулъ ключъ въ трехъ замкахъ и вошелъ. Проходя по передней, онъ услышалъ, какъ въ ванной комнатѣ ровно шумитъ вода. «Танька моется», — съ любовью подумалъ Антонъ Петровичъ и прошелъ въ спальню. Въ спальнѣ, передъ зеркаломъ, стоялъ Бергъ и завязывалъ галстухъ.

Антонъ Петровичъ машинально опустилъ на полъ свой чемоданчикъ, не отводя глазъ отъ Берга, который {105} чуть откинувъ свое безстрастное лицо, перебросилъ пеструю лопасть галстуха и пропустилъ ее сквозь узелъ.

— Главное, не волнуйся, — сказалъ Бергъ, осторожно затягивая узелъ, — пожалуйста, не волнуйся. Будь совершенно спокоенъ.

Какъ поступить? Скорѣй... По ногамъ проходитъ дрожь. Ногъ уже нѣтъ, есть только холодная, ноющая дрожь. Скорѣй... Онъ сталъ стаскивать съ руки перчатку. Перчатки были новыя и сидѣли плотно. Онъ дергалъ головой, и самъ не замѣчалъ, какъ бормочетъ: «Уходите немедленно прочь. Какое безобразіе. Уходите прочь...»

— Ухожу, Антонъ, ухожу, — сказалъ Бергъ, и, широко и покойно двигая плечами, надѣлъ пиджакъ.

— Если я его ударю, онъ меня ударитъ тоже, — быстро подумалъ Антонъ Петровичъ. Послѣднимъ рывкомъ онъ стянулъ перчатку и неловко бросилъ ее въ Берга. Перчатка хлопнулась объ стѣну и упала въ кувшинъ съ водой.

— Мѣтко, — сказалъ Бергъ.

Онъ взялъ шляпу, трость и направился мимо Антона Петровича къ двери. «Однако, тебѣ придется меня выпустить, — обернулся онъ на ходу, — дверь внизу заперта».

Антонъ Петровичъ, едва соображая, что дѣлаетъ, за нимъ послѣдовалъ. Когда они начали спускаться по лѣстницѣ, Бергъ, шедшій впереди, вдругъ сталъ смѣяться. «Прости», — сказалъ онъ, не оглядываясь, — но это ужасно смѣшно: выгоняютъ со всѣми удобствами». Черезъ нѣсколько ступеней онъ засмѣялся опять и пошелъ быстрѣе. Антонъ Петровичъ тоже ускорилъ шагъ. Эта поспѣшность безобразна. Бергъ нарочно {106} заставляетъ его сбѣгать вприпрыжку. Какая

пытка... Третій этажъ... второй... Когда эта лѣстница кончится? Бергъ взялъ махомъ послѣднія ступени и, постукивая объ полъ тростью, ждалъ Антона Петровича. Антонъ Петровичъ тяжело дышалъ, не могъ попасть въ замокъ, руки тряслись. Наконецъ, дверь открылась.

— Не поминай лихомъ, — сказалъ Бергъ, уже стоя на панели, — будь ты на моемъ мѣстѣ...

Антонъ Петровичъ захлопнулъ дверь. У него съ самаго начала зрѣла потребность хлопнуть какой-нибудь дверью. Отъ грохота зазвенѣло въ ушахъ. Только теперь, поднимаясь по лѣстницѣ, онъ замѣтилъ, что лицо мокро отъ слезъ, и что остановить слезы нѣтъ никакой возможности, но нужно было торопиться. Онъ бѣгомъ добрался до верху, и, проходя черезъ переднюю, опять услышалъ шумъ воды. Вмѣстѣ съ этимъ шумомъ доносился голосъ Тани. Она въ ванной громко пѣла. Она еще ничего не знала. Антонъ Петровичъ выпустилъ дыханіе и вернулся въ спальню. Обѣ постели были открыты, и на жениной розовѣла ночная сорочка, а на диванѣ были разложены вечернее платье и шелковые чулки, — она, очевидно, собралась итти танцовать съ Бергомъ. Антонъ Петровичъ вынулъ изъ грудного карманчика великолѣпное самопишущее перо. Я не могу тебя видѣть. Если я тебя увижу, то не ручаюсь за себя. Онъ писалъ стоя, неловко согнувшись надъ туалетнымъ столомъ. Монокль помутился отъ крупной слезы... буквы плясали... Пожалуйста, уходи. Я тебѣ оставляю пока сто марокъ. Переговорю завтра съ Наташей. Переночуй у нея сегодня или въ гостиницѣ, — только, пожалуйста, не оставайся больше здѣсь. Онъ кончилъ писать и приставилъ листъ къ зеркалу, {107} на видномъ мѣстѣ. Рядомъ положилъ сто-марковый билетъ. И снова, проходя черезъ переднюю, онъ услышалъ голосъ жены. Она въ ванной пѣла, — голосъ у нея былъ цыганскаго пошиба, милый голосъ, счастье, лѣтній вечеръ, гитара... она поетъ, щурясь, на подушкѣ посреди комнаты... и Антонъ Петровичъ со вчерашняго дня женихъ, счастье, лѣтній вечеръ, ночная бабочка на потолкѣ, я тебя безконечно люблю, для тебя я отдамъ свою душу... «Какое безобразіе! Какое безобразіе!» все повторялъ онъ, идя по улицѣ. Было очень тепло и звѣздисто. Все равно куда итти. Теперь, вѣроятно, она уже вышла изъ ванны и все поняла. Антона Петровича передернуло: перчатка. Въ кувшинѣ плаваетъ коричневымъ комочкомъ совсѣмъ новая перчатка. Онъ пошелъ быстрѣе и на ходу крикнулъ, такъ что вздрогнулъ прохожій. Увидѣвъ огромные смутные тополя и площадь, онъ подумалъ: гдѣ то тутъ живетъ Митюшинъ. Антонъ Петровичъ позвонилъ ему по телефону изъ кабака, который обступилъ его, какъ сонъ, и снова отошелъ, удаляясь, какъ задній огонь поѣзда. Митюшинъ впустилъ его, но такъ какъ былъ сильно навеселѣ, сначала не обратилъ

вниманія на его искаженное лицо. Въ туманной комнаткѣ находился неизвѣстный Антону Петровичу господинъ, а на диванѣ, спиной къ столу, лежала черноволосая дама въ красномъ платьѣ и, повидимому, спала. На столѣ блестѣли бутылки. Антонъ Петровичъ попалъ на именины, но онъ такъ и не понялъ, чьи это были именины, — Митюшина ли, спящей дамы или неизвѣстнаго господина, оказавшагося русскимъ нѣмцемъ со странной фамиліей Гнушке. Митюшинъ, сіяя необыкновенно розовымъ лицомъ, познакомилъ его съ Гнушке и, указавъ {108} кивкомъ на полную спину спящей дамы, сказалъ въ воздухъ: «Позвольте, Анна Никаноровна, вамъ представить моего большого друга». Дама не шелохнулась, чему, впрочемъ, Митюшинъ ничуть не удивился, словно онъ и не ожидалъ, что она проснется. Вообще все это было слегка нелѣпо, какъ бываетъ во снѣ: пустая бутылка изъ подъ водки съ воткнутой въ горлышко розой, доска съ начатой шахматной партіей, спящая дама, пьяный Митюшинъ, пьяный, но совершенно спокойный Гнушке...

— Пей, — сказалъ Митюшинъ и вдругъ поднялъ брови. — Что съ тобой, Антонъ Петровичъ? Морда у тебя, какъ мѣль.

— Да, пейте, — съ какой-то глупой серьезностью проговорилъ Гнушке, длиннолицый человѣкъ въ высокомъ воротникѣ, похожій на черную таксу.

Антонъ Петровичъ залпомъ выпилъ полчашки водки и сѣлъ.

— Теперь рассказывай, что случилось, — сказалъ Митюшинъ. — Не стѣсняйся Генриха, — онъ самый честный человѣкъ на свѣтѣ. Мой ходъ, Генрихъ, и знай, что, если ты сейчасъ хлопнешь моего слона, я тебѣ дамъ мать въ три хода. Ну, валяй, Антонъ Петровичъ.

— Это мы сейчасъ посмотримъ, — сказалъ Гнушке, выправляя манжету. — Ты забылъ пѣшку на ашъ пять.

— Самъ ты ашъ пять, — сказалъ Митюшинъ. — Антонъ Петровичъ сейчасъ будетъ рассказывать.

Отъ водки все вокругъ заходило ходуномъ: шахматная доска тихо полѣзла на бутылки, бутылки поѣхали вмѣстѣ со столомъ по направленію къ дивану, диванъ со спящей дамой двинулся къ окну, окно тоже {109} куда то поѣхало. И это проклятое движеніе было какъ то связано съ Бергомъ, и нужно было положить этому конецъ, покончить съ этимъ безобразіемъ, растоптать, разорвать, убить.

— Я пришелъ къ тебѣ, чтобы ты былъ моимъ секундантомъ, — началъ Антонъ Петровичъ и смутно почувствовалъ, что въ его словахъ есть безграмотность, но не былъ въ силахъ это поправить.

— Понимаю, — сказалъ Митюшинъ, косясь на шахматную доску, надъ которой нависла, шевеля пальцами, рука Гнушке.

— Нѣтъ, ты слушай меня, — съ тоской воскликнулъ Антонъ Петровичъ, — нѣтъ, ты слушай! Не будемъ больше пить. Это серьезно, серьезно.

Митюшинъ уставился на него блестящими голубыми глазами. «Брось шахматы, Генрихъ, — сказалъ онъ, не глядя на Гнушке, — тутъ идетъ серьезный разговоръ».

— Я собираюсь драться, — прошепталъ Антонъ Петровичъ, стараясь взглядомъ удержать столъ, который все плылъ, все плылъ куда-то. — Я хочу убить одного человѣка. Его зовутъ Бергъ, ты, кажется, встрѣчалъ его у меня. Не стану объяснять причину...

— Секунданту можно, — сказалъ Митюшинъ.

— Простите, что вмѣшиваюсь, — заговорилъ вдругъ Гнушке и поднялъ указательный палецъ. — Помните, что сказано: не убій!

— Этого человѣка зовутъ Бергъ, — произнесъ Антонъ Петровичъ. — Ты, кажется, знаешь его. И вотъ, мнѣ нужно двухъ секундантовъ.

— Дуэль, — сказалъ Гнушке.

Митюшинъ толкнулъ его локтемъ: «Не перебивай, Генрихъ». {110}

— Вотъ и все, — шопотомъ докончилъ Антонъ Петровичъ и, опустивъ глаза, слабо потерябилъ ленточку монокла.

Молчаніе. Ровно посапывала дама на диванѣ. По улицѣ пронесся гудокъ автомобиля.

— Я пьянъ, и Генрихъ пьянъ, — пробормоталъ Митюшинъ, — но, повидимому, случилось что-то серьезное. — Онъ покусалъ костяшки руки и оглянулся на Гнушке. «Какъ ты считаешь, Генрихъ?» Гнушке вздохнулъ.

— Вотъ вы оба завтра пойдете къ нему, — заговорилъ опять Антонъ Петровичъ. — Условьтесь о мѣстѣ и такъ дальше. Онъ мнѣ не далъ своей карточки. По закону онъ долженъ былъ мнѣ дать свою карточку. Я ему бросилъ перчатку.

— Вы поступаете, какъ благородный и смѣлый человѣкъ, — вдругъ оживился Гнушке. — По странному совпаденію, я нѣсколько знакомъ съ этимъ дѣломъ. Одинъ мой кузенъ былъ тоже убитъ на дуэли.

«Почему — тоже? — тоскливо подумалъ Антонъ Петровичъ. — Неужели это предзнаменованіе?»

Митюшинъ отпилъ изъ чашки и бодро сказалъ:

— Какъ другу — не могу отказать. Утромъ пойдѣмъ къ господину Бергу.

— Насчетъ германскихъ законовъ, — сказалъ Гнушке. — Если вы его убьете, то васъ посадятъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму; если же вы будете убиты, то васъ не тронуть.

— Я все это учелъ, — кивнулъ Антонъ Петровичъ.

И потомъ появилась опять прекрасная самопишущая ручка, черная блестящая ручка съ золотымъ нѣжнымъ перомъ, которое въ обычное время, какъ бархатное, скользило по бумагѣ, но теперь рука у Антона Петровича {111} дрожала, теперь, какъ палуба, ходилъ столъ... На листѣ почтовой бумаги, данномъ ему Митюшинымъ, Антонъ Петровичъ написалъ Бергу письмо, трижды назвалъ Берга подлецомъ и кончилъ безсильной фразой: одинъ изъ насъ долженъ погибнуть.

И потомъ онъ зарыдалъ, и Гнушке, цокая языкомъ, вытиралъ ему лицо большимъ платкомъ въ красныхъ квадратахъ, и Митюшинъ показывалъ на шахматную доску, глубокомысленно повторяя: «Вотъ ты его, какъ этого короля — матъ въ три хода и никакихъ гвоздей». И Антонъ Петровичъ всхлипывалъ, слабо отклоняясь отъ дружескихъ гнушкиныхъ рукъ, и повторялъ съ дѣтскими интонаціями: «Я ее такъ любилъ, такъ любилъ».

И разсвѣтало.

— Значить, въ девять часовъ вы будете у него, — сказалъ Антонъ Петровичъ и пошатываясь всталъ со стула.

— Черезъ пять часовъ мы будемъ у него, — какъ эхо, отозвался Гнушке.

— Успѣемъ выспаться, — сказалъ Митюшинъ.

Антонъ Петровичъ разгладилъ свою шляпу, на которой все время сидѣлъ, поймалъ руку Митюшина, подержалъ ее, поднялъ и почему-то прижалъ ее къ своей щекѣ.

— Ну что ты, ну что ты, — забормоталъ Митюшинъ и, какъ давеча, обратился къ спящей дамѣ: — Нашъ другъ уходитъ, Анна Никаноровна.

На этотъ разъ она шелохнулась, вздрогнула спросонья, тяжело-вато повернулась. У нея было полное мятое лицо съ раскосыми, черзчуръ подведенными {112} глазами. «Вы бы, господа, больше не пили», — спокойно сказала она и опять повернулась къ стѣнѣ.

Антонъ Петровичъ нашелъ на углу сонный таксомоторъ, который, какъ духъ, понесъ его черезъ пустыни свѣтающаго города и уснулъ у его двери. Въ передней онъ встрѣтилъ горничную Эльсбетъ: она, разинувъ ротъ, недобрыми глазами посмотрѣла на него, хотѣла что то сказать, но раздумала и, шлепая ночными туфлями, пошла по коридору.

— Пойдите, — сказалъ Антонъ Петровичъ. — Моя жена уѣхала?

— Это стыдъ, — внушительно проговорила горничная, — это сумасшедшій домъ. Тащить ночью сундуки, все перевернуть...

— Я васъ спрашиваю, уѣхала ли моя жена? — тонкимъ голосомъ закричалъ Антонъ Петровичъ.

— У́хала, — угрюмо отвѣтила Эльсбетъ.

Антонъ Петровичъ прошелъ въ гостиную. Онъ рѣшилъ спать тамъ. Въ спальнѣ, конечно, нельзя. Онъ зажегъ свѣтъ, легъ на кушетку и накрылся пальто. Почему-то было неуютно кисти лѣвой руки. Ахъ, конечно, часы. Онъ снялъ ихъ, завелъ, да еще при этомъ подумалъ: «удивительная вещь, этотъ человѣкъ сохраняетъ полное хладнокровіе. Онъ даже не забываетъ завести часы. Это хорошо». И сразу, такъ какъ онъ былъ еще пьянъ, огромныя ровныя волны закачали его, ухнуло, поднялось, ухнуло, поднялось и стало сильно тошнить. Онъ привсталъ... большая мѣдная пепельница... скорѣй... И такъ скинуло съ души, что въ паху закололо... и все мимо, мимо. Онъ заснулъ тотчасъ: одна нога въ сѣромъ гетрѣ свисала съ кушетки, и {113} свѣтъ (который онъ совсѣмъ забылъ выключить) блѣднымъ лоскомъ обливалъ его потный лобъ.

2.

Митюшинъ былъ скандалистъ и пьяница. Онъ чортъ знаетъ что могъ натворить — этакъ съ бухты-барахты. Безстрашный человѣкъ. И, помнится, рассказывали о какомъ то его пріятелѣ, что онъ, въ пику почтовому вѣдомству, бросалъ зажженныя спички въ почтовый ящикъ. И говорили, что у этого пріятеля прегнусная фамилія. Такъ что вполнѣ возможно, что это былъ Гнушке. А, собственно говоря, Антоны Петровичъ зашелъ къ Митюшину просто такъ, чтобы спокойно посидѣть, можетъ быть даже поспать у него, а то дома было слишкомъ тошно. И ни съ того, ни съ сего... Нѣтъ, конечно, Берга полагается убить, но сначала нужно было хорошенько все продумать, и, если выбирать секундантовъ, то ужъ во всякомъ случаѣ порядочныхъ людей. Въ общемъ вышло безобразіе. Все вышло безобразно. Начиная съ перчатки и кончая пепельницей. Но теперь, конечно, ничего не подѣлаешь, нужно эту чашу испить до дна...

Онъ пошарилъ подъ диваномъ, куда закатились часы. Одиннадцать. Митюшинъ и Гнушке уже побывали у Берга. Вдругъ какая-то пріятная мысль проскользнула среди другихъ, растолкала ихъ, пропала опять. Что это было? Ага, конечно! Вѣдь они были пьяны вчера, и онъ былъ пьянъ. Они, вѣроятно, проспали, а потомъ очухались, подумали: вздоръ, такъ спяну болталъ. Но пріятная мысль скользнула и исчезла. Все равно, дѣло начато, вчерашнее придется имъ повторить. {114} Странно все же, что они до сихъ поръ не показались. Дуэль. Здорово это звучитъ: дуэль. У меня дуэль. Я стрѣляюсь. Поединокъ. Дуэль. «Дуэль» — лучше. Онъ всталъ, замѣтилъ, что штаны страшно измяты. Пепельница была убрана. Очевидно, Эльсбетъ заходила, пока онъ спалъ.

Какъ это неловко. Нужно пойти посмотрѣть, что дѣлается въ спальнѣ. О женѣ онъ забылъ, онъ долженъ забыть. Жены нѣтъ. Жены никогда не было. Все это прошло. Антонъ Петровичъ глубоко вздохнулъ и открылъ дверь спальни. Въ углу стояла горничная и совала мятую газетную бумагу въ мусорную корзину.

— Принесите мнѣ, пожалуйста, кофе, — сказалъ онъ и подошелъ къ туалетному столу. На немъ лежалъ конвертъ: его имя, почеркъ Тани. Рядомъ валялись его щетка, гребенка, кисточка для бритья, безобразная жохлая перчатка. Антонъ Петровичъ вскрылъ конвертъ. Сто марокъ и больше ничего. Онъ повертѣлъ бумажку въ рукѣ, не зная, что съ ней дѣлать.

— Эльсбетъ...

Горничная подошла, подозрительно на него поглядывая.

— Вотъ, возьмите. Васъ такъ беспокоили ночью, и потомъ всякія другія непріятности... Возьмите же.

— Сто марокъ? — шепнула горничная и вдругъ побагровѣла. Богъ вѣсть, что пронеслось у нея въ головѣ, но она грохнула корзиной объ полъ и крикнула: — Нѣтъ! Меня подкупить нельзя, я честная. Подождите, я еще всѣмъ скажу, что вы хотѣли меня подкупить. Нѣтъ! Въ этомъ сумасшедшемъ домѣ... И она вышла, стукнувъ дверью. {115}

— Что съ ней? Господи, что съ ней? — растерянно залепеталъ Антонъ Петровичъ и, быстро шагнувъ къ двери, завопилъ горничной вслѣдъ: — Убирайтесь вонъ сію минуту, убирайтесь изъ дому!..

«Третьяго человѣка выгоняю», — подумалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. «И кофе теперь никто мнѣ не дастъ».

Затѣмъ онъ долго мылся, переодѣвался, долго сидѣлъ въ кафе напротивъ, посматривая въ окно, не идутъ ли Митюшинъ и Гнушке. Въ городѣ у него была уйма дѣлъ, но дѣлами онъ не могъ заниматься. Дуэль. Красивое слово.

Около четырехъ къ нему зашла Наташа, Танина сестра. Она едва могла говорить отъ волненья, и Антонъ Петровичъ похаживалъ туда-сюда и поглаживалъ мебель. Таня къ ней ночью пріѣхала въ страшномъ состояніи. Въ невообразимомъ состояніи. Антону Петровичу вдругъ показалось страннымъ, что онъ съ Наташей на ты. Вѣдь онъ больше теперь не женатъ на ея сестрѣ. «Я буду выдавать ей столько то и столько то», — говорилъ онъ, стараясь такъ, чтобы голосъ не срывался. «Дѣло не въ деньгахъ, — отвѣчала Наташа, сидя въ креслѣ и раскачивая ногою въ блестящемъ чулкѣ. — Дѣло въ томъ, что это все сплошной ужасъ. Это адъ какой то». «Спасибо, что зашла, какъ-нибудь еще поговоримъ, но сейчасъ я очень занятъ», — сказалъ Антонъ Петровичъ. Провожая ее до двери, онъ уронилъ (ему казалось, по крайней мѣрѣ, что

онъ «уронилъ»): «У меня съ нимъ дуэль». Наташины губы задрожали, она быстро поцѣловала его въ щеку и вышла. Странно, что она не стала его умолять не драться. Собственно говоря, она должна была бы умолять его не драться. Въ {116} наши дни никто не дерется. У нея тѣ же духи, какъ... У кого? Нѣтъ, нѣтъ, онъ никогда не былъ женатъ.

А черезъ нѣкоторое время, такъ около семи, явились Митюшинъ и Гнушке. Они были мрачны. Гнушке сдержанно поклонился и протянулъ запечатанный конвертъ конторскаго вида. Я получилъ твое глупѣйшее и грубѣйшее посланіе... У Антона Петровича выпалъ монокль, онъ вдавилъ его снова. Мнѣ тебя очень жаль, но разъ уже ты взялъ такой тонъ, то я не могу не принять вызова. Секунданты у тебя довольно дрянные. Бергъ.

У Антона Петровича появилась непріятная сухость во рту, — и опять эта дурацкая дрожь въ ногахъ...

— Ахъ, садитесь же, — сказалъ онъ, и самъ сѣлъ первый.

Гнушке утонулъ въ креслѣ, спохватился и сѣлъ на кончикъ.

— Онъ пренахальный господинъ, — съ чувствомъ проговорилъ Митюшинъ. — Представь себѣ, онъ все время смѣялся, такъ что я ему чуть не заѣхалъ въ зубы.

Гнушке кашлянулъ и сказалъ:

— Одно могу вамъ посовѣтовать: цѣльтесь хорошо, потому что онъ тоже будетъ хорошо цѣлиться.

Передъ глазами у Антона Петровича мелькнула страничка въ записной книжкѣ, исписанная крестиками, а еще кромѣ этого: картонная фигура, которая вырываетъ у другой картонной фигуры зубъ.

— Онъ опасная личность, — сказалъ Гнушке и откинулся въ креслѣ, и опять утонулъ, и опять сѣлъ на кончикъ. {117}

— Кто будетъ докладывать, Генрихъ, ты или я? — спросилъ Митюшинъ, жуя папиросу и большимъ пальцемъ держа колесико зажималки.

— Лучше ужъ ты, — сказалъ Гнушке.

— У насъ былъ очень оживленный день, — началъ Митюшинъ, тараша голубые свои глаза на Антона Петровича. — Ровно въ половину девятого мы съ Генрихомъ, который былъ еще вдрызгъ пьянъ...

— Я протестую, — сказалъ Гнушке.

— ...направились къ господину Бергу. Онъ попивалъ кофе. Мы ему — разъ! всучили твое письмо. Которое онъ прочелъ. И что онъ тутъ сдѣлалъ, Генрихъ? — Да, разсмѣялся. Мы подождали, пока онъ кончитъ ржать, и Генрихъ спросилъ, какіе у него планы.

— Нѣтъ, не планы, а какъ онъ намѣренъ реагировать, — поправилъ Гнушке.

— ...реагировать. На это господинъ Бергъ отвѣтилъ, что онъ согласенъ драться и что выбираетъ пистолетъ. Дальнѣйшія условія такія: двадцать шаговъ, никакого барьера, и просто стрѣляютъ по командѣ: разъ, два, три. Засимъ... Что еще, Генрихъ?

— Если нельзя достать дуэльныя пистолеты, то стрѣляютъ изъ браунинговъ, — сказалъ Гнушке.

— Изъ браунинговъ. Выяснивъ это, мы спросили у господина Берга, какъ снестись съ его секундантами. Онъ вышелъ телефонировать. Потомъ написалъ вотъ это письмо. Между прочимъ, онъ все время острилъ. Далѣе было вотъ что: мы пошли въ кафе встрѣтиться съ его господами. Я купилъ Гнушке гвоздику въ петлицу. По гвоздикѣ они и узнали насъ. Представились, {118} ну, однимъ словомъ, все честь честью. Зовутъ ихъ Малининъ и Буренинъ.

— Не совѣмъ точно, — вставилъ Гнушке. — Буренинъ и полковникъ Магеровскій.

— Это неважно, — сказалъ Митюшинъ и продолжалъ. — Тутъ начинается эпопея. Съ этими господами мы поѣхали за городъ отыскивать мѣсто. Знаешь Вайсдорфъ — это за Ваннзе. Ну вотъ. Мы тамъ погуляли по лѣсу и нашли прогалину, гдѣ, оказывается, эти господа со своими дамами устраивали на дняхъ пикничокъ. Прогалина небольшая, кругомъ лѣсъ да лѣсъ. Словомъ, мѣсто идеальное. Видишь, какіе у меня сапоги, — совѣмъ бѣлые отъ пыли.

— У меня тоже, — сказалъ Гнушке. — Вообще прогулка была утомительная.

— Сегодня жарко, — сказалъ Митюшинъ. — Еще жарче, чѣмъ вчера.

— Значительно жарче, — сказалъ Гнушке.

Митюшинъ съ чрезмѣрной тщательностью сталъ давить папиросу въ пепельницѣ. Молчаніе. У Антона Петровича сердце билось въ пищеводѣ. Онъ попробовалъ его проглотить, но оно застучало еще сильнѣе. Когда же дуэль? Завтра? Почему они не говорятъ? Можетъ быть, послѣзавтра? Лучше было бы послезавтра...

Митюшинъ и Гнушке переглянулись и встали.

— Завтра въ половину седьмого мы будемъ у тебя, — сказалъ Митюшинъ. — Раньше ѣхать незачѣмъ. Все равно тамъ ни пса нѣтъ.

Антонъ Петровичъ тоже всталъ. Что сдѣлать? Поблагодарить? {119}

— Ну вотъ, спасибо, господа... Спасибо, господа... Значить все устроено. Значить, такъ.

Тѣ поклонились. «Мы еще должны найти доктора и пистолеты», — сказалъ Гнушке. Въ передней Антонъ Петровичъ взялъ Митюшина за

локоть и пробормоталъ: «Ужасно, знаешь, глупо, — но дѣло въ томъ, что я, такъ сказать, не умѣю стрѣлять. То есть умѣю, но очень плохо...»

Митюшинъ хмыкнулъ. «Н-да. Не повезло. Сегодня воскресенье, а то можно было бы тебѣ взять урокъ. Не повезло».

— Полковникъ Магеровскій даетъ частные уроки стрѣльбы, — вставилъ Гнушке.

— Да, — сказалъ Митюшинъ, — ты у меня умный. Но все-таки, какъ же намъ быть, Антонъ Петровичъ? Знаешь что, — новичкамъ везетъ. Положись на Господа Бога и ахни.

Они ушли. Вечерѣло. Никто не спустилъ шторъ. Въ буфетѣ есть, кажется, сыръ и грахамскій хлѣбъ. Пусто въ комнатахъ и неподвижно, какъ будто было время, что вся мебель дышала, двигалась, — а теперь замерла. Картонный зубной врачъ съ хищнымъ лицомъ склонялся надъ обезумѣвшимъ пациентомъ: это было такъ недавно, въ синій, разноцвѣтный фейерверочный вечеръ, въ Луна-паркѣ. Бергъ долго цѣлился, хлопало духовое ружье, и пулька, попавъ въ цѣль, освобождала пружину, и картонный дантистъ выдергивалъ огромный зубъ о четырехъ корняхъ. Таня била въ ладоши, Антонъ Петровичъ улыбался, и Бергъ стрѣлялъ снова, и съ трескомъ вращались картонные диски, разлетались на осколки трубки, исчезалъ шарикъ, плясавшій на {120} тонкой струѣ фонтана. Ужасно... И ужаснѣй всего, что Таня тогда сказала такъ, въ шутку: «А съ вами неприятно было бы драться на дуэли». Эта дуэль будетъ безъ барьера. Антонъ Петровичъ твердо былъ убѣжденъ, что барьеръ это ограда, — изъ досокъ, что-ли, — стоя за которой, палить дуэлянтъ. А теперь барьера не будетъ, — никакой защиты. Двадцать шаговъ. Антонъ Петровичъ, считая шаги, прошелъ отъ двери до окна. Одиннадцать. Онъ вставилъ монокль, прикинулъ на глазъ разстояніе: двѣ такія, совсѣмъ небольшія комнаты. Ахъ, если бъ удалось сразу пальнуть, сразу повалить Берга. Но онъ же не умѣетъ цѣлиться. Промахъ неизбеженъ. Вотъ, скажемъ, разрѣзательный ножъ. Или нѣтъ, возьмемъ лучше это пресс-папье. Нужно его держать такъ и цѣлиться. А, можетъ быть, такъ, у самага лица, этакъ какъ будто лучше видно. И въ это мгновенье, держа передъ собой преспапье, изображавшее попугая, и поводя имъ туда-сюда, въ это мгновенье Антонъ Петровичъ понялъ, что будетъ убитъ.

Около десяти онъ рѣшилъ лечь. Но спальня была табу. Съ большимъ трудомъ онъ отыскалъ въ комодѣ чистое постельное бѣлье, переодѣлъ подушку, обтянулъ простыней кожаную кушетку въ гостиной. Раздѣваясь, онъ подумалъ: «Я въ послѣдній разъ въ жизни ложусь спать». «Пустяки!» — слабо пискнула какая то маленькая часть души Антона Петровича, та часть его души, которая заставила его бросить

перчатку, хлопнуть дверью, назвать Берга подлецомъ. «Пустяки! — тонкимъ голосомъ сказалъ Антонъ Петровичъ и спохватился: не хорошо такъ говорить. Если я буду думать, что со мной ничего не случится, то со мной случится самое худшее. Все въ жизни всегда случается наоборотъ. {121} Хорошо бы что-нибудь на ночь почитать, — въ послѣдній разъ.

«Вотъ опять, — застоналъ онъ мысленно. — Почему послѣдній разъ? Я въ ужасномъ состояніи. Нужно взять себя въ руки. Ахъ, если бь какія-нибудь были примѣты. Карты».

На столикѣ рядомъ съ кушеткой лежала колода картъ, Антонъ Петровичъ взялъ верхнюю: тройка бубенъ. Что значить тройка бубенъ? Неизвѣстно. Дальше онъ вытащилъ по порядку: даму бубенъ, восьмерку трефъ, тузъ пикъ. А! Вотъ это нехорошо. Тузъ пикъ это — кажется — смерть. Но, впрочемъ, глупости, суевѣрныя глупости... Полночь. Пять минутъ перваго. Завтра стало сегодня. У меня сегодня дуэль.

Онъ вновь и вновь пробовалъ успокоиться. Но происходили странныя вещи: книга, которую онъ держалъ, называлась «волшебная гора», а гора по-нѣмецки — Бергъ; онъ рѣшилъ, что если досчитаетъ до трехъ, и на три пройдетъ трамвай, онъ будетъ убитъ, — и такъ оно и случилось: прошелъ трамвай. И тогда Антонъ Петровичъ сдѣлалъ самое скверное, что могъ сдѣлать человѣкъ въ его положеніи: онъ рѣшилъ уяснить себѣ, что такое смерть. Спустя минуту такого раздумья все потеряло смыслъ. Ему стало трудно дышать. Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, поглядѣлъ въ окно на чистое, страшное ночное небо. «Надо завѣщанье написать», — подумалъ Антонъ Петровичъ. Но писать завѣщанье было, такъ сказать, играть съ огнемъ; это значило мысленно похоронить себя. «Лучше всего выспаться», — сказалъ онъ вслухъ. Но какъ только онъ опускалъ вѣки, передъ нимъ являлось злое, веселое лицо Берга и щурило одинъ глазъ. Тогда онъ опять зажигалъ {122} свѣтъ, пытался читать, курилъ, хотя курильщикомъ не былъ. Мгновеніями онъ вспоминалъ мелочь изъ прошлой жизни, — дѣтскій пистолетикъ, тропинку въ паркѣ или что-нибудь такое, — и сразу пресѣкалъ свои воспоминанія, подумавъ: умирающіе всегда вспоминаютъ мелочи прошлой жизни. Этого не нужно дѣлать. И тогда обратное пугало его: онъ замѣчалъ, что о Танѣ не думалъ, что онъ какъ бы охлажденъ наркотикомъ, нечувствителенъ къ ея отсутствію. И сама собой являлась мысль: я безсознательно уже простился съ жизнью, мнѣ теперь все безразлично, разъ я буду убитъ... И ночь уже шла на убыль.

Около четырехъ онъ прошаркалъ въ столовую и выпилъ стаканъ сельтерской воды. Проходя мимо зеркала, онъ поглядѣлъ на свою полосатую пиджаму, на жидкіе, растрепанные волосы. «У меня будетъ безоб-

разный видъ, стыдно... — подумалъ онъ. — Но какъ выспаться, какъ выспаться?»

Онъ завернулся въ пледъ, такъ какъ замѣтилъ, что у него говорятъ зубы, и сѣлъ въ кресло посреди смутной, медленно блѣднѣвшей комнаты. Какъ это все будетъ? Нужно надѣть что-нибудь строгое, но элегантное. Можетъ быть, смокингъ? Нѣтъ, это глупо. Тогда — черный костюмъ... и, пожалуй, черный галстухъ. Черный костюмъ, совсѣмъ новый. Но если будетъ рана, — скажемъ, рана въ плечо. Костюмъ будетъ испорченъ... Кровь, дырка, будутъ еще рѣзать рукавъ. Пустяки, ничего не будетъ. Надо надѣть новый черный костюмъ. И, когда начнется дуэль, онъ подниметъ воротникъ пиджака, такъ, кажется, полагается, — чтобы не блѣла рубашка, что-ли, или просто потому, что по утрамъ сыро. Такъ было въ одномъ {123} фильмѣ. Затѣмъ нужно будетъ сохранять полное хладнокровіе, говорить со всѣми вѣжливо и спокойно. Спасибо, я уже стрѣлялъ. Теперь ваша очередь. Если вы не вынете папиросу изо рта, то я стрѣлять не стану. Я готовъ продолжать. Спасибо, я уже стрѣлялъ. «Спасибо, я уже смѣялся», — анекдотъ какой-то. Чепуха, не то. Значитъ, все-таки, какъ же будетъ? Они приѣдутъ — онъ, Митюшинъ и Гнушке, — на автомобилѣ, оставятъ автомобиль на шоссе, пройдутъ въ лѣсъ. Тамъ уже, вѣроятно, будетъ ждать Бергъ и его секунданты. Вотъ тутъ неизвѣстно, — нужно ли поклониться или нѣтъ. Можетъ быть, хорошо выйдетъ, если такъ, издали, сдержанно, приподнять шляпу. Потомъ, вѣроятно, будутъ мѣрить шаги и заряжать пистолеты, — какъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Что онъ будетъ дѣлать тѣмъ временемъ? Да, конечно, онъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ поставитъ ногу на пень и будетъ такъ — непринужденно — ждать. Но что — если Бергъ станетъ тоже такъ — ногой на пень? Бергъ на это способенъ... Передразнить его. И выйдетъ опять безобразіе. Еще можно прислониться къ стволу или просто на траву сѣсть. Ну, тамъ видно будетъ. Что-нибудь достойное и небрежное. Теперь дальше: они оба станутъ на отмѣченныя мѣста. Тутъ то онъ подниметъ воротникъ. Пистолетъ возьметъ такъ. Секунданты начнутъ считать. И тогда вдругъ произойдетъ самое страшное, самое дикое, то, что представить себѣ нельзя, — хоть думай объ этомъ ночи напролетъ, хоть живи до ста лѣтъ... Какое это чувство, когда пуля попадаетъ въ сердце или въ лобъ? Боль? Тошнота? Или просто — бацъ? — и полная тьма! А что, если какая-нибудь отвратительная рана, — въ глазъ, въ животъ? {124} Нѣтъ, Бергъ убьетъ его наповалъ. Тутъ, конечно, сосчитаны только тѣ, которыхъ я билъ наповалъ. Еще одинъ крестикъ въ записной книжкѣ. Немыслимо...

Въ столовой часы прозвонили пять разъ. Антонъ Петровичъ съ огромнымъ трудомъ, дрожа и кутаясь въ клѣтчатый пледъ, поднялся —

и опять задумался, и вдругъ топнулъ ногой, какъ топнулъ Людовикъ, когда сказали ему, что пора ѣхать на эшафотъ. Ничего не подѣлаешь. Казнь неизбѣжна. Нужно пойти мыться, одѣваться. Чистое бѣлье и новый черный костюмъ. И, вставляя запонки въ манжеты рубашки, Антонъ Петровичъ подумалъ, что вотъ, черезъ два-три часа, эта рубашка будетъ вся въ крови, и вотъ тутъ будетъ дырка. Онъ погладилъ себя по блестящимъ волосамъ, которые спускались тропинкой по теплой груди, и стало такъ страшно, что онъ прикрылъ ладонью глаза. Съ какой то трогательной самостоятельностью все сейчасъ въ немъ движется: пульсируетъ сердце, надуваются легкія, бѣжитъ кровь, сокращаются кишки, — и это внутреннее, мягкое, беззащитное существо, живущее такъ слѣпо, такъ довѣрчиво, это нѣжное анатомическое существо онъ ведетъ на убой... На убой! Онъ крикнулъ, влѣзая въ холодную, бѣлую темноту рубашки, — и потомъ уже старался не думать ни о чемъ, выбиралъ носки, галстухъ, замшевымъ лоскуткомъ неловко чистилъ башмаки. Ища чистый платокъ, онъ набрелъ на палочку румянъ. И, взглянувъ въ зеркало, на свое ужасное, блѣдное лицо, онъ осторожно повелъ липкой этой палочкой по щекѣ. Вышло сперва еще гаже. Онъ лизнулъ палецъ, потеръ щеку, пожалѣлъ, что никогда не посмотрѣлъ хорошенько, какъ мажутся дамы. На {125} щекахъ появился легкій кирпичный налетъ, — ему показалось, что такъ хорошо... «Ну вотъ, я и готовъ», — сказалъ онъ, обращаясь къ зеркалу, и мучительно зѣвнулъ: зеркало залилось слезами. Быстро двигая руками, онъ надушился, разложилъ по карманамъ бумаги, платокъ, ключи, самопишущее перо, нацѣпилъ монокль. Жалко, что нѣтъ хорошихъ перчатокъ. Такая была новенькая пара, но лѣвая овдовѣла. Онъ сѣлъ въ гостиной, передъ письменнымъ столомъ, положилъ локти на столъ и сталъ ждать, глядя то въ окно, то на часы въ складной кожаной рамѣ.

А утро было чудесное. Въ высокой липѣ, подъ окномъ, бѣсновались воробьи. Голубая бархатная тѣнь сплошь покрывала улицу, а крыши тамъ и сямъ загорались серебромъ. Антону Петровичу было холодно, и невыносимо болѣла голова. Хорошо бы хватить коньяку. Коньяку въ домѣ нѣтъ. Домъ уже нежилой, хозяинъ уѣзжаетъ навѣки. Ахъ, пустяки. Мы требуемъ спокойствія. Сейчасъ раздастся съ парадной звонокъ. Нужно быть совершенно спокойнымъ. Вотъ-вотъ — сейчасъ грянетъ звонокъ. Они уже опоздали на три минуты. Можетъ быть, не придутъ? Такое дивное лѣтнее утро... Да, они не придутъ. Это хорошо. Онъ подождетъ еще полчаса, а потомъ завалится спать. Антонъ Петровичъ широко разинулъ ротъ, приготовился выдавить цѣльный комъ зѣвоты, — хрустнуло въ ушахъ, вздулось подъ нѣбомъ, — и въ этотъ мигъ загремѣлъ звонокъ. И судорожно проглотивъ недовершенный

звѣнокъ, Антонъ Петровичъ прошелъ въ переднюю, отперъ дверь, и Митюшинъ и Гнушке переступили порогъ.

— Пора ѣхать, — сказалъ Митюшинъ, глядя въ {126} упоръ на Антона Петровича. Онъ былъ въ своемъ всегдашнемъ фисташковаго цвѣта костюмѣ, а Гнушке надѣлъ сюртукъ.

— Да, я готовъ, — сказалъ Антонъ Петровичъ, — я сейчасъ...

Онъ оставилъ ихъ стоять въ передней, метнулся въ спальню и, чтобы выиграть время, сталъ мыть руки, и все повторялъ про себя: «Что же это такое, Боже мой, что же это такое?» Еще только пять минутъ тому назадъ была надежда, что случится землетрясеніе, что Бергъ умретъ отъ разрыва сердца, что судьба вмѣшается, приостановитъ, спасетъ.

— Антонъ Петровичъ, поторопись, — позвалъ Митюшинъ изъ передней. Онъ быстро вытеръ руки и вышелъ къ нимъ.

— Да-да, я готовъ, идемте.

— Намъ придется поѣздомъ ѣхать, — сказалъ Митюшинъ, когда они вышли на улицу. — А то прикатимъ на такси въ глухой лѣсъ, да еще въ такую рань, — можетъ показаться подозрительнымъ, шоферъ донесетъ. Антонъ Петровичъ, пожалуйста, не трусь.

— Я не трушу, какіе пустяки, — отвѣтилъ Антонъ Петровичъ и безпомощно улыбнулся.

Гнушке, который до тѣхъ поръ все молчалъ, шумно высморкался и дѣловито проговорилъ:

— Доктора привезетъ нашъ противникъ. А дуэльныхъ пистолетовъ мы не нашли. Зато достали два одинаковыхъ браунинга.

Въ таксомоторѣ, который долженъ былъ ихъ везти на вокзалъ, они сѣли такъ: Антонъ Петровичъ и Митюшинъ сзади, Гнушке спереди на стульчикѣ, поджавъ {127} ноги. Антона Петровича одолѣла нервная звѣота. Ему, вѣроятно, мстилъ тотъ звѣнокъ, который былъ имъ проглоченъ. Вотъ опять — до слезъ. Митюшинъ и Гнушке были очень серьезны, но вмѣстѣ съ тѣмъ казались чрезвычайно довольны собой.

— А я превосходно выпался, — вдругъ сказалъ Антонъ Петровичъ, сжавъ зубы и звѣнувъ только ноздрями. Онъ подумалъ, чтобы еще сказать, — что-нибудь непринужденное, небрежное...

— На улицахъ уже много народу, — сказалъ онъ и добавилъ: — Хотя еще такъ рано. Митюшинъ и Гнушке молчали. Опять звѣота. Господи...

На вокзалъ они прикатили скоро, Антону Петровичу показалось, что никогда онъ такъ скоро не ѣздилъ. Гнушке взялъ билеты и, держа ихъ вѣромъ, пошелъ впередъ. Вдругъ онъ оглянулся на Митюшина и значительно кашлянулъ. У будки, гдѣ продаются папиросы и пиво, сто-

яль Бергъ. Онъ доставалъ мелочь изъ кармана штановъ, лѣвую руку глубоко запустивъ въ карманъ, а правой рукой карманъ придерживая, какъ это дѣлають англичане. Онъ выбралъ монету на ладони и, передавая ее продавщицѣ, сказалъ что-то, отъ чего та засмѣялась. Бергъ засмѣялся тоже. Онъ стоялъ, слегка разставя ноги, покачиваясь съ каблучковъ на носки. Онъ былъ въ сѣромъ фланелевомъ костюмѣ.

— Пройдемъ такъ, — сказалъ Митюшинъ, — а то неловко проходить рядомъ.

Какое-то оцѣпенѣніе нашло на Антона Петровича. Ничего не сознавая, онъ влѣзъ въ вагонъ, сѣлъ у окна, снялъ шляпу, надѣлъ ее опять. Только когда поѣздъ дернулъ и двинулся, онъ пришелъ въ себя, — и въ это мгновеніе его охватило то чувство, какое бываетъ во {128} снѣ, когда, летя въ поѣздѣ легкаго кошмара, вдругъ замѣчаешь, что уфхалъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

— Они сѣли въ слѣдующій вагонъ, — сказалъ Митюшинъ и вынулъ портсигаръ. — Да что это ты все зѣваешь, Антонъ Петровичъ? Прямо жутко смотрѣть.

— Это я всегда по утрамъ, — машинально отвѣтилъ Антонъ Петровичъ.

Сосны, сосны, сосны. Песчаный склонъ. Опять сосны. Такое дивное утро...

— Тебѣ сюртукъ не идетъ, Генрихъ, — опять заговорилъ Митюшинъ. — Прямо скажу: не идетъ.

— Это мое дѣло, — сказалъ Гнушке.

Прелестныя сосны. А вотъ сверкнула вода. Опять лѣсъ. Какая жалость, какая слабость... Только бы опять не зѣвнуть, ноютъ челюсти. Если удерживаться, выступаютъ слезы. Онъ сидѣлъ, повернувшись лицомъ къ окну, и слушалъ, какъ колеса выстукиваютъ: на у-бой, на у-бой, на у-бой...

— Совѣтую вамъ вотъ что, — вдругъ обратился къ нему Гнушке. — Стрѣляйте сразу. Цѣлиться я вамъ совѣтую въ центръ его фигуры — больше шансовъ.

— Все дѣло въ счастіи, — сказалъ Митюшинъ. — Попадаешь — хорошо, не попадешь — ничего, онъ тоже можетъ промахнуться. Настоящая дуэль, собственно говоря, начинается послѣ перваго обмѣна. Тутъ уже, такъ сказать, начинается самый интересъ.

Станція. Опять тронулись. Почему они его такъ мучать? Сегодня невысказано умереть. Совершенно невысказано. Что, если упасть въ обморокъ? Нужно быть хорошимъ актеромъ... Что предпринять? Что дѣлать? Такое дивное утро... {129}

— Антонъ Петровичъ, прости, что я спрашиваю, — сказалъ Митюшинъ, — но это важно. У тебя ничего нѣтъ намъ передать? Въ смыслѣ бумагъ? Письма, что-ли, завѣщанія? Это всегда такъ дѣлается.

Антонъ Петровичъ покачалъ головой.

— Напрасно, — сказалъ Митюшинъ. — Мало-ли, что можетъ быть. Вотъ мы съ Генрихомъ уже приготовились къ тому, чтобы пожить въ тюрьмѣ. Дѣла у тебя въ порядкѣ?

Антонъ Петровичъ кивнулъ. Онъ говорить больше не могъ. Единственный способъ удержаться отъ крика было смотрѣть на мелькающія сосны.

— Намъ сейчасъ вылѣзть, — сказалъ Гнушке, и всталъ. Митюшинъ всталъ тоже. Антонъ Петровичъ, стиснувъ зубы, наполовину поднялся, но отъ толчка поѣзда снова присѣлъ.

— Выходить, — сказалъ Митюшинъ и повернулъ рукоятку двери.

Только тогда Антону Петровичу удалось отдѣлиться отъ лавки. Вдавивъ въ глазницу монокль, онъ осторожно сошелъ на платформу. Солнце, теплынь...

— Они идутъ сзади, — сказалъ Гнушке. Антонъ Петровичъ слегка согнулся, какъ будто что-то ему напирало въ спину. Нѣтъ, это невысказано, надо проснуться.

Оставивъ вокзалъ, они пошли по шоссе мимо крохотныхъ кирпичныхъ домовъ съ петуньями въ окнахъ. На углу шоссе и мягкой бѣлой дороги, уходящей въ лѣсъ, былъ трактиръ. Антонъ Петровичъ вдругъ остановился.

— Ужасно пить хочется, — сказалъ онъ глухо. — Я бы чего-нибудь такого выпилъ. {130}

— Да, не мѣшаетъ, — протянулъ Митюшинъ. Гнушке оглянулся и сказалъ:

— Они уже свернули въ лѣсъ.

— Успѣемъ, — сказалъ Митюшинъ.

Втроемъ они вошли въ трактиръ. Тучная женщина тряпкой вытирала стойку. Она хмуро поглядѣла на нихъ и налила имъ три кружки пива.

Антонъ Петровичъ глотнулъ, какъ бы немножко задохнулся и сказалъ:

— Подождите минуточку. Я сейчасъ.

— Только поторопись, — сказалъ Митюшинъ, ставя кружку обратно на стойку.

Антонъ Петровичъ прошелъ въ коридоръ, куда мѣтила стрѣлка, быстро прошелъ мимо уборной, мимо кухни, вздрогнулъ отъ того, что кошка шмыгнула подъ ногами, ускорилъ шагъ, дошелъ до конца кори-

дора, толкнулъ дверь, и въ лицо брызнуло солнце. Онъ оказался въ зеленомъ дворикѣ, гдѣ прогуливались куры, и сидѣлъ на полѣнѣ мальчикъ въ полиняломъ купальномъ костюмѣ. Антонъ Петровичъ быстро махнулъ мимо него, мимо кустовъ бузины, сбѣжалъ по какимъ-то деревяннымъ ступенямъ, опять попалъ въ кусты и вдругъ поскользнулся, такъ какъ почва шла подъ уклонъ. Кусты хлестали по лицу, онъ неловко раздвигалъ ихъ, нырять, скользиль, — склонъ, густо заросшій бузиной, спускался все круче. Наконецъ стремленіе его стало неудержимо. Онъ събѣжалъ внизъ на напряженныхъ, растопыренныхъ ногахъ, отбиваясь отъ гибкихъ вѣтокъ. Потомъ онъ на полномъ ходу обнялъ неожиданный стволъ дерева и сталъ продвигаться наискось. Кусты порѣдѣли. Впереди высокій заборъ. Въ заборѣ онъ сразу нашелъ лазейку, прошуршалъ {131} сквозь крапиву и оказался въ сосновой рощѣ, гдѣ между стволами развѣшено было пестрое отъ тѣней бѣлье, и стояли какія-то досчатые строенія. Все такъ же рѣшительно онъ прошелъ рощу и опять замѣтилъ, что скользитъ внизъ по склону. Впереди между деревьевъ засіяла вода. Онъ споткнулся, чуть не упалъ, увидѣлъ справа тропинку и перешелъ на нее. Тропинка привела его къ озеру.

Загорѣлый, цвѣта копченой камбалы, старикъ рыболовъ въ соломенной шляпѣ указалъ ему дорогу на станцію Ваннзе. Дорога шла сперва вдоль озера, потомъ свернула въ лѣсъ, и около двухъ часовъ онъ плуталъ въ лѣсу, пока наконецъ не вышелъ на полотно. Онъ добрелъ до ближайшей станціи, и въ это мгновеніе подошелъ поѣздъ. Съ опаской онъ влѣзъ въ вагонъ, втиснулся между двухъ пассажировъ, которые не безъ удивленія взглянули на этого страннаго, не то подкрашеннаго, не то запыленнаго человѣка, теребящего ленту монокля.

И только въ Берлинѣ, на площади, онъ остановился: по крайней мѣрѣ у него было такое чувство, точно онъ до сихъ поръ непрерывно бѣжалъ и вотъ только сейчасъ остановился, передохнулъ, оглядѣлся. Рядомъ старая цвѣточница съ огромной шерстяной грудью продавала гвоздики. Человѣкъ въ панцырѣ изъ газетъ выкрикивалъ названіе берлинскаго листка. Чистильщикъ сапогъ подобострастно посмотрѣлъ на Антона Петровича. И облегченно вздохнувъ, Антонъ Петровичъ твердо опустилъ ногу на подставку, и чистильщикъ сразу сталъ быстро-быстро работать локтями.

«Все, конечно, ужасно, — думалъ онъ, глядя, какъ постепенно разгорается носокъ башмака. — Но я живъ, {132} а это пока главное». Митюшинъ и Гнушке, вѣроятно, сторожатъ у дома, такъ что нужно переждать. Съ ними нельзя встрѣтиться ни въ какомъ случаѣ. Ночью онъ пойдетъ за вещами. Нужно будетъ въ эту же ночь покинуть Берлинъ. Онъ еще обдумаетъ, какъ это сдѣлать...

— Здравствуйте, Антонъ Петровичъ, — раздался мягкій голосъ надъ самымъ его ухомъ.

Онъ такъ вздрогнулъ, что нога соскользнула съ подставки. Нѣтъ, ничего, ложная тревога. Это былъ нѣкій Леонтьевъ, человѣкъ, котораго онъ встрѣчалъ раза три-четыре, журналистъ, кажется, или что-то вродѣ этого. Болтливый, но безобидный человѣкъ. Говорятъ, что ему жена измѣняетъ съ кѣмъ попало.

— Гуляете? — спросилъ Леонтьевъ, меланхолично пожимая ему руку.

— Да. Нѣтъ, у меня всякія дѣла, — отвѣтилъ Антонъ Петровичъ и подумалъ: если онъ сейчасъ не поклонится и не уйдетъ, это будетъ безобразно.

Леонтьевъ посмотрѣлъ въ одну сторону, потомъ въ другую и сказалъ, просіявъ, словно сдѣлалъ счастливое открытіе:

— Прекрасная погода!

Вообще же онъ былъ пессимистъ и, какъ всякій пессимистъ, человѣкъ до смѣшного не наблюдательный. Лицо у него было плохо выбритое, желтоватое, длинное, и весь онъ былъ какой-то неладный, тощій и унылый, словно у природы ныли зубы, когда она создавала его.

Чистильщикъ съ молодецкимъ стукомъ сложилъ щетки. Антонъ Петровичъ посмотрѣлъ на повеселѣвшіе свои башмаки.

— Вамъ въ какую сторону? — спросилъ Леонтьевъ.

— А вамъ? — спросилъ Антонъ Петровичъ. {133}

— Да мнѣ все равно. Я сейчасъ свободенъ. Могу васъ немного проводить, — онъ кашлянулъ и вкрадчиво добавилъ: — конечно, если вы разрѣшите.

— Ну, что вы, пожалуйста, — пробурчалъ Антонъ Петровичъ. Прилипъ. Нужно пойти по какимъ-нибудь другимъ улицамъ. А то наберутся еще знакомые. Только не встрѣтите тѣхъ двоихъ. Ради Бога.

— Ну, какъ вы живете? — спросилъ Леонтьевъ. Онъ былъ изъ породы тѣхъ людей, которые спрашиваютъ, какъ вы живете, только для того, чтобы обстоятельно рассказать, какъ они сами живутъ.

— Х-мъ... Такъ... Ничего, — невнятно отвѣтилъ Антонъ Петровичъ. А потомъ онъ, конечно, все узнаетъ. Господи, какая ерунда. — Мнѣ направо, — сказалъ онъ вслухъ и рѣзко повернулъ.

Леонтьевъ, грустно улыбаясь своимъ мыслямъ, длинными ногами въѣхалъ въ него и легко откачнулся. «Направо, такъ направо, мнѣ все равно».

— Что дѣлать? — подумалъ Антонъ Петровичъ. — Не могу же я съ нимъ просто такъ гулять. Нужно такъ много обдумать, рѣшить... И я страшно усталъ, мозоли болятъ.

А Леонтьевъ уже рассказывалъ. Онъ рассказывалъ пространно. Онъ рассказывалъ о томъ, сколько онъ платитъ за комнату, какъ трудно платить, какъ трудно вообще жить, какъ рѣдко бываетъ, что попадается хорошая квартирная хозяйка, что у нихъ хозяйка такъ себѣ.

— Моя жена, Анна Никаноровна, съ ней не ладитъ, — рассказывалъ Леонтьевъ и вкрадчиво усмѣхался.

Они шли по совершенно незнакомой улицѣ, гдѣ двое потныхъ рабочихъ, одинъ съ татуированной {134} грудью, чинили мостовую. Антонъ Петровичъ вытеръ платкомъ лобъ и сказалъ:

— У меня тутъ по близости есть дѣло. Меня ждутъ. Дѣловое свиданье.

— Да я васъ провожу, — грустно улыбнулся Леонтьевъ.

Антонъ Петровичъ окинулъ улицу отчаяннымъ взглядомъ. Вывѣска: отель. Убогій отель. Домъ черноватый, плоскій.

— Мнѣ сюда, — сказалъ Антонъ Петровичъ. — Да, въ эту гостиницу. Дѣловое свиданье.

Леонтьевъ снялъ рваную перчатку, мягко пожалъ ему руку. «А знаете что, — я васъ, пожалуй, немного подожду. Вы вѣдь будете недолго?»

— Нѣтъ, долго, — сказалъ Антонъ Петровичъ.

— Жаль. А то мнѣ хотѣлось кое о чемъ съ вами потолковать, совѣта у васъ попросить. Ну, всего хорошаго. Я на всякій случай еще послоняюсь тутъ. Можетъ быть, вы освободитесь раньше.

Антонъ Петровичъ вошелъ въ отель. Ничего не подѣлаешь. Было пусто и темновато. Изъ-за какого-то прилавка выросла взѣрошенная личность и спросила, что ему нужно. «Комнату», — тихо сказалъ Антонъ Петровичъ. Личность задумалась, почесала себя за ухомъ и потребовала задатокъ. Антонъ Петровичъ далъ десять марокъ. Рыжая горничная, быстро виляя задомъ, провела его по длинному коридору, отперла дверь. Онъ вошелъ, глубоко вздохнулъ и сѣлъ въ низкое плюшевое кресло. Онъ былъ одинъ. Мебель, постель, умывальникъ проснулись, посмотрѣли на него исподлобья и задремали опять. Въ этомъ сонномъ, ничѣмъ {135} непримѣтномъ номерѣ Антонъ Петровичъ былъ, наконецъ, одинъ.

И, сгорбившись, прикрывъ ладонью глаза, онъ задумался, и передъ нимъ поскакало что-то зеленое, желтое, мальчишка на полѣнѣ, рыбовловъ, Леонтьевъ, Бергъ, Таня. И подумавъ о Танѣ, онъ застоналъ и сгорбился еще напряженнѣе. Ея голосъ, ея милый голосъ. Быстроглазая, легкая, прыгала на диванъ и сразу поджимала ноги, и юбка кругомъ вздымалась шелковымъ куполомъ и спадала опять. А не то сидѣла у стола, такъ неподвижно, только изрѣдка мигала, и, поднявъ лицо,

выпускала папиросный дымъ. Безсмысленно... Зачѣмъ ты врала? Вѣдь ты врала. Что я буду безъ тебя дѣлать? Танька!.. Понимаешь, — ты врала. Моя радость, — ну почему? Почему? Танька!

И, постанывая и хрустя пальцами, онъ зашагалъ по номеру, стукаясь о мебель, не замѣчая, что стучается. Случайно онъ остановился у окна, взглянулъ на улицу. Сперва улицы не было видно изъ-за тумана въ глазахъ, но туманъ разсѣялся. Появилась улица, какой-то фургонъ, велосипедистъ, старушка, осторожно покидающая тротуаръ. И по тротуару медленно брель Леонтьевъ, читая на ходу газету; прошелъ, свернулъ за уголъ. И почему то при видѣ Леонтьева Антонъ Петровичъ осозналъ всю безнадежность — да, именно, безнадежность, другого слова нѣтъ, — всю безнадежность своего положенія. Еще вчера онъ былъ совершенно порядочнымъ человѣкомъ, уважаемъ друзьями, знакомыми, сослуживцами. Служба! Какая тамъ служба! Теперь все измѣнилось: онъ сбѣжалъ по скользкому склону — и теперь онъ внизу.

— Но какъ же такъ? Нужно на что-то рѣшиться, — {136} тонкимъ голосомъ сказалъ Антонъ Петровичъ. Можетъ быть, есть какой-нибудь выходъ? Помучили его и довольно. Да, нужно рѣшиться. Подозрительный взглядъ взѣрошенной личности. Что сказать ей? Ну да, ясно: я иду за вещами, онѣ остались на вокзалѣ. Такъ. Съ этой гостиницей онъ рассчитался навѣки. Улица, слава Богу, свободна, — Леонтьевъ подождалъ и ушелъ. Какъ мнѣ пройти на ближайшую остановку трамвая? Ахъ, идите прямо, и вы дойдете до ближайшей остановки трамвая. Нѣтъ, лучше автомобиль. Поѣхали. Улицы становятся опять знакомыми. Спокойно, совсѣмъ спокойно онъ вылезъ изъ автомобиля. Онъ — дома. Пять этажей. Спокойно, совсѣмъ спокойно онъ вошелъ въ переднюю. Но все-таки страшно. Онъ быстро открылъ дверь въ гостиную. Ахъ, какое удивленіе!

Въ гостиной, у круглаго стола, сидятъ Митюшинъ, Гнушке... Таня. На столѣ — бутылки, чашки. Митюшинъ, весь мокрый и розовый, глаза блестятъ, пьянъ, какъ стелька. Гнушке тоже пьянъ, улыбается и потираетъ руки. Таня сидитъ, положивъ голые локти на столъ, неподвижно на него уставилась...

Митюшинъ ахнулъ, подбѣжалъ къ нему, схватилъ за руку. «Наконецъ-то объявился!» И шопотомъ, лукаво подмигнувъ: «Ну и фруктъ».

Антонъ Петровичъ сѣлъ, выпилъ водки. Митюшинъ и Гнушке все такъ же лукаво, но добродушно поглядываютъ на него. Таня говоритъ: «Ты, вѣроятно, голоденъ. Я принесу тебѣ бутербродъ». Да, большой бутербродъ съ ветчиной, такъ чтобы торчало сальце. И вотъ, какъ только она вышла, Митюшинъ и Гнушке бросились къ нему, заговорили, перебивая другъ друга: «Ну и повезло тебѣ, Антонъ Петровичъ! Пред-

ставъ {137} себѣ, — господинъ Бергъ тоже струсиль. Нѣтъ, не тоже струсиль, а просто: струсиль. Пока мы ждали тебя въ трактирѣ, вошли его секунданты, сообщили, что Бергъ передумалъ. Эти широкоплечіе нахалы всегда оказываются трусами. Мы просимъ васъ, господа, извинить насъ, что мы согласились быть секундантами этого подлеца. Вотъ какъ тебѣ повезло, Антонъ Петровичъ! Все, значить, шито-крыто. И ты вышелъ съ честью, а онъ опозоренъ навсегда. А главное, — твоя жена, узнавъ объ этомъ, сразу бросила Берга и вернулась къ тебѣ. И ты долженъ простить ее».

Антонъ Петровичъ, широко улыбнувшись, всталъ, заигралъ ленточкой монокля. И медленно исчезла улыбка. Такихъ вещей въ жизни не бываетъ.

Онъ посмотрѣлъ на плюшевое кресло, на пухлую постель, на умывальникъ, и этотъ жалкій номеръ въ этомъ жалкомъ отелѣ показался ему той комнатой, гдѣ отнынѣ ему придется жить всегда. Присѣвъ на постель, онъ снялъ башмаки, облегченно пошевелилъ пальцами ногъ, замѣтилъ, что натеръ пятку, и что лѣвый носокъ порвался. Потомъ онъ позвонилъ, заказалъ бутербродъ съ ветчиной. И когда горничная поставила на столъ тарелку, онъ замеръ, и какъ только закрылась дверь, обѣими руками схватилъ хлѣбъ, засопѣлъ, сразу измазалъ пальцы и подбородокъ въ салъ и сталъ жадно жевать. {138}

ПАССАЖИРЪ

— Да, жизнь талантливѣе насъ, — вздохнулъ писатель, постукивая картоннымъ концомъ папиросы о крышку портсигара. — Иногда она придумываетъ такія темы... Куда намъ до нея! Ея произведенія непередаваемы, непередаваемы...

— Всѣ права закрѣплены за авторомъ, — улыбнувшись, подсказалъ критикъ, скромный, близорукой человѣкъ съ тонкими, подвижными пальцами.

— Намъ остается только жулить, — продолжалъ писатель, разсѣянно бросивъ спичку въ пустую рюмку критика. — Намъ остается дѣлать съ ея твореніями то, что дѣлаетъ фильмвый режиссеръ съ извѣстнымъ романомъ. Режиссеру нужно, чтобы горничнымъ въ субботній вечеръ было нескучно, и потому онъ этотъ романъ мѣняетъ до неузнаваемости, крошитъ его, выворачиваетъ, выбрасываетъ тысячу эпизодовъ, вводитъ придуманныя имъ самимъ происшествія, новыхъ персонажей, — и все для того, чтобы получился занимательный фильмъ,

развивающійся безъ всякихъ помѣхъ, карающій въ началѣ добродѣтель, а въ концѣ — порокъ, совершенно естественный въ своей условности {139} и, главное, снабженный неожиданной, но все разрѣшающей развязкой. Вотъ точно такъ же и темы жизни мы мѣняемъ по своему, стремясь къ какой-то условной гармоніи, къ художественной сжатости. Приправляемъ нашъ прѣсный плагиатъ собственными выдумками. Намъ кажется, что жизнь творитъ слишкомъ размашисто и неровно, что ея геній слишкомъ неряшливъ, мы въ угоду нашимъ читателямъ выкраиваемъ изъ ея свободныхъ романовъ наши аккуратные рассказы, — *ad usum delphini*. Позвольте же по этому поводу вамъ сообщить слѣдующій случай.

Ѣхалъ я въ экспрессѣ, въ спальномъ вагонѣ. Я очень люблю дорожное новоселье, — холодноватое бѣлье на койкѣ, фонари станціи, которые тронувшись медленно проходятъ за чернымъ стекломъ окна. Было мнѣ пріятно, помнится, что надо мной, на верхней койкѣ, никого нѣтъ. Раздѣвшись, я легъ навзничъ, подложилъ подъ затылокъ руки, — и легкость узкаго казеннаго одѣяла была прямо-таки сладостна послѣ пухлости отельныхъ перинъ. Помечтавъ кое-о-чемъ, — мнѣ о ту пору хотѣлось писать повѣсть изъ жизни вагонныхъ уборщицъ, — я выключилъ свѣтъ и очень скоро уснулъ. И тутъ разрѣшите мнѣ употребить пріемъ, частенько встрѣчающійся въ такихъ именно рассказахъ, какимъ обѣщаетъ быть мой. Вотъ онъ, — этотъ старый, хорошо вамъ извѣстный пріемъ. «Среди ночи я внезапно проснулся». Впрочемъ дальше слѣдуетъ кое-что посвѣжѣе. Я проснулся и увидѣлъ ногу.

— Виноватъ? — переспросилъ скромный критикъ, подавшись впередъ и поднявъ указательный палецъ.

— Я увидѣлъ ногу, — повторилъ писатель. — Отдѣленіе было освѣщено, и поѣздъ стоялъ на какой-то {140} станціи. Нога была мужская, крупная, въ грубомъ пестромъ носкѣ, продырявленномъ синеватымъ ногтемъ большого пальца. Она плотно стояла на лѣсенкѣ у самага моего лица, и ея обладатель, скрытый отъ меня навѣсомъ верхней койки, какъ разъ собирался сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы взобраться на свою галерку. Я успѣлъ хорошенько рассмотреть эту ногу, сѣрый въ черную клѣтку носокъ, фіолетовую ижицу подвязки сбоку на толстой икрѣ. Сквозь трико длиннаго подштанника непріятно торчали волоски. Вообще нога была препротивная. Пока я на нее смотрѣлъ, она напряглась, пошевелила раза два цѣпкимъ большимъ пальцемъ, наконецъ сильно оттолкнулась и взвилась наверхъ. Тамъ, наверху, послышалось кряхтѣніе, посапываніе, — все звуки, по которымъ я могъ судить о томъ, что человѣкъ укладывается спать. Затѣмъ свѣтъ погасъ, и черезъ нѣсколько мгновеній поѣздъ тронулся.

Я не знаю, какъ вамъ объяснить, — эта нога произвела на меня впечатлѣніе гнетущее. Пестрая, мягкая гадина. И меня тревожило то, что изъ всего человѣка я зналъ только эту недобрую ногу, а фигуры, лица такъ и не увидалъ. Его койка, которая образовывала надо мной низкій, темный потолокъ, теперь казалась ниже, я словно ощущалъ ея тяжесть. Какъ я ни старался представить себѣ обликъ моего ночного спутника, все у меня торчалъ передъ глазами этотъ крупный ноготь, блестящій синеватымъ перламутромъ сквозь дырку шерстяного носка. Вообще странно, конечно, что такіе пустяки могли меня волновать, — но вѣдь, съ другой стороны, не есть ли всякій писатель именно человѣкъ, волнующійся по пустякамъ? Какъ бы то ни было, сонъ ко мнѣ не шелъ. Я прислушивался, — не {141} храпитъ ли мой невѣдомый пассажиръ? Мнѣ показалось, что онъ не храпитъ, а стонетъ, — но, какъ извѣстно, ночной колесный стукъ поощряетъ галлюцинаціи слуха. Однако я не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что тамъ, надо мной, раздаются какіе-то необыкновенные звуки. Я слегка приподнялся. Звуки стали яснѣе. Человѣкъ на верхней койкѣ рыдалъ.

— Какъ вы сказали? — прервалъ критикъ. — Рыдалъ? Такъ, такъ. Простите, я не разслышалъ. — И, снова уронивъ руки на колѣни и склонивъ на бокъ голову, онъ продолжалъ слушать рассказчика.

— Да, онъ рыдалъ, — и его рыданія были ужасны. Рыданія душили его, онъ шумно выпускалъ воздухъ, какъ будто выпивъ залпомъ литръ воды, и за этимъ слѣдовало быстрое всхлипываніе съ закрытымъ ртомъ, какая-то страшная пародія на кудактаніе, — и опять вдыханіе, и опять мелкіе рыдающіе выдохи, но уже съ открытымъ ртомъ, — судя по хахакающему звуку. И все это на шаткомъ фонѣ колесной стукотни, ставшей тѣмъ самымъ какъ бы движущейся лѣстницей, по которой всходили и спускались его рыданія. Я лежалъ не шевелясь и слушалъ, — и при этомъ чувствовалъ, что у меня въ темнотѣ преглупое лицо: всегда становится неловко, когда рыдаетъ чужой человѣкъ. А тутъ еще я былъ невольно связанъ съ нимъ тѣмъ, что мы лежимъ на двухъ полкахъ, въ одномъ и томъ же отдѣленіи, въ одномъ и томъ же безучастно мчавшемся поѣздѣ. И онъ не унимался, — это ужасное трудное всхлипываніе не отставало отъ меня: мы оба, я — внизу — слушающій, — онъ — наверху — рыдающій, летѣли бокомъ въ ночную даль со скоростью восьмидесяти километровъ въ {142} часъ, и только желѣзнодорожная катастрофа могла бы разрѣчь нашу невольную связь. Потомъ онъ какъ будто пересталъ, — но только я собрался уснуть, снова заклокотали его рыданія, и мнѣ казалось даже, что попеременно со всхлипывающими вздохами онъ произноситъ какія-то слова, нутрянымъ голосомъ, животною. Онъ снова замолкъ, только посапывалъ; и я лежалъ съ закрытыми

глазами и видѣлъ въ воображеніи его отвратительную ногу въ клѣтчатомъ носкѣ. Я все-таки уснулъ, а въ половинѣ шестого утра проводникъ рванулъ дверь, разбудилъ меня, и, сидя на койкѣ, поминутно стучаясь головой о край верхней койки, я сталъ поспѣшно одѣваться. Передъ тѣмъ, какъ выйти съ чемоданами въ коридоръ, я оглянулся на верхнюю койку, но онъ лежалъ ко мнѣ спиной, накрывшись съ головой одѣяломъ. Въ коридорѣ было свѣтло, солнце только что встало, синяя, свѣжая тѣнь поѣзда бѣжала по травѣ, по кустамъ, изгибаясь, взлетала на скаты, рябила по стволамъ мелькающихъ березъ, — и ослѣпительно просіялъ удлиненный прудокъ посрединѣ поля, медленно сузился, превратился въ серебряную щель, и съ быстрымъ грохотомъ проскочилъ домикъ, шлагбаумъ, хлестнула хвостомъ дорога, — и опять замелькали пятнистымъ частоколомъ, отъ котораго кружилась голова, безчисленныя, солнцемъ испещренныя березы. Кромѣ меня, въ коридорѣ стояли двѣ заспанныя, наскоро покрашенныя дамы и старичокъ въ замшевыхъ перчаткахъ и дорожномъ картузѣ. Я ненавижу вставать рано, — упоительнѣйшій разсвѣтъ въ мірѣ не можетъ мнѣ замѣнить часы сладкаго утренняго сна, — и поэтому я только хмуро кивнулъ, когда старичекъ обратился ко мнѣ: «Вы тоже вылѣзаете въ...?» И онъ назвалъ большой {143} городъ, куда мы должны были приѣхать черезъ десять-пятнадцать минутъ.

Березы вдругъ разсѣялись, полдюжины домишекъ посыпали съ холма, едва второпяхъ не попавъ подъ поѣздъ, затѣмъ прошагала, блистая стеклами, огромная багровая фабрика, чей-то шоколадъ окликнулъ насъ съ пятисаженнаго объявленія, опять фабричный корпусъ, стекла, трубы, однимъ словомъ, происходило все то, что происходитъ, когда подѣзжаешь къ большому городу. Но вотъ, къ нашему удивленію, поѣздъ судорожно затормозилъ и остановился на пустынномъ полустанкѣ, гдѣ, казалось бы, экспрессу нечего дѣлать. Меня удивило и то, что на платформѣ стоятъ нѣсколько полицейскихъ. Я опустилъ оконную раму и высунулся. — «Закройте окно», — вѣжливо сказалъ одинъ изъ нихъ. Люди въ коридорѣ заволновались. Прошелъ кондукторъ; я спросилъ, въ чемъ дѣло. «Въ поѣздѣ находится преступникъ», — отвѣтилъ онъ и кратко объяснилъ на ходу, что въ городѣ, черезъ который мы проѣзжали ночью, случилось наканунѣ убійство, — мужъ застрѣлилъ жену и ея любовника. Дамы ахнули, старичекъ покачалъ головой. Въ коридоръ вошли двое полицейскихъ и краснощекаго кругленькаго сыщика въ котелкѣ, похожій на букмекера. Меня попросили вернуться въ купѣ. Полицейскіе остались стоять въ коридорѣ, а сыщикъ принялся обходить отдѣленія. Я показалъ ему паспортъ. Онъ скользнулъ рыжими глазами по моему лицу и отдалъ мнѣ бумаги. Мы стояли въ тѣсномъ купѣ, на верхней койкѣ неподвижно лежала темная, завернутая съ головой

фигура. «Вы можете выйти», — сказалъ мнѣ сыщикъ и протянулъ руку наверхъ на койку. «Ваши бумаги, пожалуйста». Фигура въ одѣялѣ {144} храпѣла. Стоя у открытой двери, я слушалъ этотъ храпъ, и мнѣ казалось, что въ немъ еще просвистываютъ отзвуки ночныхъ рыданій. «Пожалуйста, проснитесь», — громче сказалъ сыщикъ и какимъ то профессиональнымъ жестомъ дернулъ за край сѣраго одѣяла, у шеи спящаго. Тотъ шевельнулся, но продолжалъ храпѣть. Сыщикъ потрясъ его за плечо. Мнѣ стало не по себѣ, я отвернулся и принялся глядѣть въ коридорное окно, но ничего не видѣлъ, а всѣмъ существомъ слушалъ, что происходитъ въ купэ.

И представьте себѣ, я не услышалъ ровно ничего особеннаго. Сонно заворчалъ человекъ на верхней койкѣ, сыщикъ отчетливо потребовалъ документы, отчетливо поблагодарилъ, вышелъ изъ купэ, вошелъ въ слѣдующее. Вотъ и все. А вѣдь казалось, какъ вышло бы великолѣпно — съ точки зрѣнія писателя, конечно, — если бы рыдающій пассажиръ съ недобрыми ногами оказался убійцей, какъ великолѣпно можно было бы объяснить его ночныя слезы, — и, главное, какъ великолѣпно все бы это уложилось въ рамки моего ночного путешествія, въ рамки короткаго разсказа. Но, повидимому, замыселъ автора, замыселъ жизни, былъ и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, стократъ великолѣпнѣе.

Писатель вздохнулъ и замолкъ, посасывая давно потухшую, въ конецъ разжеванную и замусленную папиросу. Критикъ глядѣлъ на него добрыми глазами.

— Признайтесь, — опять заговорилъ писатель, — вы были увѣрены, начиная съ той минуты, когда я упомянулъ о полицейскихъ на полустанкѣ, что мой рыдающій пассажиръ — преступникъ?

— Я знаю вашу манеру, — сказалъ критикъ, кончиками пальцевъ коснувшись плеча собесѣдника и, {145} свойственнымъ ему жестомъ, сразу отдернувъ руку... — Если бы вы писали детективный разсказъ, вы бы сдѣлали искомымъ злодѣемъ не того, кого никто изъ героевъ не подозреваетъ, а того, кого съ самаго начала подозреваютъ всѣ, и тѣмъ самымъ провели бы опытнаго читателя, привыкшаго къ тому, что ларчикъ открывается непросто. Я знаю, что впечатлѣніе неожиданности вы любите давать путемъ самой естественной развязки. Но не слишкомъ увлекайтесь этимъ. Въ жизни много случайнаго, но и много необычайнаго. Слову дано высокое право изъ случайности создавать необычайность, необычайное дѣлать не случайнымъ. Изъ даннаго случая, изъ данныхъ случайностей вы могли бы сдѣлать вполне завершенный разсказъ, если бы превратили вашего пассажира въ убійцу.

Писатель опять вздохнулъ:

— Да-да, я объ этомъ думалъ. Я прибавилъ бы нѣсколько деталей. Я намекнулъ бы на то, что убійца страстно любилъ жену. Мало-ли что можно придумать. Но горе въ томъ, что неизвѣстно, можетъ быть жизнь имѣла въ виду нѣчто совсѣмъ другое, нѣчто куда болѣе тонкое, глубокое. Горе въ томъ, что я не узналъ, почему рыдалъ пассажиръ, и никогда этого не узнаю...

— Я заступаюсь за слово, — мягко сказалъ критикъ. — Вы, писатель, по крайней мѣрѣ, создали бы яркое разрѣшеніе. Вашъ герой, можетъ статья, плакалъ потому, что потерялъ бумажникъ на вокзалѣ. У меня былъ знакомый, — взрослый мужчина необычайно воинственной наружности, — который плакалъ въ голосъ, когда у него болѣли зубы. Нѣтъ-нѣтъ, спасибо. Больше мнѣ не наливайте. Достаточно, вполне достаточно. {146}

КАТАСТРОФА

Въ зеркальную мглу улицы убѣгалъ послѣдній трамвай, и надъ нимъ, по проволочкѣ, съ трескомъ и трепетомъ стремилась въ даль бенгальская искра, лазурная звѣзда.

— Что-жъ, поплетемся пѣшкомъ, хотя ты очень пьянъ, Маркъ, очень пьянъ...

Искра потухла. Крыши подъ луной лоснились: серебряные углы, косые провалы мрака.

Сквозь темный блескъ шелъ онъ домой, — Маркъ Штандфуссъ, приказчикъ, полубогъ, свѣтловолосый Маркъ, счастливецъ въ высококомъ крахмальномъ воротникѣ. Надъ бѣлой полоской, сзади, волосы кончались смѣшнымъ неподстриженнымъ хвостикомъ, какъ у мальчика. За этотъ хвостикъ Клара и полюбила его, — да, клялась, что любить, что забыла стройнаго, нищаго иностранца, снимавшаго въ прошломъ году комнату у госпожи Гайзе, ея матери.

— И все-таки, Маркъ, ты пьянъ...

Сегодня друзья чествовали пивомъ и пѣснями Марка и рыжую, блѣдную Клару, — а черезъ недѣлю будетъ ихъ свадьба, и потомъ до конца жизни — счастье {147} и тишина, и ночью рыжій пожаръ, рассыпанный по подушкѣ, а утромъ — опять тихій смѣхъ, зеленое платье, прохлада оголенныхъ рукъ.

Посреди площади — черный вигвамъ, красный огонекъ: починаютъ рельсы. Онъ вспомнилъ, какъ сегодня целовалъ ее подъ короткій рукавъ, въ тотъ трогательный слѣдъ, что остался отъ прививки оспы. И

теперь шелъ домой, пошатываясь отъ счастья и хмеля, размахивая тонкой тростью, и въ темныхъ домахъ по той сторонѣ пустынной улицы хлопало ночное эхо въ тактъ его шаговъ, а потомъ смолкло, когда онъ повернулъ за уголъ, гдѣ у рѣшетки стоялъ все тотъ же человѣкъ въ передникѣ и картузѣ, продавецъ горячихъ сосисокъ, и высвистывалъ поптичьи, нѣжно и грустно: вюрстхень... вюрстхень...

Марку стало сладостно жаль сосисокъ, луны, голубой искры, пробѣжавшей по проволокаѣ, — и, прислонясь къ забору, онъ весь сжался, напрягся и вдругъ, помирая со смѣху, выдулъ въ круглую щелку: «Клара... Клара... о, Клара, моя милая...»

А за чернымъ заборомъ, въ провалѣ между домовъ, былъ квадратный пустырь: тамъ, что громадные гроба, стояли мебельные фургоны. Ихъ раздуло отъ груза. Богъ вѣсть, что было навалено въ нихъ. Дубовые баулы, вѣрно, да люстры, какъ желѣзные пауки, да тяжкіе костяки двухспальной кровати. Луна обдавала ихъ крѣпкимъ блескомъ. А слѣва, на задней голый стѣнѣ дома, распластались гигантскія черныя сердца, — увеличенная во много разъ тѣнь липы, стоявшей близъ фонаря на краю тротуара.

Маркъ все еще посмѣивался, когда всходилъ по темной лѣстницѣ на пятый этажъ. Вступивъ на послѣднюю {148} ступеньку, онъ ошибся, поднялъ еще разъ ногу — и опустилъ ее неловко, съ грохотомъ. Пока онъ шарилъ въ потемкахъ по двери, отыскивая замочную скважину, бамбуковая тросточка выскочила изъ-подъ мышки и, легко постукивая, скользнула внизъ, по ступенькамъ. Маркъ затаилъ дыханье. Думалъ, — трость повернетъ, тамъ, гдѣ поворачиваетъ лѣстница, и постукивая, докатится до самого низу. Но тонкій деревянный звонъ внезапно замеръ. Остановилась, молъ. Онъ облегченно усмѣхнулся и, держась за перила, — пиво глухо пѣло въ головѣ — сталъ спускаться обратно, наклонился, чуть не упалъ, тяжело сѣлъ на ступень, шаря вокругъ себя ладонями.

Наверху дверь на площадку открылась; госпожа Штандфуссъ, — керосиновая лампа въ рукѣ, сама полуодѣтая, глаза мигающіе, дымъ волосъ изъ подъ чепца — вышла, позвала: ты, Маркъ?

Желтый клинъ свѣта захватилъ перила, ступени, трость, — и Маркъ, тяжело и радостно дыша, поднялся на площадку, а по стѣнѣ поднялась за нимъ его черная, горбатая тѣнь.

Потомъ, въ полутемной комнатѣ, перегородженной красной ширмой, былъ такой разговоръ:

- Ты слишкомъ много пилъ, Маркъ...
- Ахъ нѣтъ, мама... Такое счастье...
- Ты перепачкался, Маркъ. У тебя ладонь черная...

— ...такое счастье... А, хорошо... — холодная. Полей на макушку... Еще... Меня всё поздравляли, — да и есть съ чѣмъ... Еще полей. {149}

— Но, говорятъ, она такъ недавно любила другого... иностранца, проходимца какого-то. Пяти марокъ не доплатилъ госпожѣ Гайзе...

— Оставь... Ты ничего не понимаешь... Мы сегодня такъ много пѣли. Пуговица оторвалась, смотри... я думаю, мнѣ удвоятъ жалованье, когда женюсь...

— Ложись, ложись... Весь грязный... новые штаны...

Въ эту ночь Марку приснился непріятный сонъ. Онъ увидѣлъ покойнаго отца. Отецъ подошелъ, со странной улыбкой на блѣдномъ, потномъ лицѣ, и, схвативъ Марка подъ руки, сталъ молча и сильно щекотать его, — не отпускалъ.

Только уже придя въ магазинъ, вспомнилъ онъ этотъ сонъ, вспомнилъ, оттого, что пріятель, веселый Адольфъ, пальцемъ ткнулъ его въ ребра. На мигъ въ душѣ запахнулось что-то, удивленно застыло и захлопнулось опять. Опять стало легко и ясно, и галстуки, которые онъ предлагалъ, ярко улыбались, сочувствовали его счастью. Онъ зналъ, что вечеромъ увидитъ Клару, — вотъ только забѣжитъ домой поужинать, — а потомъ сразу къ ней... На дняхъ, когда онъ рассказывалъ ей о томъ, какъ они уютно и нѣжно будутъ жить, она неожиданно расплакалась. Конечно, Маркъ понялъ, что это слезы счастья, — такъ она и объяснила ему, — а потомъ закружилась по комнатѣ, — юбка — зеленый парусъ, — и быстро-быстро стала приглаживать передъ зеркаломъ яркіе волосы свои, цвѣта абрикосоваго варенья. И лицо было растерянное, блѣдное — тоже отъ счастья. Это вѣдь такъ понятно...

— Въ полоску? извольте... {150}

Онъ завязывалъ на рукѣ галстукъ, поворачивалъ руку туда-сюда, соблазняя покупателя. Быстро открывалъ плоскія картонныя коробки...

А въ это время у матери его сидѣла гостья, госпожа Гайзе. Она пришла ненарокомъ, и лицо было заплаканное. Осторожно, словно боясь разбиться, опустилась на табуретъ въ крохотной, чистенькой кухнѣ, гдѣ госпожа Штандфуссъ мыла тарелки. На стѣнѣ висѣла плоская деревянная свинья, и спичечная коробка съ одной обгорѣлой спичкой валялась на плитѣ.

— Я пришла къ вамъ съ дурной вѣстью, госпожа Штандфуссъ.

Та замерла, прижавъ къ груди тарелку.

— Это насчетъ Клары. Вотъ. Она сегодня, какъ безумная. Вернулся тотъ жилецъ, — помните, рассказывала. И Клара потеряла голову. Да, сегодня утромъ... Она не хочетъ больше никогда видѣть

вашего сына... Вы ей подарили матерію на платье, будетъ возвращено. И вотъ — письмо для Марка. Клара съ ума сошла. Я не знаю...

А Маркъ, кончивъ службу, уже шелъ во-свояси, и ежомъ остриженный Адольфъ проводилъ его до самаго дома. Оба остановились, пожали другъ другу руки, и Маркъ плечомъ толкнулъ дверь въ прохладную пустоту.

— Куда ты? Плюнь... вмѣстѣ закусимъ гдѣ-нибудь.

Адольфъ лѣниво опирался на трость, какъ на хвостъ.

— Плюнь, Маркъ...

Тотъ нерѣшительно потеръ щеку, потомъ засмѣялся... {151}

— Хорошо... Но платить буду я.

Когда полчаса спустя онъ вышелъ изъ пивной и распрощался съ пріятелемъ, огненный закатъ млѣлъ въ пролетѣ канала, и влажный мостъ вдали былъ окаймленъ тонкой золотою чертой, по которой проходили черныя фигурки.

Посмотрѣвъ на часы, онъ рѣшилъ не заходить домой, а прямо ѣхать къ невѣстѣ. Отъ счастья, отъ вечерней прозрачности чуть кружилась голова. Оранжевая стрѣла проткнула лакированный башмакъ какого-то франта, выскочившаго изъ автомобиля. Еще не высохшія лужи, окруженныя темными подтеками, — живые глаза асфальта — отражали нѣжный вечерній пожаръ. Дома были сѣрые, какъ всегда, но зато, крыши, лѣпка надъ верхними этажами, золотые громоотводы, каменные купола, столбики, — которыхъ днемъ не замѣчаешь, такъ какъ люди днемъ рѣдко глядятъ вверхъ, — были теперь омыты яркимъ охрянымъ блескомъ, воздушной теплотой вечерней зари, и оттого волшебными, неожиданными казались эти верхніе выступы, балконы, карнизы, колонны, — рѣзко отдѣляющіеся желтой яркостью своей отъ тусклыхъ фасадовъ внизу.

«О, какъ я счастливъ, — думалъ Маркъ, — какъ все чувствуетъ мое счастье».

Сидя въ трамваѣ, онъ мягко, съ любовью, разглядывалъ своихъ спутниковъ. Лицо у него было такое молодое, съ розовыми прыщиками на подбородкѣ, счастливые, свѣтлые глаза, неподстриженный хвостикъ въ лункѣ затылка... Казалось, судьба могла бы его пощадить. {152}

«Я сейчасъ увижу Клару, — думалъ онъ. — Она встрѣтитъ меня у порога. Скажетъ, что весь день скучала безъ меня, едва дожидая до вечера».

Встрепенулся. Проѣхалъ остановку, гдѣ долженъ былъ слѣзть. По пути къ площадкѣ споткнулся о ноги толстаго человѣка, читавшаго медицинскій журналъ; хотѣлъ приподнять шляпу и чуть не упалъ, — трамвай съ визгомъ поворачивалъ. Удержался за висячій ремень. Госпо-

динъ медленно втянулъ короткія ноги, сердито и жирно заурчалъ. Усы у него были сѣдые, воинственно загнутые кверху. Маркъ виновато улыбнулся и вышелъ на площадку. Схватился обѣими руками за желѣзные поручни, подался впередъ, рассчитывая прыжокъ. Внизу гладкимъ, блестящимъ потокомъ стремился асфальтъ. Маркъ спрыгнулъ. Обожгло подошвы, и ноги сами побѣжали, принужденно и звучно топая. Одновременно произошло нѣсколько странныхъ вещей... Кондукторъ съ площадки откачнувшагося трамвая яростно крикнулъ что-то, блестящій асфальтъ взмахнулъ, какъ доска качели, гремящая громада налетѣла сзади на Марка. Онъ почувствовалъ, словно толстая молнія проткнула его съ головы до пятъ, — а потомъ — ничего. Стоялъ одинъ посреди лоснящагося асфальта. Оглядѣлся. Увидѣлъ поодаль свою же фигуру, худую спину Марка Штандфусса, который, какъ ни въ чемъ не бывало шелъ наискось черезъ улицу. Дивясь, однимъ легкимъ движеніемъ онъ догналъ самого себя, и вотъ уже самъ шелъ къ панели, весь полный остывающаго звона.

— Тоже... чуть не попалъ подъ омнибусъ...

Улица была широкая и веселая. Полнеба охватилъ закатъ. Верхніе ярусы и крыши домовъ были дивно {153} озарены. Тамъ, въ вышинѣ, Маркъ различалъ сквозные портики, фризы и фрески, шпалеры оранжевыхъ розъ, крылатыя статуи, поднимающія къ небу золотыя, нестерпимо горящія лиры. Волнуясь и блистая, празднично и воздушно уходила въ небесную даль вся эта зодческая прелесть, и Маркъ не могъ понять, какъ раньше не замѣчалъ онъ этихъ галлерей, этихъ храмовъ, повисшихъ въ вышинѣ.

Больно ударился колѣномъ. Черный знакомый заборъ. Разсмѣлся: ахъ, конечно — фургоны... Стояли они, какъ громадныя гроба. Что же скрыто въ нихъ? Сокровища, костяки великановъ? Пыльные груды пышной мебели?

— Нѣтъ, надо посмотрѣть... А то Клара спросить, а я не буду знать...

Онъ быстро толкнулъ дверь фургона, вошелъ. Пусто. Только посрединѣ косо стоитъ на трехъ ножкахъ маленькій соломенный стулъ, одинокій и смѣшной.

Маркъ пожалъ плечами и вышелъ съ другой стороны. Снова хлынулъ въ глаза жаркій вечерній блескъ. И впереди знакомая чугунная калитка, и дальше окно Клары, пересѣченное зеленой вѣткой. Клара сама открыла калитку, подняла оголенные локти, — и ждала, управляя прическу. Рыжій пухъ сквозилъ въ солнечныхъ проймахъ короткихъ рукавовъ.

Маркъ, беззвучно смѣясь, съ разбѣгу обнялъ ее, прижался щекой къ теплому, зеленому шелку.

Ея ладони легли ему на голову.

— Я весь день такъ скучала, Маркъ. И вотъ теперь ты пришелъ.

Она отворила дверь, и Маркъ сразу очутился въ {154} столовой, показавшейся ему необыкновенно просторной и свѣтлой.

— Мы такъ счастливы теперь, что мы можемъ обойтись безъ прихожей, — горячо зашептала Клара, и онъ почувствовалъ какой-то особый чудесный смыслъ въ ея словахъ.

А въ столовой, вокругъ снѣжнаго овала скатерти, сидѣло множество людей, которыхъ Маркъ никогда еще не встрѣчалъ у своей невѣсты. Среди нихъ былъ Адольфъ, смуглый, съ квадратной головой; былъ и тотъ коротконогій, пузатый, все еще урчащій человѣкъ, читавшій медицинскій журналъ въ трамваѣ.

Застѣнчиво поклонившись всѣмъ, онъ сѣлъ рядомъ съ Кларой, — и въ тотъ же мигъ почувствовалъ, какъ давеча, ударъ неистовой боли, прокатившей по всему тѣлу. Рванулся онъ, — и зеленое платье Клары поплыло, уменьшилось, превратилось въ зеленый стеклянный колпакъ лампы. Лампа качалась на висячемъ шнурѣ. А самъ Маркъ лежалъ подъ нею, — и такая грузная боль давила на грудь, такая боль — и ничего не видать, кромѣ зыбкой лампы, — и въ сердце упираются ребра, мѣшаютъ вздохнуть, — и кто-то, перегнувъ ему ногу, ломаетъ ее, натужился, сейчасъ хряснетъ. Онъ рванулся опять, — лампа расплылась зеленымъ сіяніемъ, и Маркъ увидѣлъ себя самого, поодаль, сидящаго рядомъ съ Кларой — и не успѣлъ увидѣть, какъ уже самъ касался колѣномъ ея теплой шелковой юбки. И Клара смѣялась, закинувъ голову.

Онъ захотѣлъ рассказать, что сейчасъ произошло, и, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, къ веселому Адольфу, къ сердитому толстяку, съ трудомъ проговорилъ: {155}

— Иностранецъ на рѣкѣ совершаетъ вышеуказанныя молитвы...

Ему показалось, что онъ все объяснилъ, и, видимо, всѣ поняли... Клара, чуть надувъ губы, потрепала его по щекѣ:

— Мой бѣдный... Ничего...

Онъ почувствовалъ, что усталъ, хочетъ спать. Обнялъ Клару за шею, притянулъ, откинулся назадъ. И тогда опять хлынула боль, и все стало ясно.

Маркъ лежалъ забинтованный, исковерканный, лампа не качалась больше. Знакомый усатый толстякъ, докторъ въ бѣломъ балахонѣ, растерянно урча, заглядывалъ ему въ зрачки. И какая боль... Господи, сердце вотъ-вотъ наткнется на ребра и лопнетъ... Господи, сейчасъ... Это глупо. Почему нѣтъ Клары...

Докторъ поморщился и щелкнулъ языкомъ.

А Маркъ уже не дышалъ, Маркъ ушелъ, — въ какіе сны — неизвѣстно. {156}

БЛАГОСТЬ

Мастерскую я унаслѣдовалъ отъ фотograфа. У стѣны еще стояло лиловатое полотно, изображавшее часть балюстрады и бѣлесую урну на фонѣ мутнаго сада. Въ плетеномъ креслѣ, словно у входа въ эту гуашевую даль, я и просидѣлъ до утра, думая о тебѣ. На разсвѣтѣ стало очень холодно. Постепенно выплыли изъ темноты въ пыльный туманъ глиняныя болванки, — одна, твое подобіе, обмотанная мокрой тряпкой. Я прошелъ черезъ эту туманную свѣтлицу — что-то крошилось, потрескивало подъ ногой, — и концомъ длиннаго шеста зацѣпилъ и открылъ одну за другой черныя занавѣски, висѣвшія какъ ключья рваныхъ знаменъ, вдоль покатаго стекла. Впустивъ утро — прищуренное, жалкое, — я разсмѣялся, самъ не зная чему, — быть можетъ, тому, что вотъ, я всю ночь просидѣлъ въ плетеномъ креслѣ, среди мусора, гипсовыхъ осколковъ, въ пыли высохшаго пластилина, — и думалъ о тебѣ.

Когда при мнѣ произносили твое имя, вотъ какое чувство я испытывалъ: ударъ черноты, душистое и {157} сильное движеніе; такъ ты заламывала руки, оправляя вуаль. Любилъ я тебя давно, а почему любилъ — не знаю. Лживая и дикая, живущая въ празднои печали.

Недавно я нашелъ на столикѣ у тебя въ спальнѣ пустую спичечную коробку; на ней былъ надгробный холмикъ пепла и золотой окурокъ, грубый, мужской. Я умолялъ тебя объяснить. Ты нехорошо смѣялась. И потомъ расплакалась, и я, все простивъ тебѣ, обнималъ твои колѣни, прижимался мокрыми рѣсницами къ теплomu черному шелку. Послѣ этого я двѣ недѣли не видѣлъ тебя.

Осеннее утро мерцало отъ вѣтра. Я бережно поставилъ шесть въ уголъ. Въ широкой пролетъ окна видны были черепичныя крыши Берлина — очертанья ихъ мѣнялись, благодаря невѣрнымъ внутреннимъ переливамъ стекла, — и среди крышъ бронзовымъ арбузомъ вздымался дальній куполъ. Облака летѣли и прорывались, обнажая на мгновенье легкую изумленную осеннюю синеву.

Наканунѣ я говорилъ съ тобой въ телефонъ. Не выдержалъ, самъ позвонилъ. Условились встрѣтиться сегодня, у Бранденбургскихъ воротъ. Голосъ твой сквозь пчелиный гудъ былъ далекъ и тревоженъ. Скользилъ, пропадалъ. Я говорилъ съ тобой, плотно зажмурившись, и

хотѣлось плакать. Моя любовь къ тебѣ была бьющейся, восходящей теплотой слезъ. Рай представлялся мнѣ именно такъ: молчанье и слезы, и теплый шелкъ твоихъ колѣнъ. Ты понять это не могла.

Когда послѣ обѣда я вышелъ на улицу — встрѣтить тебя, — голова закружилась отъ сухого воздуха, {158} отъ потоковъ желтаго солнца. Каждый лучъ отдавался въ вискахъ. По панели, съ шорохомъ, торопливо, вперевалку, бѣжали большіе рыжіе листья.

Я шелъ и думалъ о томъ, что вѣрно на свиданье ты не придешь. А если и придешь, то все равно опять поссоримся. Я умѣлъ только лѣпить и любить. Тебѣ было мало этого.

Вотъ и грузныя ворота. Сквозь проймы ихъ протискивались толстобокіе автобусы и катились дальше вдоль бульвара, уходящаго вдаль, въ тревожный синій блескъ вѣтренаго дня. Я ждалъ тебя подъ тяжелой сѣнью, между холодныхъ колоннъ, у желѣзнаго окна гауптвахты. Было людно: шли со службы берлинскіе чиновники, нечисто выбритые, у каждаго подъ мышкой портфель, въ глазахъ — мутная тошнота, что бываетъ, когда натоцакъ выкуришь плохую сигару. Безъ конца мелькали ихъ усталыя и хищныя лица, высокіе воротнички. Прошла дама въ красной соломенной шляпѣ, въ пальто изъ сѣраго барашка, юноша въ бархатныхъ штанахъ съ пуговицами пониже колѣнъ. И еще другіе.

Я ждалъ, опираясь на трость, въ холодной тѣни угловыхъ колоннъ. Я не вѣрилъ, что ты придешь.

А у колонны, неподалеку отъ окна гауптвахты, былъ лотокъ — открытки, планы, вѣера цвѣтныхъ снимковъ, — а рядомъ на табуретѣ сидѣла коричневая старушка, коротконогая, полная, съ круглымъ, рябымъ лицомъ, — и тоже ждала.

Я подумалъ: кто изъ насъ первый дождется, кто раньше явится — покупатель или ты. У старушки былъ видъ вотъ какой: «Я ничего, я такъ, случайно {159} присѣла тутъ; правда, рядомъ какой-то лотокъ — очень хорошія, любопытныя вещицы. Но я — ничего...»

Люди безъ конца проходили между колоннъ, огибая уголь гауптвахты; иной взглянетъ на открытки. Тогда старушка вся напрягалась, впивалась яркими крохотными глазами въ лицо прохожаго, словно внушала ему: купи, купи... — но тотъ, окинувъ взглядомъ цвѣтныя и сѣрыя снимки, шелъ дальше, и она, какъ бы равнодушно, опускала глаза, продолжала читать красную книгу, что держала на колѣняхъ.

Я не вѣрилъ, что ты придешь. Но ждалъ тебя, какъ не ждалъ никогда, тревожно курилъ, заглядывалъ за ворота на чистую площадь въ началѣ бульвара; и снова отходилъ въ свой уголь, стараясь не подавать виду, что жду, стараясь представить себѣ, что вотъ, пока я не гляжу, ты идешь, приближаешься, что если опять взгляну туда, за

уголь, то увижу твою котиковую шубу, черное кружево, свисающее съ края шляпы на глаза, — и нарочно не смотрѣль, дорожилъ самообманомъ.

Хлынулъ холодный вѣтеръ. Старушка встала, принялась вставлятъ плотнѣе свои открытки. На ней было что-то вродѣ короткаго тулупчика — желтый плюшъ, сборки у поясицы. Подолъ коричневой юбки былъ подтянуть спереди выше чѣмъ сзади, и потому казалось, что она ходитъ, выпятивъ животъ. Я различалъ добрыя, тихія складки на маленькой круглой шляпѣ, на потертыхъ утиныхъ сапожкахъ. Она дѣловито возилась у лотка. Рядомъ, на табуретѣ, осталась книга — путеводитель по Берлину, — и осенній вѣтеръ разсѣянно поворачивалъ страницы, трепалъ планъ, выпавшій изъ нихъ ступеньками. {160}

Мнѣ становилось холодно. Папироса тлѣла криво и горько. Волны непріязненной прохлады обдавали грудь. Покупатель не шелъ.

А старушка усѣлась снова, и такъ какъ табуретъ былъ слишкомъ для нея высокъ, ей пришлось сперва поерзать, подошвы ея тупыхъ сапожковъ попеременно отдѣлялись отъ панели. Я кинулъ прочь папиросу, подхватилъ ее концомъ трости: огненные брызги.

Прошло уже съ часъ, — быть можетъ, больше. Какъ я могъ думать, что ты придешь? Небо незамѣтно превратилось въ одну сплошную тучу, и прохожіе шли еще поспѣшнѣе, горбились, придерживали шапки, дама, переходившая площадь, открыла на ходу зонтикъ... Было бы просто чудо, если бъ ты теперь пришла.

Старушка, аккуратно переложивъ въ книгу закладку, какъ будто призадумалась. Мнѣ кажется, ей представлялся иностранецъ-богачъ изъ Адлона, который купилъ бы весь ея товаръ, и переплатилъ, и заказалъ бы еще и еще видовыхъ открытокъ, путеводителей всякихъ. И ей, вѣроятно, нетепло было въ этомъ плюшевомъ тулупчикѣ. Но ты вѣдь обѣщала придти. Мнѣ вспоминался телефонъ, бѣгущая тѣнь твоего голоса. Господи, какъ мнѣ хотѣлось тебя видѣть. Снова хлынулъ недобрый вѣтеръ. Я поднялъ воротникъ.

И вдругъ окно гауптвахты отворилось, и зеленый солдатъ окликнулъ старушку. Она быстро сползла съ табурета и, выпятивъ животъ, подкатилась къ окну. Солдатъ покойнымъ движеніемъ подалъ ей дымящуюся кружку и прикрылъ раму. Повернулось и ушло въ темную глубину его зеленое плечо.

Старушка, бережно неся кружку, вернулась къ своему мѣсту. Это былъ кофе съ молокомъ — если судить {161} по коричневой бахромѣ пѣнки, приставшей къ краю.

И она стала пить. Я никогда не видалъ, чтобы пилъ человѣкъ съ такимъ совершеннымъ, глубокимъ, сосредоточеннымъ наслажденіемъ.

Она забыла свой лотокъ, открытки, холодный вѣтеръ, американца, — и только потягивала, посасывала, вся ушла въ кофе свой, точно такъ же, какъ и я забылъ свое ожиданіе и видѣлъ только плюшевый тулупчикъ, потускнѣвшіе отъ блаженства глаза, короткія руки въ шерстяныхъ митенкахъ, сжимавшія кружку. Она пила долго, пила медленными глотками, благоговѣнно слизывала бахрому пѣнки, грѣла ладони о теплую жесть. И въ душу мою вливалась темная, сладкая теплота. Душа моя тоже пила, тоже грѣлась, — и у коричневой старушки былъ вкусъ кофе съ молокомъ.

Допила. На мгновенье застыла. Потомъ встала и направилась къ окну, — отдать пустую кружку.

Но не доходя она остановилась. Ея губы собрались въ улыбочку. Быстро подкатилась она обратно къ лотку, выдернула двѣ цвѣтныя открытки и, снова подбѣжавъ къ желѣзной рѣшеткѣ окна, мягко постучала шерстянымъ кулачкомъ по стеклу. Рѣшетка отпахнулась, скользнула зеленый рукавъ съ блестящей пуговицей на обшлагѣ, и старушка сунула въ черное окно кружку, открытки и торопливо закивала. Солдатъ, разглядывая снимки, отвернулся въ глубину, медленно прикрывая за собою раму.

Тогда я почувствовалъ нѣжность міра, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всѣмъ сущимъ, — и понималъ, что радость, которую я искалъ въ тебѣ, не только въ тебѣ {162} таится, а дышитъ вокругъ меня повсюду, въ пролетающихъ уличныхъ звукахъ, въ подолѣ смѣшно подтянутой юбки, въ желѣзномъ и нѣжномъ гудѣніи вѣтра, въ осеннихъ тучахъ, набухающихъ дождемъ. Я понималъ, что міръ вовсе не борьба, не череда хищныхъ случайностей, а мерцающая радость, благодатное волненіе, подарокъ, неоцѣненный нами.

И въ этотъ мигъ, наконецъ, ты пришла, вѣрнѣе не ты, а чета нѣмцевъ, — онъ въ непромокаемомъ плащѣ, ноги въ длинныхъ чулкахъ — зеленыя бутылки, — она худая, высокая, въ пантеровомъ пальто. Они подошли къ лотку, мужчина сталъ выбирать, и моя кофейная старушка, раскраснѣвшись, напыжившись, глядѣла то въ глаза ему, то на открытки, суетливо, напряженно работая бровями, какъ дѣлаетъ старый извозчикъ, всѣмъ тѣломъ своимъ подгоняющій клячу. Но не успѣлъ нѣмецъ выбрать, какъ его жена пожала плечомъ, оттянула его за рукавъ, — и тогда то замѣтилъ я, что она на тебя похожа, — сходство было не въ чертахъ, не въ одеждѣ, — а вотъ въ этой брезгливой недоброй ужимкѣ, въ этомъ скользкомъ и равнодушномъ взглядѣ. И оба они пошли дальше, ничего не купивши, — а старушка только улыбнулась, вставила обратно открытки, углубилась опять въ свою красную книгу. Мнѣ незачѣмъ было дольше ждать. Я пошелъ прочь по вечерѣющимъ

улицамъ, заглядывалъ въ лица прохожимъ, ловилъ улыбки, изумительныя маленькія движенія, — вотъ прыгаетъ косица дѣвчонки, бросающей мячикъ о стѣну, вотъ отразилась божественная печаль въ лиловатомъ овальномъ глазу у лошади; ловилъ я и собиралъ все это, и крупныя, косыя капли дождя учащались, и вспомнился мнѣ прохладный уютъ {163} моей мастерской, вытѣпленные мною мышцы, лбы и пряди волосъ, и въ пальцахъ я ощутилъ мягкую щекотку мысли, начинающей творить.

Стемнѣло. Леталъ дождь. Вѣтеръ бурно встрѣчалъ меня на поворотахъ. А потомъ лязгнулъ и просіялъ янтарными стеклами трамвайный вагонъ, полный черныхъ силуэтовъ, — и я вскочилъ на ходу, сталъ вытирать руки, мокрыя отъ дождя.

Въ вагонѣ люди сидѣли нахохлясь, сонно покачиваясь. Черныя стекла были въ мелкихъ, частыхъ капляхъ дождя, будто сплошь подернутое бисеромъ звѣздъ ночное небо. Гремѣли мы вдоль улицы, обсаженной шумными каштанами, и мнѣ все казалось, что влажныя вѣтви хлещутъ по окнамъ. А когда трамвай останавливался, то слышно было, какъ стучались наверху объ крышу срываемые вѣтромъ каштаны: токъ — и опять, упруго и нѣжно: токъ... токъ... Трамвай трезвонилъ и трогался, и въ мокрыхъ стеклахъ дробился блескъ фонарей, и я ждалъ съ чувствомъ пронзительнаго счастья повторенія тѣхъ высокихъ и кроткихъ звуковъ. Ударъ тормоза, остановка, — и снова одиноко падалъ круглый каштанъ, — погода падалъ и второй, стучаясь и катясь по крышѣ: токъ... токъ... {164}

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ЭЛЬФЪ

1.

А на самомъ дѣлѣ имя его было Фредерикъ Добсонъ. Пріятелю своему, фокуснику, онъ рассказывалъ о себѣ такъ:

«Кто въ Бристолѣ не зналъ дѣтскаго портного Добсона? Я — сынъ его. Горжусь этимъ только изъ упрямства. Надо вамъ сказать, что отецъ мой пилъ, какъ старый китъ. Однажды, незадолго до моего рожденія, онъ, пожираемый джиномъ, сунулъ матери моей въ постель эдакую, знаете, восковую фигуру, — матроска, лицо херувима и первые длинные штаны. Бѣдняжка чудомъ не выкинула... Вы сами понимаете, что все это я знаю по наслышкѣ, — но, если мнѣ не наврали добрые люди, вотъ, кажется, тайная причина того, что...»

И Фредъ Добсонъ печально и добродушно разводилъ ладошками. Фокусникъ со своей обычной мечтательной улыбкой наклонялся, бралъ Фреда на руки и, вздохнувъ, ставилъ его на верхушку шкафа, гдѣ Картофельный Эльфъ, покорно свернувшись въ клубокъ, начиналъ тихо почихивать и скулить. {165}

Было ему двадцать лѣтъ отъ роду, вѣсилъ онъ около десяти килограммовъ, а ростъ его превышалъ лишь на нѣсколько сантиметровъ ростъ знаменитаго швейцарскаго карлика Циммермана, по прозванію Принцъ Бальтазаръ. Какъ и коллега Циммерманъ, Фредъ былъ отлично сложенъ, и, — если бы не морщинки на кругломъ лбу и вокругъ прищуренныхъ глазъ, да еще этотъ общій немного жуткій видъ напряженности, словно онъ крѣпился, чтобы не расти, — карликъ бы совсѣмъ походилъ на тихаго восьмилѣтняго мальчика. Волосы его цвѣта влажной соломы были прилизаны и раздѣлены ровной нитью пробора, который шелъ какъ разъ посрединѣ головы, чтобы вступить въ хитрый договоръ съ макушкой. Ходилъ Фредъ легко, держался свободно и недурно танцевалъ, но первый же антрепренеръ, занявшійся имъ, счелъ нужнымъ отяжелить смѣшнымъ эпитетомъ понятіе «эльфа», когда взглянулъ на толстый носъ, завѣщанный карлику его полнокровнымъ озорнымъ отцомъ.

Картофельный Эльфъ однимъ своимъ видомъ возбудилъ ураганъ рукоплесканій и смѣха по всей Англии, а затѣмъ и въ главныхъ городахъ на материкѣ. Въ отличіе отъ другихъ карликовъ, онъ былъ нраву кроткаго, дружелюбнаго, — очень привязался къ той крохотной пони — Снѣжинкѣ, — на которой прилежно трусилъ по аренѣ голландскаго цирка, — а въ Вѣнѣ покорилъ сердце глупаго и унылаго великана, родомъ изъ Омска, тѣмъ, что при первой встрѣчѣ потянулся къ нему и по-дѣтски попросилъ: «Я хочу на ручки».

Выступалъ онъ обыкновенно не одинъ. Такъ, въ Вѣнѣ карликъ появлялся вмѣстѣ съ великаномъ, смѣнилъ вокругъ него, тщательно одѣтый, въ полосатыхъ {166} штанахъ, въ ловкомъ пиджачкѣ, съ большимъ свиткомъ нотъ подъ мышкой. Онъ подавалъ великану гитару. Тотъ стоялъ какъ громадная кукла, механическимъ движеніемъ бралъ инструментъ. Длинный сюртукъ, словно вырѣзанный изъ чернаго дерева, высокіе каблуки, цилиндръ, схваченный прямыми отблесками, — еще увеличивали ростъ стройнаго девятипудоваго сибиряка. Выпятивъ могучую челюсть, онъ билъ пальцемъ по струнамъ. Въ антрактахъ, какъ женщина, жаловался на головокруженія. Фредъ очень его полюбилъ и даже всплакнулъ при разставаніи, такъ какъ быстро привыкалъ къ людямъ. Жизнь его шла по кругу, мѣрно и однообразно, какъ цирковая лошадь. Однажды, въ потемкахъ кулисъ, онъ споткнулся о ведро съ

малярной краской и мягко въ него плюхнулся. Онъ потомъ долго это вспоминалъ, какъ нѣчто необыкновенное.

Такъ объѣхалъ карликъ большую часть Европы, и откладывалъ деньги, пѣлъ серебрянымъ евнушымъ дискантомъ, и въ нѣмецкихъ театрахъ публика ѣла бутерброды и орѣхи на соломинкахъ, а въ испанскихъ — засахаренныя фіалки и тоже орѣхи на соломинкахъ. Міра онъ не видѣлъ. Въ памяти у него осталось только: все та же безликая бездна, смѣющаяся надъ нимъ, а затѣмъ — послѣ спектакля — тихій, мечтательный раскатъ прохладной ночи, которая кажется такой синей, когда выходишь изъ театра.

Вернувшись въ Лондонъ, онъ нашелъ новаго партнера, — фокусника, по имени Шокъ. У Шока былъ пѣвучій голосъ, тонкія, блѣдныя, какъ бы безплотныя руки и каштановый клинъ волосъ, спадающій на бровь. Онъ напоминалъ скорѣе поэта, нежели фокусника и {167} фокусы свои показывалъ съ какой-то нѣжной и плавной печалью, безъ суетливой болтовни, свойственной его профессіи. Картофельный Эльфъ ему смѣшно прислуживалъ, а подъ конецъ — съ радостнымъ воркующимъ возгласомъ появлялся въ райкѣ, хотя за минуту до того всѣ видѣли, какъ фокусникъ его запиралъ въ черный ящикъ, стоявшій посреди сцены.

Все это происходило въ одномъ изъ тѣхъ лондонскихъ театровъ, гдѣ появляются и акробаты, рѣющіе въ звенящемъ трепетѣ трапецій, и иностранный теноръ (неудачникъ на родинѣ) съ народными пѣснями, и чревовѣщатель въ морской формѣ, и велосипедисты, и неизмѣнный, мягко шаркающій по сценѣ клоунъ-эксцентрикъ въ крошечномъ котелкѣ и въ жилетѣ до полу.

2.

За послѣднее время Фредъ какъ то помрачнѣлъ и все чихалъ, беззвучно и грустно, какъ японская собаченка. По цѣлымъ мѣсяцамъ не испытывая влеченія къ женщинѣ, дѣвственный карликъ переживалъ изрѣдка пронзительные приступы одинокой любовной тоски, которые проходили такъ же внезапно, какъ и вспыхивали, и снова на время онъ не замѣчалъ ни голыхъ плечъ, бѣлѣющихъ за бархатнымъ барьеромъ, ни маленькихъ акробатокъ, ни танцовщицы испанской, чьи ляжки обнажались на мигъ, когда при быстромъ круженіи всхлестывалъ оранжевый пухъ ея кудрявыхъ исподнихъ волановъ.

— Карлицу бы тебѣ, — задумчиво сказалъ Шокъ, привычнымъ мазкомъ вынувъ серебряную монету изъ {168} уха карлика, который отмахнулся согнутой ручкой, словно сгонялъ муху.

И въ эту ночь, когда, послѣ своего номера, Фредъ въ пальтишкѣ и котелкѣ, почихивая и урча, сѣменилъ за кулисами по тусклому коридору, — на вершокъ открывшаяся дверь внезапно брызнула веселымъ свѣтомъ, и два голоса позвали его. Это были Зита и Арабелла, сестры-акробатки, обѣ полураздетыя, смуглыя, черноволосыя, съ длинными синими глазами. Въ комнатѣ былъ безпорядокъ, театральная и трепетная пестрота, запахъ духовъ. На подзеркальникѣ валялись пуховки, гребни, граненый флаконъ съ резиновой грушей, шпильки въ коробкѣ изъ подъ шоколада, пурпурно-сальныя палочки грима.

Сестры мгновенно оглушили карлика своимъ лепетомъ. Онѣ щеко-тали и тискали Фреда, который, весь надувшись темной кровью, смотрѣлъ исподлобья и, какъ шаръ, перекачивался между быстрыхъ обнаженныхъ рукъ, дразнившихъ его. И когда Арабелла, играя, притянула его къ себѣ и упала на кушетку, Фредъ почувствовалъ, что сходитъ съ ума и сталъ барахтаться и сопѣть, вцѣпившись ей въ шею. Откидывая его, она подняла голую руку, онъ рванулся, скользнулъ, присосался губами къ бритой мышкѣ, къ горячей, чуть колючей впадинѣ. Другая, Зита, помирая со смѣху, старалась оттащить его за ногу; въ ту же минуту со стукомъ отпахнулась дверь, и, въ бѣломъ, какъ мраморъ, трико, вошелъ французъ, партнеръ акробатокъ. Молча и безъ злобы онъ цопнулъ карлика за шиворотъ, — только щелкнуло крахмальное крылышко, соскочившее съ запонки, — поднялъ на воздухъ и, какъ обезьянку, выбросилъ его изъ комнаты. Захлопнулась дверь. {169} Фокусникъ, бродившій по коридору, успѣлъ замѣтить бѣлый блескъ сильной руки и черную фигурку, поджавшую лапки на лету.

Фредъ больно стукнулся и теперь лежалъ неподвижно. Сознанія онъ не потерялъ, — только весь какъ то обмякъ, смотрѣлъ въ одну точку, мелко стучалъ зубами.

— Плохо, братъ, — вздохнулъ фокусникъ, поднявъ его съ полу и прозрачными пальцами потрагивая круглый лобъ карлика. — Говорилъ тебѣ — не суйся. Вотъ и попало. Карлицу бы тебѣ...

Фредъ молчалъ, выпучивъ глаза.

— Переночуешь у меня, — рѣшилъ Шокъ и, неся Картофельнаго Эльфа на рукахъ, направился къ выходу.

3.

Существовала и госпожа Шокъ.

Это была дама неопредѣленныхъ лѣтъ, темноглазая, съ желтоватыми бѣлками. Ея худоба, пергаментный оттѣнокъ кожи, черные сухіе волосы, привычка выдувать черезъ ноздри папиросный дымъ, обдуманная неряшливость платья и прически, — все это мужчинъ не привлекало, но,

вѣроятно, нравилось фокуснику, хотя на самомъ дѣлѣ онъ жены будто и не замѣчалъ, всегда занятый своими сокровенными вымыслами, зыбкій, ненастоящій, думавшій о чемъ то своемъ, когда говорилъ о пустякахъ, внимательный и зоркій, когда казался погруженнымъ въ астрологическія мечты. Нора всегда была насторожѣ, ибо онъ не могъ пропустить случай, чтобы не сотворить обмана, мелкаго, ненужнаго, но изысканно хитраго. Такъ, случалось, что за {170} обѣдомъ онъ изумлялъ ее необычной прожорливостью, сочно чавкалъ, обсасывалъ кости, снова и снова накладывалъ себѣ полную тарелку, потомъ уходилъ, грустно взглянувъ на жену, — а погода горничная, хихикая въ передникъ, докладывала, что господинъ Шокъ и не притрагивался къ обѣду, что весь его обѣдъ остался въ трехъ новыхъ кастрюляхъ подъ столомъ.

Она была дочь почтеннаго художника, писавшаго только лошадей, пятнистыхъ псовъ да охотниковъ въ красныхъ фракахъ, и до свадьбы жила въ Челси, восхищалась дымными закатами надъ Темзой, рисовала, посѣщала нелѣпныя собранія, на которыхъ бывала лондонская богема, — и тамъ то ее отмѣтили призрачные глаза тихаго, тонкаго человѣка, который говорилъ мало и еще никому не былъ извѣстенъ. Подозрѣвали, что онъ лирической поэтъ. Она стремительно имъ увлеклась. Поэтъ разсѣянно обручился съ нею, а въ первый же день послѣ свадьбы объявилъ съ печальной улыбкой, что стиховъ онъ писать не умѣетъ, и тутъ же, во время разговора, превратилъ старый будильникъ въ никелевый хронометръ, а хронометръ въ крошечные золотые часики, которые Нора и носила съ тѣхъ поръ на кисти. Она понимала, что фокусникъ Шокъ все-таки поэтъ въ своемъ родѣ, но только никогда не могла привыкнуть къ тому, что онъ ежеминутно, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, проявляетъ свое искусство. Мудрено быть счастливой, когда мужъ — миражъ, ходячій фокусъ, обманъ всѣхъ пяти чувствъ.

4.

Она разсѣянно стучала ногтемъ по стеклу банки, въ которой нѣсколько золотыхъ рыбокъ, будто вырѣзанныхъ {171} изъ апельсиновой корки, дышали и вспыхивали плавниками, когда дверь безшумно открылась, и на порогѣ появился Шокъ, — цилиндръ набекрень, каштановая прядь надъ бровью, — и держалъ онъ на рукахъ скрюченную фигурку.

— Принесъ, — со вздохомъ сказалъ фокусникъ.

Нора быстро подумала: ребенокъ... найденный... подобралъ... Ея темные глаза повлажнѣли.

— Усыновить придется, — тихо проговорилъ Шокъ, выжидательно застывшій въ дверяхъ.

Фигурка вдругъ ожила, забормотала, стала стыдливо царапать по крахмальной груди фокусника. Нора взглянула на маленькіе ботинки въ замшевыхъ гетрахъ, на котелокъ...

— Меня не такъ то легко провести, — сказала она, усмѣхнувшись въ носъ.

Фокусникъ укоризненно взглянулъ на нее; затѣмъ опустилъ Фреда на плюшевый диванъ, накрылъ его пледомъ.

— Акробатъ потрепаль, — пояснилъ Шокъ, и не могъ не добавить: — Гирей хватилъ. По самому животишкѣ.

И Нора, сердобольная, какъ многія бездѣтныя женщины, почувствовала такую особенную жалость, что чуть не расплакалась. Она принялась няньчиться съ карликомъ, накормила, дала портвейну, душистымъ спиртомъ натерла ему лобъ, виски, дѣтскія впадины за ушами.

На слѣдующій день Фредъ проснулся спозаранку, побродилъ по незнакомой комнатѣ, поговорилъ съ золотыми рыбками и потомъ, тихо чихнувъ, примостился, какъ мальчикъ, на широкомъ подоконникѣ.
{172}

Тающій, прелестный туманъ омывалъ сѣрыя крыши. Гдѣ-то вдали открылось чердачное окно, и стекло поймало блескъ солнца. Свѣжо и нѣжно пропѣлъ автомобильный рожокъ.

Фредъ думалъ о вчерашнемъ. Странно спутывались смѣющіеся голоса акробатокъ и прикосновенія душистыхъ холодныхъ рукъ госпожи Шокъ. Его сначала обидѣли, потомъ приласкали, а былъ онъ очень привязчивый, очень пылкій карликъ. Помечталъ онъ о томъ, что когда-нибудь спасетъ Нору отъ сильнаго грубаго человѣка, вродѣ того француза въ бѣломъ трико. Некстати вспомнилась ему пятнадцатилѣтняя карлица, съ которой онъ гдѣ-то выступалъ вмѣстѣ. Карлица была востроносая, больная, злющая. Публикѣ ее представили, какъ невѣсту Фреда, и онъ, вздрагивая отъ отвращенія, долженъ былъ танцевать съ нею тѣсный танго.

Опять одиноко пропѣлъ и пронесся рожокъ. Туманъ надъ нѣжной лондонской пустыней наливался солнцемъ.

Къ восьми часамъ квартира ожила: фокусникъ, разсѣянно улыбаясь, ушелъ изъ дома, а куда — неизвѣстно; вкусно пахло въ столовой жаренымъ саломъ, лежавшимъ прозрачными ломтиками подъ горячими пузырями яичницы. Небрежно причесанная, въ халатѣ, расшитомъ парчевыми подсолнухами, появилась госпожа Шокъ.

Послѣ завтрака она угостила Фреда пахучей папиросой, кончикъ которой былъ обтянутъ алымъ лепесткомъ и, прикрывъ глаза, заставила его рассказывать, какъ ему живется. Въ такихъ случаяхъ голосокъ

Фреда становился чуть басистѣе, говорилъ онъ медленно, {173} подбирая тщательно слова, и эта неожиданная степенность слога — странно сказать — шла къ нему. Наклонивъ голову, сосредоточенный и упругій, онъ бочкомъ сидѣлъ у ногъ Нору, которая полулежала на плюшевомъ диванѣ, обнаживъ острые локти заломленныхъ рукъ. Карликъ, досказавъ свое, умолкъ, но все еще поворачивалъ туда-сюда ладошку, словно продолжалъ тихо говорить. Его чернѣйшій пиджачекъ, наклоненное лицо, мясистый носикъ, желтые волосы и проборъ на макушкѣ неясно умиляли Нору. Глядя на него сквозь рѣсницы, она старалась представить себѣ, что это сидитъ не карликъ, а ея несуществующій сынъ, и рассказываетъ, какъ его обижаютъ въ школѣ. Протянувъ руку, Нора легко погладила его по головѣ, и въ то же мгновение, по непонятному сочетанію мыслей, ей померещилось другое, мстительное и любопытное.

Почувствовавъ у себя на волосахъ ея шевелившіеся пальцы, карликъ застылъ и вдругъ началъ молча и быстро облизываться. Скосивъ глаза въ сторону, онъ не могъ оторвать взглядъ отъ изумруднаго помпона на туфлѣ госпожи Шокъ.

И внезапно какимъ то нелѣпымъ и упоительнымъ образомъ все пришло въ движеніе.

5.

Въ этотъ сизый, солнечный августовскій день Лондонъ былъ особенно прекрасенъ. Легкое, праздничное небо отражалось въ гладкихъ потокахъ асфальта, румянымъ лакомъ пылали почтовые тумбы на углахъ, въ гобеленовой зелени парка прокатывалъ блескъ и шелестъ автомобилей, — весь городъ искрился, дышалъ {174} млѣющей теплотой, и только внизу, на платформахъ подземныхъ дорогъ, было прохладно.

Каждый отдѣльный день въ году подаренъ одному только человѣку, самому счастливому; всѣ остальные люди пользуются его днемъ, наслаждаясь солнцемъ или сердясь на дождь, но никогда не зная, кому день принадлежитъ по праву, и это ихъ незнаніе пріятно и смѣшно счастливцу. Человѣкъ не можетъ провидѣть, какой именно день достанется ему, какую мелочь будетъ вспоминать онъ вѣчно, — свѣтовую ли рябь на стѣнѣ вдоль воды или кружащійся кленовый листъ, да и часто бываетъ такъ, что узнаетъ онъ день свой только среди дней прошедшихъ, только тогда, когда давно уже сорванъ, и скомканъ, и брошенъ подъ столъ календарный листокъ съ забытой цифрой.

Фреду Добсону, карлику въ мышинныхъ гетрахъ, Господь Богъ подарилъ тотъ веселый августовскій день, который начался нѣжнымъ гудкомъ и поворотомъ вспыхнувшей рамы. Дѣти, возвратившись съ про-

гулки, рассказывали родителямъ, захлебываясь и изумляясь, что видѣли карлика въ котелкѣ, въ полосатыхъ штанахъ, съ тросточкой и парой желтыхъ перчатокъ въ рукахъ.

Страстно простившись съ Норой, ожидавшей гостей, Картофельный Эльфъ вышелъ на широкую, гладкую улицу, облитую солнцемъ, и сразу понялъ, что весь городъ созданъ для него одного. Веселый шоферъ звонкимъ ударомъ согнулъ желѣзный флажокъ таксометра, мимо пошла улица, и Фредъ то и дѣло соскальзывалъ съ кожаного сиденья и все смѣялся, ворковалъ самъ съ собою. {175}

Онъ вылѣзъ у входа въ Хайдъ-Паркъ и, не замѣчая любопытныхъ взглядовъ, засѣмнилъ вдоль зеленыхъ складныхъ стульевъ, вдоль бассейна, вдоль огромныхъ кустовъ рододендрона, темнѣвшихъ въ тѣни ильмовъ и липъ, надъ муравой, яркой и ровной, какъ бильярдное сукно. Мимо проносились всадники, легко подскакивая, скрипя желтой кожей крагъ, взмахивали тонкія конскія морды, звякая удилами, — и черныя дорогія машины, ослѣпительно вспыхивая спицами, сдержанно катились по крупному кружеву лиловыхъ тѣней.

Карликъ шелъ, вдыхая теплый запахъ бензина, запахъ листвы, какъ бы уже гниющей отъ избытка зеленого сока, и вертѣлъ тросточкой, надувалъ губы, словно собираясь свистѣть, — такое было въ немъ чувство свободы и легкости. Нора проводила его съ такой торопливой нѣжностью, такъ взволнованно смѣялась, — видно, ей страшно было, что старикъ отецъ, который всегда являлся ко второму завтраку, начнетъ что-нибудь подозрѣвать, заставши у нея незнакомаго господина.

Въ этотъ день его видѣли повсюду — и въ паркѣ, гдѣ румяная няня въ крахмальной наколкѣ, толкавшая дѣтскую коляску, почему то предложила его прокатить, и въ залахъ Британскаго музея, и на живой лѣстницѣ, медленно выползающей изъ подземныхъ глубинъ, полныхъ электрическихъ дуновеній, нарядныхъ рекламъ, гула, и въ изысканномъ магазинѣ, гдѣ продаются только мужскіе платки, и на хребтѣ автобуса, куда посадили его чьи-то добрыя руки.

А потомъ онъ усталъ, ошалѣлъ отъ движенія и блеска, стало тревожно отъ смѣющихся глазъ. И надо {176} было осмыслить то широкое чувство свободы, гордости, счастья, которое не покидало его.

Когда, проголодавшись, Фредъ зашелъ въ знакомый ресторанчикъ, гдѣ собирались всякаго рода артисты, и гдѣ его присутствіе никого не удивляло, онъ понялъ, взглянувъ на посѣтителей, на стараго, скучнаго клоуна, уже пьянаго, на своего врага француза, дружелюбно ему кивнувшего, понялъ совершенно отчетливо, что на подмостки онъ не выйдетъ больше никогда.

Въ ресторанѣ было еще по-дневному темновато. Скучный клоунъ, смахивающій на прогорѣвшаго банкира, и акробатъ, странно неуклюжій въ пиджакѣ, молча играли въ домино. Испанская танцовщица въ громадной шляпѣ, бросавшей синюю тѣнь на глаза, сидѣла одна за угловымъ столикомъ, перекинувъ ногу на ногу. Было еще семь-восемь человѣкъ, незнакомыхъ Фреду; онъ разглядывалъ ихъ лица, поблекшія отъ грима, пока лакей подкладывалъ ему подушку, вскидывалъ скатертью, проворно разставлялъ приборъ.

И внезапно поодаль, въ сумракѣ ресторана, Фредъ узналъ тонкій профиль фокусника, который тихо бесѣдовалъ съ пожилымъ, тучнымъ господиномъ американскаго пошиба. Фредъ не ожидалъ встрѣтить фокусника, никогда не посѣщавшаго кабаки, да и вообще позабылъ объ его существованіи. Теперь ему стало такъ жаль бѣднаго Шока, что онъ сперва рѣшилъ все скрыть отъ него; но подумалъ, что все равно Нора обманывать не умѣетъ и, вѣроятно, сегодня же объявитъ мужу (я полюбила Фреда Добсона, я покидаю тебя...), — а вѣдь это разговоръ непріятный, трудный, и потому надо ей облегчить дѣло, — онъ рыцарь ея, онъ гордится {177} ея любовью, — и какъ бы онъ Шока ни жалѣлъ, а огорчить его придется.

Между тѣмъ лакей принесъ порцію пирога съ почками и каменную бутылку имбирнаго пива. Затѣмъ включилъ свѣтъ. Тамъ и сямъ надъ пыльнымъ бархатомъ вспыхнули стеклянные цвѣты, и карликъ видѣлъ издали, какъ золотистымъ блескомъ засквозила каштановая прядь на лбу у фокусника, какъ изъ свѣта въ тѣнь переходили его нѣжные прозрачные пальцы. Его собесѣдникъ всталъ, оправляя подъ пиджакомъ кожаный поясокъ и льстиво улыбаясь Шоку, который проводилъ его до вѣшалки. Толстякъ нахлобучилъ широкополую шляпу, пожалъ легкую руку фокусника и, все еще подтягивая штаны, вышелъ изъ ресторана. На мигъ засвѣтлѣла полоска остывающаго дня, и лампочки въ ресторанѣ стали желтѣе. Бухнула дверь.

— Шокъ! — позвалъ Картофельный Эльфъ, суча ножками подъ столомъ.

Шокъ подошелъ. На ходу задумчиво вынулъ изъ бокового кармана горящую сигару, затянулся, выпустилъ клубъ дыма и сунулъ ее обратно за пазуху. Какъ онъ это дѣлалъ — неизвѣстно.

— Шокъ, — сказалъ карликъ, у котораго отъ имбирнаго пива покраснѣлъ носъ, — мнѣ нужно съ вами поговорить. Это очень важно.

Фокусникъ сѣлъ рядомъ, облокотился.

— Голова не болитъ? — спросилъ онъ равнодушно.

Фредъ вытеръ губы салфеткой; никакъ не зналъ, какъ начать, чтобы не сдѣлать слишкомъ больно другу. {178}

— А нынче вечеромъ я выступаю вмѣстѣ съ тобой въ послѣдній разъ, — сказалъ фокусникъ. — Американецъ увозить. Выходить, кажется, недурно.

— Послушайте, Шокъ, — и карликъ, кроша хлѣбъ, сталъ съ трудомъ подбирать нужныя слова. — Вотъ... Будьте храбрымъ, Шокъ. Я люблю вашу жену. Сегодня, когда вы ушли, я съ нею... мы съ нею... она...

— Только я плохо переношу качку, — задумчиво проговорилъ фокусникъ, — а до Бостона недѣля... Я плылъ въ Индію когда-то. Потомъ чувствовалъ себя, какъ вотъ нога, когда ее отсидишь.

Фредъ, багровѣя, теръ о скатерть кулачкомъ. Фокусникъ тихо засмѣялся своимъ мыслямъ, затѣмъ спросилъ:

— А ты что-то хотѣлъ сказать мнѣ, дружокъ?

Карликъ глянулъ въ его призрачные глаза, смущенно замоталъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ничего... Съ вами невозможно говорить.

Шокъ протянулъ руку, хотѣлъ видно выщелкнуть монету изъ уха карлика, — но, въ первый разъ за многіе годы мастерскихъ чародѣйствъ, монета некстати выпала, слишкомъ слабо захваченная мускулами ладони. Фокусникъ подхватилъ ее, всталъ.

— А я здѣсь обѣдать не буду, — сказалъ онъ, съ любопытствомъ разглядывая макушку карлика, — мнѣ тутъ не нравится.

Фредъ, надутый и молчаливый, ѣлъ печеное яблоко. Фокусникъ незамѣтно ушелъ. Въ ресторанѣ было пустынно. Томную испанскую плясунью въ большой {179} шляпѣ увелъ неловкій, прекрасно одѣтый молодой человѣкъ съ голубыми глазами.

— Не хочеть слушать, такъ и не надо, — подумалъ Фредъ, облегченно вздохнувъ и рѣшивъ про себя, что въ концѣ то концовъ Нора объяснить лучше. Потомъ онъ попросилъ бумаги и сталъ писать ей письмо. Кончалось оно такъ: «Теперь Вы понимаете, что продолжать прежнюю жизнь я не могу. Каково было бы вамъ знать, что каждый вечеръ людское стадо хохочетъ надъ Вашимъ избранникомъ? Завтра же я уѣзжаю, порвавъ ангажементъ. Напишу Вамъ снова, какъ только найду тотъ мирный уголокъ, гдѣ, послѣ Вашего развода, мы будемъ любить другъ друга, моя Нора».

Такъ завершился быстрый день, подаренный карлику въ мышинныхъ гетрахъ.

6.

Лондонъ осторожно вечерѣлъ. Уличные звуки сливались въ тихій музыкальный гулъ, словно кто-то, переставъ играть, все еще нажималъ

педадь. Черные листья парковых липъ выдѣлялись на прозрачномъ небѣ, какъ узоры изъ пиковыхъ тузовъ. Иногда, на поворотѣ улицы или между двухъ траурныхъ башенъ, появлялся, какъ видѣніе, пожаръ заката. Шелестѣли въ окнахъ шторы, спадали мягкими хлопьями.

Фокусникъ всегда заѣзжалъ домой пообѣдать и переодѣться въ профессиональный фракъ, чтобы потомъ сразу отправиться въ театръ. Нора въ этотъ вечеръ ждала его съ особеннымъ нетерпѣніемъ, трепеща отъ дурной радости. Радовалась она тому, что теперь и {180} она имѣетъ свою тайну. Самого карлика не хотѣлось вспоминать. Карликъ былъ непріятный червячокъ.

Тонко щелкнулъ замокъ входной двери. Какъ это часто бываетъ, когда знаешь, что обманулъ человѣка, лицо фокусника показалось ей новымъ, почти чужимъ. Кивнувъ ей, онъ какъ то стыдливо и грустно опустилъ рѣсницы; молча сѣлъ за столъ противъ нея. Нора взглянула на его легкій сѣрый пиджакъ, въ которомъ онъ казался еще тоньше, еще неуловимѣе, и глаза ея заиграли теплымъ торжествомъ, злой живчикъ задрожалъ въ уголку рта.

Она спросила, наслаждаясь небрежностью вопроса:

— Какъ поживаетъ твой карликъ? Я думала, ты приведешь его.

— Не видалъ сегодня, — отвѣтилъ Шокъ, принимаясь ѣсть. Вдругъ онъ спохватился: вынулъ пузырекъ и, осторожно скрипнувъ пробкой, наклонилъ его надъ рюмкой съ виномъ.

Нора съ раздраженіемъ подумала, что сейчасъ будетъ фокусъ, вино станетъ ярко синимъ или прозрачнымъ, какъ вода, но цвѣтъ вина не измѣнился. Шокъ, уловивъ ея взглядъ, туманно улыбнулся.

— Для пищеваренія... Капли такія, — объяснилъ онъ. Волна задумчивости прошла по его лицу.

— Лжешь, какъ всегда, — сказала Нора. — У тебя отличный желудокъ.

Фокусникъ тихо засмѣялся. Потомъ дѣловито кашлянулъ и однимъ залпомъ осушилъ рюмку.

— Да ѣшь же, — сказала Нора. — Остынетъ.

Злорадно подумала: ахъ, если бъ ты зналъ! Никогда не узнаешь. Въ этомъ теперь моя сила. {181}

Фокусникъ ѣлъ молча. Вдругъ онъ поморщился, отодвинулъ тарелку и заговорилъ. Какъ обычно, глядѣлъ онъ не прямо на жену, а чуть повыше ея, и голосъ былъ пѣвучъ и мягокъ. Онъ рассказывалъ, какъ сегодня побывалъ у короля въ Виндзорѣ, куда пригласили его развлекать маленькихъ герцоговъ въ бархатныхъ курткахъ и кружевныхъ воротникахъ. Рассказывалъ онъ живописно и легко, передразнивая видѣнныхъ лицъ, посмѣивался, чуть вбокъ наклоняя голову.

— Я выпустилъ стаю бѣлыхъ голубей изъ цилиндра, — рассказы-валъ онъ.

— А у карлика были потныя ручки, и ты все врешь, — мысленно встала Нора.

— ...И, знаешь, эти самые голуби стали летать вокругъ королевы. Она отъ нихъ отмахивалась и улыбалась изъ вѣжливости.

Фокусникъ всталъ, пошатнулся, легко оперся двумя пальцами объ край стола и проговорилъ, словно доканчивая свой рассказъ:

— Мнѣ нехорошо, Нора. Я выпилъ яду. Ты не должна была мнѣ измѣнять.

Его горло надулось, и, прижавъ платокъ къ губамъ, онъ вышелъ изъ комнаты.

Нора стремительно поднялась, смахнувъ янтарями длиннаго ожерелья серебряный ножъ съ тарелки.

— Все нарочно, — злобно подумала она. — Хочетъ напугать, помучить меня. Нѣтъ, братъ, ни къ чему. Увидишь!

Ей было досадно, что Шокъ такъ просто разгадалъ ея тайну, но по крайней мѣрѣ у нея теперь будетъ поводъ все ему высказать, крикнуть, что ненавидитъ его, презираетъ неистово, что онъ не человѣкъ, а резиновый {182} призракъ, что жить съ нимъ дольше она не въ силахъ, что...

Фокусникъ сидѣлъ на постели, сгорбившись и мучительно стиснувъ зубы, но попытался улыбнуться, когда въ спальню ворвалась Нора.

— Такъ и повѣрю, такъ и повѣрю, — захлебывалась она. — Нѣтъ ужъ, кончено! И я умѣю обманывать. Ты гадокъ мнѣ, ахъ ты смѣшонъ мнѣ своими неудачными фокусами!

Шокъ, продолжая растерянно улыбаться, старался встать съ постели, шаркалъ подошвой по ковру. Нора замолкла, придумывая, что бы еще крикнуть оскорбительнаго.

— Не надо... Если что... прости меня... — съ трудомъ выдохнулъ Шокъ.

Жила вздулась у него на лбу. Онъ еще больше скорчился, заклокоталъ, потряхивая потной прядью волосъ, — и платокъ, который онъ судорожно придавилъ ко рту, набухъ бурой кровью.

— Перестань дурака валять, — топнула ногой Нора.

Онъ выпрямился, блѣдный, какъ воскъ, отшвырнулъ платокъ въ уголь.

— Пстой, Нора... Ты не понимаешь... Это — мой послѣдній фокусъ... Больше не буду...

Снова исказилось его страшное, лоснящееся лицо. Онъ закачался, опустился на постель, откинулъ голову.

Нора подошла, поглядѣла, сдвинувъ брови. Шокъ лежалъ, закрывъ глаза, скрипя стиснутыми зубами. Когда она наклонилась надъ нимъ, его рѣсницы вздрогнули, онъ посмотрѣлъ туманно, какъ бы не узнавая {183} жены, и вдругъ узналъ, и въ его глазахъ мелькнулъ влажный лучъ нѣжности и страданья.

И мгновенно Нора поняла, что она любитъ его больше всего на свѣтѣ, и ужасъ и жалость вихремъ обдали ее. Она закружилась по комнатѣ, для чего-то налила воды въ стаканъ, оставила его на рукомошникѣ, опять подлетѣла къ мужу, который привсталъ и, прижавъ край простыни къ губамъ, вздрагивалъ, ухалъ, выпучивъ бессмысленные, уже отуманенные смертью глаза. Тогда она всплеснула руками, метнулась въ сосѣдную комнату, гдѣ былъ телефонъ, долго шатала вилку, спутала номеръ, позвонила сызнова, со стономъ дыша и стуча кулакомъ по столу, и, когда, наконецъ, донесся голосъ доктора, крикнула, что мужъ отравился, умираетъ, бурно зарыдала въ трубку и, криво повѣсивъ ее, кинулась обратно въ спальню.

Фокусникъ, свѣтлый и гладкій, въ бѣломъ жилетѣ, въ черныхъ чеканныхъ штанахъ, стоялъ передъ трюмо и, разставивъ локти, осторожно завязывалъ галстукъ. Увидя въ зеркало Нору, онъ, не оборачиваясь, разсѣянно улыбнулся ей и, тихо посвистывая, продолжалъ теревить прозрачными пальцами черные шелковые углы.

7.

Городокъ Друзи, въ сѣверной Англии, былъ такой сонный на видъ, что казалось, будто кто-то позабылъ его среди туманныхъ, плавныхъ полей, гдѣ городокъ и заснулъ навѣки. Былъ почтамтъ, велосипедный магазинъ, двѣ-три табачныхъ лавки съ красно-синими вывѣсками, старинная сѣрая церковь, окруженная могильными {184} плитами, на которыхъ потягивалась тѣнь громаднаго каштана, — и вдоль единственной улицы шли зеленыя ограды, садики, низкіе кирпичные дома, косо обтянутые плющомъ. Одинъ изъ этихъ домишекъ былъ сданъ нѣкому Ф. Добсону, котораго никто въ лицо не зналъ, кромѣ доктора, а докторъ болтать не любилъ. Господинъ Добсонъ, повидимому, никогда не выходилъ изъ дому, и его экономка, строгая, толстая женщина, служившая раньше въ пріютѣ для душевнобольныхъ, отвѣчала на случайные вопросы сосѣдей, что господинъ Добсонъ — старикъ-паралитикъ, обреченный жить въ полусумракѣ и тишинѣ. Его и позабыли въ тотъ же годъ, какъ прибылъ онъ въ Друзитонъ: сталъ онъ чемъ-то незамѣтнымъ, но всѣми принятымъ на вѣру, какъ тотъ безымянный епископъ,

чей каменный образъ стоялъ такъ давно въ нишѣ надъ церковными воротами. Повидимому, у таинственнаго старика былъ внукъ, — тихій, бѣлокурый мальчикъ, который иногда въ сумерки выходилъ изъ дому господина Добсона мелкой и робкой походкой. Случалось это, впрочемъ, такъ рѣдко, что никто не могъ сказать навѣрняка, тотъ ли это все мальчикъ или другой, — да и сумерки были туманныя, синія, смягчающія всѣ очертанія. Такъ дремотные, нелюбопытные жители городка проглядѣли вовсе, что мнимый внукъ мнимаго паралитика не растеть съ годами, и что его льяные волосы не что иное, какъ прекрасно сдѣланный паричекъ. Ибо Картофельный Эльфъ началъ лысѣть въ первый же годъ своей новой жизни, и вскорѣ его голова стала такой гладкой и блестящей, что строгой Аннѣ, его экономкѣ, подчасъ хотѣлось ладонью обхватить эту смѣшную круглоту. Въ остальномъ онъ измѣнился мало: {185} только, пожалуй, чуть отяжелѣло брюшко, да багровыя ниточки засквозили на потемнѣвшемъ, пухломъ носу, который онъ пудрилъ, когда наряжался мальчикомъ. Кромѣ того, и Анна и докторъ знали, что тѣ сердечные припадки, которыми карликъ страдалъ, добромъ не кончатся.

Жилъ онъ мирно и незамѣтно въ своихъ трехъ комнатахъ, выпи-сывалъ изъ библіотеки книжки по три, по четыре въ недѣлю, — все больше романы, — завелъ себѣ черную, желтоглазую кошку, такъ какъ смертельно боялся мышей, которыя вечеромъ мелко шарахались, словно перекатывали деревяшки, въ углу за шкапомъ; много и сладко ѣлъ, — иной разъ даже вскочить среди ночи и, зябко просѣменивъ по холодному полу, маленькій и жуткій въ своей длинной сорочкѣ, лѣзетъ, какъ мальчикъ, въ буфетъ за шоколадными печеньями. И все рѣже вспоминалъ онъ свою любовь и первые страшные дни, проведенные имъ въ Друзитонѣ.

Впрочемъ въ столѣ, среди тонкихъ, прилежно сложенныхъ афишъ, еще хранился у него листъ почтовой бумаги тѣлеснаго цвѣта съ водянымъ знакомъ въ видѣ дракона, исписанный угловатымъ, неразборчивымъ почеркомъ. Вотъ что стояло на этомъ листѣ: «Дорогой господинъ Добсонъ. Я получила и второе Ваше письмо, въ которомъ Вы меня зовете приѣхать къ Вамъ въ Д. Я боюсь, что вышло страшное недоразумѣніе. Постарайтесь простить и забыть меня. Завтра мы съ мужемъ уѣзжаемъ въ Америку и, вѣроятно, вернемся нескоро. Не знаю, что еще Вамъ написать, мой бѣдный Фредъ».

Тогда то и случился съ нимъ первый сердечный припадокъ. Кроткій блескъ удивленія съ тѣхъ поръ {186} остался у него въ глазахъ. И въ продолженіе многихъ дней онъ все ходилъ по дому, глотая слезы и помахивая у себя передъ лицомъ дрожащей маленькой рукой.

А потомъ Фредъ сталъ забывать, полюбилъ уютъ, до сихъ поръ ему невѣдомый, — голубыя пленки пламени надъ углями въ каминѣ, пыльныя вазочки на полукруглыхъ полкахъ, гравюру между оконъ: сенбернаръ съ флягой у ошейника и ослабѣвшій путникъ на черной скалѣ. Рѣдко вспоминалъ онъ свою прежнюю жизнь. Только во снѣ порою чудилось ему, что звѣздное небо наполняется зыбкимъ трепетомъ трапецій, — и потомъ захлопывали его въ черный ящикъ, онъ слышалъ сквозь стѣнки пѣвучій, равнодушный голосъ Шока и не могъ найти люкъ въ полу, задыхался въ клейкомъ сумракѣ, — а голосъ фокусника становился все печальнѣе, удалялся, таялъ, — и Фредъ просыпался со стономъ на своей широкой постели въ тихой и темной спальнѣ, гдѣ чуть пахло лавендой, и долго глядѣлъ, задыхаясь и прижимая кулачокъ къ спотыкающемуся сердцу, на блѣдное пятно оконной занавѣски.

И съ годами все слабѣе и слабѣе вздыхала въ немъ тоска по женской любви, словно Нора мгновенно вытянула изъ него весь жаръ, такъ мучившій его когда-то. Были, правда, нѣкоторые дни, нѣкоторые весенніе смутные вечера, когда карликъ, стыдливо нарядившись въ короткіе штаны и прикрывъ лысину бѣлокурнымъ паричкомъ, уходилъ изъ дому въ сумеречную муть и, сѣменя тропинкой вдоль полей, вдругъ замиралъ и глядѣлъ, томясь, на туманную чету влюбленныхъ, оцѣпенѣвшихъ у изгороди, подъ защитой цвѣтущей ежевики. А потомъ и это прошло, и людей онъ пересталъ видѣть вовсе. Только изрѣдка заходилъ докторъ, сѣдой, {187} съ пронзительными черными глазами, и сидя противъ Фреда за шахматной доской, съ любопытствомъ и наслажденіемъ разглядывалъ мягкія ручки, бульдожье лицо карлика, который, обдумывая ходъ, морщилъ выпуклый лобъ.

Прошло восемь лѣтъ. Было воскресное утро. На столѣ, накрытый колпакомъ ввидѣ головы попугая, ждалъ Фреда кувшинъ какао. Въ окно лилась солнечная зелень яблонь. Толстая Анна смахивала пыль съ крышки маленькой піанолы, на которой карликъ иногда игралъ валкіе вальсы; на банку апельсиннаго варенья садились мухи и потирали переднія лапки.

Вошелъ Фредъ, слегка заспанный, въ клѣтчатыхъ туфляхъ на босу ногу, въ черномъ халатикѣ съ желтыми бранденбургами. Сѣлъ къ столу, щурясь отъ блеска и поглаживая рукой лысину. Анна ушла въ церковь. Фредъ притянулъ къ себѣ иллюстрированный листокъ воскресной газеты, долго разглядывалъ, то поджимая, то выпячивая губы, премированныхъ щенятъ, русскую балерину, склоненную въ лебединомъ томленіи, цилиндръ и мордастое лицо всѣхъ надувшаго финансиста. Подъ столомъ кошка, выгнувъ спину, терлась объ его голую лодыжку. Онъ допилъ какао, всталъ позѣвывая; ночью ему было чрезвычайно

скверно, — никогда еще такъ сердце не мучило, и теперь ему было лѣнь одѣваться, неприятно холодѣли ноги. Онъ перебрался на кресло у окна, сложился калачикомъ и такъ сидѣлъ, ни о чемъ не думая, и рядомъ потягивалась кошка, разѣвая крошечную розовую пасть.

Въ передней затренькалъ звонокъ. {188}

— Докторъ, — подумалъ Фредъ равнодушно и, вспомнивъ, что Анна въ церкви, самъ пошелъ открывать.

Въ дверь хлынуло солнце. На порогѣ стояла высокая дама, вся въ черномъ. Фредъ отскочилъ, пробормоталъ что-то и, запахивая халатъ, кинулся въ комнаты. На бѣгу потерялъ туфлю, не успѣлъ подобрать, — надо было скорѣе спрятаться, только бы не успѣли замѣтить, что онъ карликъ. Прерывисто дыша, онъ остановился среди гостиной. Ахъ, надо было просто захлопнуть входную дверь!.. И кто это могъ зайти къ нему? Ошибка какая-нибудь...

И вдругъ онъ отчетливо слышалъ стукъ приближающихся шаговъ. Онъ метнулся изъ гостиной въ спальню, хотѣлъ запереться, да не было ключа. Въ гостиной на коврѣ осталась вторая туфля.

— Это ужасно, — передохнулъ Фредъ и прислушался.

Шаги вошли въ гостиную. Тогда, съ легкимъ стономъ, карликъ побѣждалъ къ платяному шкафу — спрятаться бы!..

Голосъ, несомнѣнно знакомый, выкликнулъ его имя, и открылась дверь.

— Фредъ, отчего вы такъ боитесь меня?

Карликъ, босой, со вспотѣвшей лысиной, въ черномъ своемъ халатикѣ, замеръ у шкапа, все еще держась за кольцо замка. Ему вспомнились очень живо оранжевыя рыбки за стекломъ.

Она болѣзненно постарѣла за эти годы. Подъ глазами были оливковыя тѣни; отчетливѣй, чѣмъ нѣкогда, темнѣли волоски надъ верхней губой. И отъ черной {189} шляпы ея, отъ строгихъ складокъ чернаго платья вѣяло чемъ то пыльнымъ и горестнымъ.

— Я никогда не думалъ... — медленно началъ Фредъ, глядя на нее исподлобья.

Нора взяла его за плечи, повернула къ свѣту, жадными и печальными глазами стала разглядывать его черты. Карликъ смущенно мигалъ, мучительно жалѣя, что онъ безъ парика, и дивясь волненью Норы. Онъ такъ давно пересталъ думать о ней, что теперь, кромѣ грусти и удивленья, онъ не чувствовалъ ничего. Нора закрыла глаза, все еще держа его за плечи, и потомъ, легонько оттолкнувъ карлика, отвернулась къ окну.

Фредъ кашлянулъ:

— Я васъ совсѣмъ потерялъ изъ виду. Скажите, какъ поживаетъ Шокъ?

— Фокусы показываетъ, — отвѣтила разсѣяннo Нора. — Мы только недавно вернулись въ Лондонъ.

Она, не снимая шляпы, сѣла въ кресло у окна, продолжая со странной пристальностью смотрѣть на Фреда.

— Такъ значить Шокъ... — торопливо заговорилъ карликъ, чувствуя неловкость отъ ея взгляда.

— Все тотъ же, — сказала Нора и, не сводя съ него блестящихъ глазъ, стала быстро стягивать и комкать перчатки, глянцеvито черныя, съ бѣлымъ исподомъ.

— Неужели она опять, — отрывисто подумалъ карликъ. Пронеслось въ мысляхъ: банка съ рыбками, запахъ одеколона, изумрудные помпоны на туфляхъ.

Нора встала: двумя черными комочками покатались перчатки на полъ. {190}

— Садъ маленькій, но въ немъ яблони, — сказалъ Фредъ и все продолжалъ недоумѣвать: неужели я когда-нибудь могъ... Она совсѣмъ желтая. Съ усами. И что это она все молчитъ?

— Но я рѣдко выхожу, — говорилъ онъ, слегка раскачиваясь на стулѣ и потирая колѣнки.

— Фредъ, — сказала Нора, — знаете ли вы, почему я приѣхала къ вамъ?

Она подошла къ нему вплотную. Фредъ съ виноватой усмѣшкой соскользнулъ со стула, стараясь увернуться.

Тогда она очень тихо сказала:

— У меня вѣдь былъ сынъ отъ васъ...

Карликъ замеръ, уставившись на крошечное оконце, горѣвшее на синей чашкѣ. Робкая, изумленная улыбка заиграла въ уголкахъ его губъ, расширилась, озарила лиловатымъ румянцемъ его щеки.

— Мой... сынъ...

И мгновенно онъ понялъ все, весь смыслъ жизни, долгой тоски своей, блика на чашкѣ.

Онъ медленно поднялъ глаза. Нора бокомъ сидѣла на стулѣ и плакала навзрыдъ. Какъ слеза, сверкала стеклянная головка ея шляпной булавки. Кошка, нѣжно урча, терлась объ ея ноги.

Карликъ подскочилъ къ ней, вспомнилъ романъ, недавно читанный.

— Да вы не бойтесь, — сказалъ онъ, — да вы не бойтесь, я не возьму его отъ васъ. Я такъ счастливъ.

Она взглянула на него сквозь туманъ слезъ. Хотѣла объяснить что-то, переглотнула, увидѣла, какимъ нѣжнымъ и радостнымъ свѣтомъ весь пышетъ карликъ, — и не объяснила ничего. {191}

Встала, торопливо подняла съ полу липко-черные комочки перчатокъ.

— Ну вотъ, теперь вы знаете... Больше ничего не нужно... Я пойду.

Внезапная мысль кольнула Фреда. Къ дрожи счастья примѣшался пронзительный стыдъ. Онъ спросилъ, теребя бранденбургги халата:

— А онъ какой? Онъ не...

— Нѣтъ, нѣтъ, — большой, какъ всѣ мальчики, — быстро сказала Нора и разрыдалась опять.

Фредъ опустилъ рѣсницы.

— Я бы хотѣлъ видѣть его.

Радостно спохватился.

— О, я понимаю, — онъ не долженъ знать, что я вотъ такой. Но, можетъ быть, вы устроите...

— Да, непременно, непременно, — торопливо, почти сухо говорила Нора, направляясь къ двери. — Какъ-нибудь устроимъ... А я должна итти... Поѣздъ... Двадцать минутъ ходьбы до станціи.

Обернувшись въ дверяхъ, она въ послѣдній разъ тяжело и жадно впиалась глазами въ лицо Фреда. Солнце дрожало на его лысинѣ; прозрачно розовѣли уши. Онъ ничего не понималъ отъ изумленія и счастья. И когда она ушла, Фредъ еще долго стоялъ посреди комнаты, боясь неосторожнымъ движеніемъ расплескать сердце. Онъ старался вообразить своего сына и могъ только вообразить самого себя, одѣтаго школьникомъ, въ бѣлокуромъ паричкѣ. Онъ какъ то перенесъ свой обликъ на сына, — самъ пересталъ ощущать себя карликомъ.

Онъ видѣлъ, какъ онъ входитъ въ домъ, встрѣчаетъ сына; съ острой гордостью гладитъ его по свѣтлымъ волосамъ... {192} И потомъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ Норой, — глупая, какъ она испугалась, что онъ отниметъ мальчика! — выходитъ на улицу и на улицѣ...

Фредъ хлопнулъ себя по ляжкамъ. Онъ даже забылъ у Норы спросить адресъ.

И тогда началось что-то сумасшедшее, несуразное. Онъ бросился въ спальню, сталъ одѣваться, неистово торопясь; надѣлъ все самое лучшее, крахмальную рубашку, полосатые штаны, пиджакъ, сшитый когда-то въ Парижѣ, — и все улыбался, и ломалъ ногти въ щелкахъ тугихъ ящичковъ, и дважды долженъ былъ присѣсть, — такъ вздувалось и раскачивалось сердце, — и снова попрыгивалъ по комнатѣ, отыскивалъ котелокъ, котораго такъ давно не носилъ, и, наконецъ, мимоходомъ посмотрѣвшись въ зеркало, — гдѣ мелькнулъ статный пожилой господинъ, строго и изящно одѣтый, — Фредъ сбѣжалъ по ступенямъ крыльца, уже полный новой ослѣпительной мысли: вмѣстѣ съ Норой

поѣхать въ Лондонъ, — онъ успѣетъ догнать ее, — и сегодня же вечеромъ взглянуть на сына.

Широкая, пыльная дорога вела прямо къ вокзалу. Было по воскресному пустынно, но ненарокомъ изъ-за угла вышелъ мальчишка съ крикетной лаптой въ рукѣ. Онъ то первый и замѣтилъ карлика. Хлопнулъ себя по цвѣтной кепкѣ, глядя на удаляющуюся спину Фреда, на мельканіе мышиныхъ гетръ.

И сразу, Богъ вѣсть откуда взявшись, появились другіе мальчишки и, разинувъ рты, стали вкрадчиво догонять карлика. Онъ шелъ все быстрѣе, поглядывая на золотые часы, посмѣиваясь и волнуясь. Отъ солнца слегка поташнивало. А мальчишекъ все прибавлялось, {193} и рѣдкіе прохожіе въ изумленіи останавливались, гдѣ-то звонко пролились куранты, сонный городокъ оживалъ и вдругъ разразился безудержнымъ, давно таимымъ смѣхомъ.

Не въ силахъ сладить со своимъ нетерпѣніемъ, Картофельный Эльфъ пустился бѣжать. Одинъ изъ мальчишекъ прошмыгнулъ впередъ, заглянулъ ему въ лицо; другой крикнулъ что-то грубымъ, гортаннымъ голосомъ. Фредъ, морщась отъ пыли, бѣжалъ, — и вдругъ показалось ему, что мальчишки, толпой слѣдовавшіе за нимъ, — все сыновья его, веселые, румяные, стройные, — и онъ растерянно заулыбался, и все бѣжалъ, крикая, стараясь забыть сердце, огненнымъ клиномъ ломавшее ему грудь.

Велосипедистъ на сверкающихъ колесахъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ, прижималъ рупоромъ кулакъ ко рту, ободрялъ его, какъ это дѣлается во время состязаній. На пороги выходили женщины, щурились отъ солнца, громко смѣялись, указывая другъ другу на пробѣгавшаго карлика. Прислушались всѣ собаки въ городкѣ; прихожане въ душной церкви невольно прислушивались къ лаю, къ задорному улюлюканью. И все густѣла толпа, бѣжавшая вокругъ карлика. Думали, что это все — великолѣпная шутка, цирковая реклама, съемки...

Фредъ начиналъ спотыкаться, въ ушахъ гудѣло, запонка впивалась въ горло, нечѣмъ было дышать. Стонъ смѣха, крикъ, топотъ ногъ оглушили его. Но вотъ, сквозь туманъ пота, онъ увидѣлъ передъ собой черное платье. Нора медленно шла вдоль кирпичной стѣны въ потокахъ солнца. И вотъ — обернулась, остановилась. Карликъ добѣжалъ до нея, вцѣпилъ въ складки юбки... {194}

Съ улыбкой счастья взглянулъ на нее снизу вверхъ, попытался сказать что-то, — и тотчасъ, удивленно поднявъ брови, сползъ на панель. Кругомъ шумно дышала толпа. Кто-то, сообразивъ, что все это не шутка, нагнулся надъ карликомъ и тихо свистнулъ, снялъ шапку.

Нора безучастно глядѣла на крохотное тѣло Фреда, похожее на черный комокъ перчатки. Ее затолкали. Кто-то взялъ ее за локоть.

— Оставьте меня, — вяло проговорила Нора, — я ничего не знаю... У меня на дняхъ умеръ сынъ... {195}

УЖАСЪ

Со мной бывало слѣдующее: просидѣвъ за письменнымъ столомъ первую часть ночи, когда ночь тяжело идетъ еще въ гору, — и очнувшись отъ работы какъ разъ въ то мгновенье, когда ночь дошла до вершины и вотъ-вотъ скатится, перевалить въ легкій туманъ разсвѣта, — я вставалъ со стула, озябшій, опустошенный, зажигалъ въ спальнѣ свѣтъ — и вдругъ видѣлъ себя въ зеркалѣ. И было такъ: за время глубокой работы я отвыкъ отъ себя, — и, какъ послѣ разлуки, при встрѣчѣ съ очень знакомымъ человѣкомъ, въ теченіе нѣсколькихъ пустыхъ, ясныхъ, безчувственныхъ минутъ видишь его совсѣмъ по новому, хотя знаешь, что сейчасъ пройдетъ холодокъ этой таинственной анестезіи, и обликъ человѣка, на котораго смотришь, снова оживетъ, потеплѣетъ, займетъ свое обычное мѣсто, и снова станетъ такимъ знакомымъ, что ужъ никакимъ усиліемъ воли не вернешь мимолетнаго чувства чуждости, — вотъ точно такъ я глядѣлъ на свое отраженіе въ зеркалѣ и не узнавалъ себя. И чѣмъ пристальнѣе я разсматривалъ свое лицо, — чужіе, немигающіе глаза, блескъ волосковъ на скулѣ, тѣнь вдоль носа, — чѣмъ {196} настойчивѣе я говорилъ себѣ: вотъ это я, имя рекъ, — тѣмъ непонятнѣе мнѣ становилось, почему именно это — я, и тѣмъ труднѣе мнѣ было отождествить съ какимъ то непонятнымъ («я») лицомъ, отраженное въ зеркалѣ. Когда я рассказывалъ объ этомъ, мнѣ справедливо замѣчали, что такъ можно дойти до чортиковъ. Дѣйствительно раза два я такъ долго всматривался поздно ночью въ свое отраженіе, что мнѣ становилось жутко, и я поспѣшно тушилъ свѣтъ. А на утро, пока брился, мнѣ уже въ голову не приходило удивляться своему отраженію.

Бывало со мной и другое: ночью, лежа въ постели, я вдругъ вспоминалъ, что смертенъ. Тогда въ моей душѣ происходило то же, что происходитъ въ огромномъ театрѣ, когда внезапно потухаетъ свѣтъ, и въ налетѣвшей тьмѣ кто-то рѣзко вскрикиваетъ, и затѣмъ вскрикиваетъ нѣсколько голосовъ сразу, — слѣпая буря, темный паническій шумъ растетъ, — и вдругъ свѣтъ вспыхиваетъ снова, и безопасно продолжается представленіе. Такъ, бывало, душа моя задохнется на мигъ, лежу навзничъ, широко открывъ глаза, и стараюсь изо всѣхъ силъ побороть

страхъ, осмыслить смерть, понять ее по-житейски, безъ помощи религій и философій. И потомъ говоришь себѣ, что смерть еще далека, что успѣешь ее продумать, — а самъ знаешь, что все равно никогда не придумаешь, и опять въ темнотѣ, на галеркѣ сознанія, гдѣ мечутся живыя, теплыя мысли о милыхъ земныхъ мелочахъ, проносится крикъ, — и внезапно стихаетъ, когда, наконецъ, повернувшись на-бокъ, начинаешь думать о другомъ.

Полагаю, что все это — и недоумѣніе передъ ночнымъ зеркаломъ, и внезапное паническое предвкушеніе {197} смерти, — ощущенія, знакомыя многимъ, и если я такъ останавливаюсь на нихъ, то потому только, что въ этихъ ощущеніяхъ есть частица того высшаго ужаса, который мнѣ однажды довелось испытать. Высшій ужасъ... особенный ужасъ... я ищу точнаго опредѣленія, но на складѣ готовыхъ словъ нѣтъ ничего подходящаго. Напрасно примѣряю слова, ни одно изъ нихъ мнѣ не въ пору.

Жилъ я счастливо. Была у меня подруга. Помню, какъ меня измучила первая наша разлука, — я по дѣлу уѣзжалъ за-границу, — и какъ потомъ она встрѣчала меня на вокзалѣ — стояла на перонѣ, какъ разъ въ клѣткѣ желтаго свѣта, въ пыльномъ снопѣ солнца, пробившаго стеклянный сводъ, и медленно поворачивала лицо по мѣрѣ того, какъ проползали окна вагоновъ. Съ нею мнѣ было всегда легко и покойно. Только однажды... Да, вотъ тутъ я опять чувствую, какое неуклюжее орудіе — слово. А хочется мнѣ объяснить... Это такой пустякъ, это такъ мимолетно: вотъ мы съ нею одни въ ея комнатѣ, я пишу, она штопаетъ на ложкѣ шелковый чулокъ, низко наклонивъ голову, и розовѣетъ ухо, наполовину прикрытое свѣтлой прядью, и трогательно блеститъ мелкій жемчугъ вокругъ шеи, и нѣжная щека кажется впалой, оттого что она такъ старательно пучитъ губы. И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ дѣлается страшно отъ ея присутствія. Это куда страшнѣе того, что я не сразу почувствовалъ ее на вокзалѣ. Мнѣ страшно, что со мной въ комнатѣ другой человѣкъ, мнѣ страшно самое понятіе: другой человѣкъ. Я понимаю, отчего сумасшедшіе не узнаютъ своихъ близкихъ... Но она поднимаетъ голову, быстро, всѣми чертами лица, улыбается мнѣ, — {198} и вотъ, отъ моего страннаго страха уже нѣтъ и слѣда. Повторяю, это случилось всего только разъ, — это тогда мнѣ показалось глупостью нервовъ, — я забылъ, что въ одинокую ночь, передъ зеркаломъ, мнѣ приходилось испытывать нѣчто очень похожее.

Прожили мы вмѣстѣ около трехъ лѣтъ. Я знаю, что многіе не могли понять нашу связь. Недоумѣвали, чѣмъ могла привлечь и удержать меня эта простенькая женщина, но, Боже мой, какъ я любилъ ея непримѣтную миловидность, веселость, ласковость, птичье трепыханіе

ея души... Вѣдь дѣло въ томъ, что какъ разъ ея тихая простота меня охраняла: все въ мірѣ было ей по-житейски ясно, и мнѣ даже иногда казалось, что она совершенно точно знаетъ, что ждетъ насъ послѣ смерти, — и мы о смерти никогда не говорили. Въ концѣ третьяго года я опять принужденъ былъ уѣхать на довольно долгій срокъ. Наканунѣ моего отъѣзда мы почему-то пошли въ оперу. Когда, сидя на малиновомъ диванчикѣ въ темноватой, таинственной аванложѣ, она снимала огромные, сѣрые ботики, вытаскивала изъ нихъ тонкія, шелковыя ноги, я подумалъ о тѣхъ очень легкихъ бабочкахъ, которыя вылупляются изъ громоздкихъ, мохнатыхъ коконовъ. И было весело, когда мы съ ней нагибались надъ розовой бездной залы и ждали, чтобъ поднялся плотный, выцвѣтшій занавѣсъ въ блѣдныхъ, золотистыхъ изображеніяхъ различныхъ оперныхъ сценъ. И голымъ локтемъ она чуть не скинула внизъ съ барьера свой маленькій перламутровый бинокль.

И вотъ, когда уже всѣ разошлись, и оркестръ, вобравъ воздухъ, приготовился грянуть, — вдругъ въ огромномъ розовомъ театрѣ потухли сразу всѣ лампочки, {199} — и налетѣла такая густая тьма, что мнѣ показалось — я ослѣпъ. И въ этой тьмѣ все сразу задвигалось, зашумѣло, и паническій трепетъ перешелъ въ женскія восклицанія, и оттого что отдѣльные мужскіе голоса очень громко требовали спокойствія, — крики становились взволнованные. Я разсмѣялся, началъ ей что-то говорить, — и почувствовалъ, что она вцѣпилась мнѣ въ руку, молча мнетъ мнѣ манжету. И, когда свѣтъ снова наполнилъ театръ, я увидѣлъ, что она сидитъ вся блѣдная, стиснувъ зубы. Я помогъ ей выйти изъ ложи, — она качала головой, съ виноватой улыбкой порицая свой ребяческій испугъ, — и потомъ расплакалась, попросилась домой. И только въ каретѣ она успокоилась, и, прижимая комочкомъ платокъ къ сіяющимъ глазамъ, стала мнѣ объяснять, какъ ей грустно, что завтра я уѣзжаю, и какъ было бы нехорошо этотъ послѣдній вечеръ провести на людяхъ, въ оперѣ.

А черезъ двѣнадцать часовъ я уже сидѣлъ въ вагонѣ, глядѣлъ въ окно на туманное, зимнее небо, на воспаленный глазокъ солнца, не отстающій отъ поѣзда, на бѣлыя поля, которыя безъ конца раскрывались, какъ исполинскій лебяжій вѣеръ. Въ большомъ нерусскомъ городѣ, куда я черезъ сутки пріѣхалъ, и довелось мнѣ высшій ужасъ испытать.

Началось съ того, что я дурно спалъ три ночи сряду, а четвертую не спалъ вовсе. За послѣдніе годы я отвыкъ отъ одиночества, и теперь эти одинокія ночи были для меня острымъ, безвыходнымъ страданіемъ. Въ первую ночь я видѣлъ ее во снѣ: было много солнца, и она сидѣла на постели въ одной кружевной сорочкѣ и до упаду хохотала, не могла остановиться. {200} И вспомнилъ я этотъ сонъ совсѣмъ случайно, про-

ходя мимо бѣльевого магазина, — и когда вспомнилъ, то почувствовалъ, какъ все то, что было во снѣ весело, — ея кружева, закинутое лицо, смѣхъ, — теперь, наяву, страшно, — и никакъ не могъ себѣ объяснить, почему мнѣ такъ непріятенъ, такъ отвратителенъ этотъ кружевной, хохочущій сонъ. Я много работалъ и много курилъ, и все у меня было чувство, что мнѣ нужно, какъ говорится, держать себя въ рукахъ. Ночью, раздѣваясь, я нарочно посвистывалъ и напѣвалъ, но вдругъ, какъ трусливый ребенокъ, вздрагивалъ отъ легкаго шума за спиной, отъ шума пиджака, соскользнувшего со стула.

На пятый день, рано утромъ, послѣ безсонной ночи, я вышелъ пройтись. То, что буду рассказывать дальше, мнѣ хотѣлось бы напечатать курсивомъ, — даже нѣтъ, не курсивомъ, а какимъ-то новымъ, невиданнымъ шрифтомъ. Оттого, что я ночью не спалъ, во мнѣ была какая-то необыкновенно воспримчивая пустота. Мнѣ казалось, что голова у меня стеклянная, и легкая ломота въ ногахъ тоже казалась стеклянной. И сразу, какъ только я вышелъ на улицу... Да, вотъ теперь я нашелъ слова. Я спѣшу ихъ записать, пока они не потускнѣли. Когда я вышелъ на улицу, я внезапно увидѣлъ мѣръ такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Вѣдь мы утѣшаемъ себя, что мѣръ не можетъ безъ насъ существовать, что онъ существуетъ, поскольку мы существуемъ, поскольку мы можемъ себѣ представить его. Смерть, безконечность, планеты, — все это страшно именно потому, что это внѣ нашего представленія. И вотъ, въ тотъ страшный день, когда, опустошенная безсонницей, я вышелъ на улицу, въ {201} случайномъ городѣ, и увидѣлъ дома, деревья, автомобили, людей, — душа моя внезапно отказалась воспринимать ихъ, какъ нѣчто привычное, человѣческое. Моя связь съ мѣромъ порвалась, я былъ самъ по себѣ, и мѣръ былъ самъ по себѣ, — и въ этомъ мѣрѣ смысла не было. Я увидѣлъ его такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ: я глядѣлъ на дома, и они утратили для меня свой привычный смыслъ; все то, о чемъ мы можемъ думать, глядя на домъ... архитектура... такой-то стиль... внутри комнаты такія-то... некрасивый домъ... удобный домъ... — все это скользнуло прочь, какъ сонъ, и остался только бессмысленный обликъ, — какъ получается бессмысленный звукъ, если долго повторять, вникая въ него, одно и то же обыкновеннѣйшее слово. И съ деревьями было то же самое, и то же самое было съ людьми. Я понималъ, какъ страшно человѣческое лицо. Все — анатомія, разность половъ, понятіе ногъ, рукъ, одежды, — полетѣло къ чорту, и передо мной было нѣчто, — даже не существо, ибо существо тоже человѣческое понятіе, — а именно нѣчто, движущееся мимо. Напрасно я старался пересилить ужасъ, напрасно вспоминалъ, какъ однажды, въ дѣтствѣ, я проснулся и, прижавъ затылокъ къ низкой подушкѣ, поднялъ глаза, и

увидаль спросонья, что надъ рѣшеткой изголовья наклоняется ко мнѣ непонятное лицо, безносое, съ черными, гусарскими усиками подъ самыми глазами, съ зубами на лбу, — и, вскрикнувъ, привсталъ, и мгновенно черные усики оказались бровями, а все лицо — лицомъ моей матери, которое я сперва увидаль въ перевернутомъ, непривычномъ видѣ. И теперь я тоже старался привстать, дабы зримое приняло вновь свое обычное положеніе, {202} и это не удавалось мнѣ. Напротивъ, чѣмъ пристальнѣе я вглядывался въ людей, тѣмъ бессмысленнѣе становился ихъ обликъ. Охваченный ужасомъ, я искалъ какой-нибудь точки опоры, исходной мысли, чтобы, начавъ съ нея, построить снова простой, естественный, привычный міръ, который мы знаемъ. Я, кажется, сидѣлъ на скамейкѣ въ какомъ-то паркѣ. Дѣйствій моихъ въ точности не помню. Какъ человѣку, съ которымъ случился на улицѣ сердечный припадокъ, нѣтъ дѣла до прохожихъ, до солнца, до красоты стариннаго собора, — а есть въ немъ только всепоглощающее желаніе дышать, — такъ и у меня было только одно желаніе: не сойти съ ума. Думаю, что никто никогда такъ не видѣлъ міра, какъ я видѣлъ его въ тѣ минуты. Страшная нагота, страшная бессмыслица. Рядомъ какая-то собака обнюхивала снѣгъ. Я мучительно старался понять, что такое «собака», — и оттого, что я такъ пристально на нее смотрѣлъ, она довѣрчиво подползла ко мнѣ, — и стало мнѣ до того тошно, что я всталъ со скамьи и пошелъ прочь. И тогда ужасъ достигъ высшей точки. Я уже не боролся. Я уже былъ не человѣкъ, а голое зрѣніе, безцѣльный взглядъ, движущійся въ бессмысленномъ мірѣ. Видъ человѣческаго лица возбуждалъ во мнѣ желаніе кричать.

Какимъ-то образомъ я оказался опять у входа моей гостиницы. И тутъ ко мнѣ подошелъ кто-то и назвалъ меня по имени. Онъ тыкалъ мнѣ въ руку свернутый лоскутокъ. Бумажку эту я машинально развернулъ. И сразу весь мой ужасъ прошелъ, я мгновенно о немъ забылъ, все стало опять обыкновеннымъ и незамѣтнымъ: гостиница, перемѣнные отблески {203} въ стеклахъ вращающихся дверей, знакомое лицо швейцара, подавшаго мнѣ телеграмму. Я стоялъ посрединѣ широкой прихожей. Прошелъ господинъ, съ трубкой, въ клѣтчатымъ картузѣ, толкнулъ меня и важно извинился. Я чувствовалъ удивленіе и большую, невыносимую, но совсѣмъ естественную, совсѣмъ человѣческую боль. Въ телеграммѣ сообщалось, что она находится при смерти.

И пока я ѣхалъ къ ней, и пока сидѣлъ у ея кровати, мнѣ и въ голову не приходило разсуждать о томъ, что такое жизнь, что такое смерть, ужасаться жизни и смерти. Женщина, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, умирала. Я видѣлъ и чувствовалъ только это.

Она меня не узнала, когда я толкнулся колѣномъ о край постели, на которой она лежала, подъ огромными одѣялами, на огромныхъ подушкахъ, — сама маленькая, съ волосами, откинутыми со лба, отчего сталъ замѣтенъ по окату виска тонкій шрамъ, который она всегда скрывала подъ низкой волной прически. Она меня не узнала, но я чувствовалъ по улыбкѣ, раза два легко приподнявшей уголокъ ея губъ, что она въ своемъ тихомъ бреду, въ предсмертномъ воображеніи видитъ меня, такъ что передъ нею стояли двое, — я самъ, котораго она не видѣла, и двойникъ мой, который былъ невидимъ мнѣ. И потомъ я остался одинъ, — мой двойникъ умеръ вмѣстѣ съ нею.

Ея смерть спасла меня отъ безумія. Простое человѣческое горе такъ наполнило мою жизнь, что для другихъ чувствъ мѣста больше не было. Но время идетъ, ея образъ становится въ моей душѣ все совершеннѣе и все безжизненнѣе, — и мелочи прошлаго, живыя, {204} маленькія воспоминанія незамѣтно для меня потухаютъ, какъ потухаютъ, одинъ за другимъ, иногда по два, по три сразу, то здѣсь, то тамъ, огоньки въ окнахъ засыпающаго дома. И я знаю, что обреченъ, что пережитый однажды ужасъ, беспомощная боязнь существованія когда-нибудь снова охватитъ меня, и тогда мнѣ спасенія не будетъ. {205}